

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева»

На правах рукописи

Орлова Ольга Николаевна

**ГОРОДСКИЕ ПРАКТИКИ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА**

Специальность – 5.7.7. Социальная и политическая философия

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Голенков Сергей Иванович

Самара – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Пространство города как предмет социально-философской рефлексии	20
1.1 Социальное пространство и урбанистический дискурс: точки пересечения	22
1.2 К пониманию феномена городского пространства	44
1.3 Граница как конституирующий элемент городского пространства	61
Глава 2. Городские практики: понятие, типология, акторы	80
2.1 Городские практики: подход к определению	80
2.2 Типология городских практик	98
2.3.1 Креативные практики	100
2.3.2 Адаптивные практики	109
2.3.3 Поддерживающие практики	119
2.3 Акторы городских практик	123
Заключение	138
Список литературы	143

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность

Осмысление города – устойчивый мировой тренд, который определяет тематическую рамку многих современных исследований, в том числе социально-философских, основанием для которых является пространственная природа бытия города.

Общественно-политическая дискуссия, разворачивающаяся вокруг городского пространства, создает обширную эмпирическую базу для философской рефлексии относительно бытия человека в городе. В последние годы на Московском урбанистическом форуме¹, который объединяет специалистов по городскому развитию разных стран и направлений, все чаще звучат заявления, что политические, экономические и социальные вопросы мирового масштаба в обозримом будущем все меньше будут решаться на уровне государств. Эксперты указывают, что независимыми площадками для межнационального диалога станут города, в которых сосредоточены важнейшие материальные и нематериальные ресурсы². Ещё в начале 20-го века О. Шпенглер заявил, что «всемирная история – это городская история»³. Это свидетельствует об изменении роли города не только в масштабах местного ареала, но и в поле глобального взаимодействия. Произошедшие трансформации делают актуальным философский анализ города как важнейшего социального феномена, исследование и определение сущностных характеристик современного города, изменений привычной городской формации.

Для российской действительности осмысление города имеет особое значение, так как оно связано с переформатированием советского наследия и определением новых путей становления российских городов. В последнее

---

¹ Сайт Московского урбанистического форума. URL: <https://mosurbanforum.ru/>

² Кларк Г. Глобальные города и национальные государства: новый курс на партнерство в XXI веке // Сайт Московского урбанистического форума. М., 2014. URL: <https://mosurbanforum.ru/upload/iblock/6e7/6e78825dc0288c058dc33a4d0483fba9.pdf>

³ Шпенглер О. Закат Европы: в 2-х т. Т.2. М.: Айрис-Пресс, 2004. С. 92.

десятилетие отмечается новый виток формирования отечественной урбанистической повестки: растет интерес к специализированным форумам и конференциям, востребованными становятся междисциплинарные городские исследования, организуются институты, занимающиеся вопросами городского развития⁴, появляются многочисленные общественные инициативы, направленные на улучшение городской жизни, а также федеральные и областные программы по развитию территорий.

Такой интерес к городской тематике в России и за рубежом можно объяснить значительной трансформацией современного города, которая характеризуется такими процессами, как экстенсивный рост городских поселений и образование агломераций⁵; появление новых видов экономической деятельности, связанных с рынком услуг⁶; интенсификация мобильности горожан внутри городов, а также между ними⁷; рост численности населения в крупных городах⁸; усложнение социальной структуры города⁹.

Исследователи и публицисты, указывая на быстрые и не всегда понятные городские изменения, говорят о возрастающих рисках транспортных коллапсов, экологических и цифровых катастроф, которые чреватны опасными социально-

---

⁴ Среди российских организаций можно выделить: Институт экономики города, КБ «Стрелка», финансовый институт развития в жилищной сфере России «Дом.РФ», Высшую школу урбанистики имени А.А. Высоковского.

⁵ См. Берджесс Э. У. Рост города: Введение в исследовательский проект // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. IV. Вып. 1–2 (11–12). С. 168–171; Киселева Н. Н., Маркварт Э., Стародубровская И. В. Управление пространственными изменениями на региональном и муниципальном уровнях: учебное пособие. М.: Издательский дом «Дело», 2018. С. 133 и др.

⁶ Тультаев Т.А. Современные тенденции развития рынка услуг и его принципиальные отличия от сферы материального производства // Экономика, статистика, информатика. 2010. №6. С. 124–127.

⁷ Лычко С.К., Мосиенко Н.Л. Общественный транспорт в практиках мобильности: повседневные маршруты горожан // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 256 - 273.

⁸ Города набирают ресурсы // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4836706>.

⁹ Алексеевский М. Городская антропология: от локальных «племен» к глобальным «потокам» // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press, 2017. С. 78–99; Вагин В. В. Социология города // Библиотека Гумер. Учебное пособие для муниципальных управляющих. М.: Московский научный общественный фонд, Школа муниципального управления, 2001. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/index.php.

политическими последствиями¹⁰. Глобальные угрозы, по мнению З. Баумана, затрагивают не только крупные города, уязвимыми перед их влиянием становятся любые территории, проблемы материализуются во вполне конкретных местах отдельного города¹¹. Все это провоцирует повышенную тревожность по поводу будущего городов и судьбы горожанина.

Происходящие изменения свидетельствуют о том, что город становится все более сложным феноменом, который требует выработки новых подходов к его управлению и развитию, а также к теоретическому осмыслению. Если на уровне интуиции феномен города видится понятным, то с методологической точки зрения достаточно сложно выделить его определяющие характеристики. Во-первых, это объясняется разнообразием городов как в плане их появления и исторического развития, так и в аспекте их специализации. Отечественный исследователь Сергей Александрович Ромашко утверждает, что история человечества демонстрирует нам удивительную многоликость городов¹². Поселение, которое мы сегодня обозначает термином «город», разительно отличается от города античности или средних веков. Портовые, торговые, промышленные, технологические, курортно-оздоровительные, «туристические», «образовательные» и иные типы городов также разнятся между собой. Теоретические рамки, определяющие город прошлого, не всегда применимы к определению города сегодняшнего.

Во-вторых, город имеет многокомпонентную структуру, включающую в себя административный, социальный, экономический, архитектурный, инженерный, культурный, исторический, цифровой и другие слои. Как отмечает Петр Георгиевич Щедровицкий, «...город есть все. Все структуры жизни и деятельности людей, все социальные институты, все формы человеческой активности, все процессы, характерные для данной культурно-

---

¹⁰ Макаренко К.В, Логиновская В.О. «Умный город»: стандарты, проблемы, перспективы развития // Вестник ЮУрГУ. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника». 2019. Т. 19, № 3. С. 165-171.

¹¹ Бауман З. Город страхов. Город надежд // Логос 2008. 3 (66). С. 24-53.

¹² Ромашко С. А. Пространство диалектики. Коммуникативная среда мегаполиса. // Российское Экспертное Обозрение. 2006. №2 (16). С. 51-54.

исторической и социально-экономической формации, выворачиваются в пространство “города” и находят там свою специфическую форму представительства»¹³. Это «выворачивание» делает задачу теоретического анализа феномена города чрезвычайной сложности.

Кроме того, с одной стороны, современный город является неотъемлемой частью ускоряющихся социально-экономических, культурных, политических и иных процессов, с другой – его многокомпонентность, масштабность, динамичность, инициируют нарастание скорости трансформации современного города, что значительно усложняет теоретическое осмысление этих изменений и поиск эффективных способов управления ими.

Отмеченные выше особенности современного города определяют необходимость формирования нового видения феномена города, которое в наибольшей степени, с одной стороны, адекватно отражало глобальные тренды его развития, и тем самым позволяло выстраивать сбалансированные проекты его будущего, и, с другой стороны, принимало в расчет локальную, культурно-историческую и т. д. уникальность каждого города. Поскольку одним из важных механизмов процесса трансформации города, совмещающего в себе обе эти стороны, являются городские практики, актуальность их исследования становится очевидной.

Степень разработанности проблемы

Тематика города и городского пространства имеет длительную исследовательскую традицию, берущую своё начало в эпоху античности. Несмотря на то, что работы о городе относятся к разным историческим эпохам, особо интенсивное развитие начинается в XIX веке, когда предметом научно-исследовательского интереса становится не только город в целом, но и отдельные аспекты городской жизни. Современные городские исследования

---

¹³ Щедровицкий П. Г. Философия развития и проблема города // Формула развития. Сборник статей: 1987-2005. Москва, Архитектура-С, 2005. С. 26-35.

продолжают эту тенденцию и представлены широким спектром тем и направлений, составляющих общую научную урбанистическую повестку.

Говоря о разнообразии разрабатываемых тематик, описывающих городское пространство, стоит упомянуть следующие блоки. Философское осмысление *категории «пространство»*, начавшееся в античности и получившее свое развитие в философии Нового времени, продолжается до сегодняшних дней. Многообразие вариантов понимания пространства демонстрируют работы Левкиппа и Демокрита, Эпикура, Платона, Аристотеля, представителей пифагорейской школы, А. Августина, Р. Декарта, Г. В. Лейбница, Дж. Локка, Т. Гоббса, И. Ньютона, И. Канта, Г. В. Гегеля, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Ж.-Л. Нанси, Ж. Делёза и др.

В своих теоретических аспектах проблематика пространства города опирается на обширный корпус работ, посвященных *социальному пространству* в исследованиях Г. Зиммеля, М. Вебера, Э. Дюркгейма, П.А. Сорокина, А. Щюца, П. Бурдьё, Э. Гидденса, Э. Гоффмана, Ж. Делёза, Ж. Лакана, А. Лефевра, Б. Латура, Дж. Ло, Ж.-Л. Нанси, Р. Парка, Д. Харви и др. Анализ социального пространства является предметом интереса ряда отечественных авторов В.Е. Кемерова, К.С. Пигрова, В.А. Конева, Т.Х. Керимова, О.И. Иванова, В.Б. Устьянцева, С.И. Голенкова, А.Ф. Филиппова и др.

Исследование *городского пространства* представлено широким спектром работ, реализованных в разных науках и научных дисциплинах. Особый интерес представляют труды, дающие социально-философское и философско-культурологическое осмысление города и городского пространства. К ним относятся труды Платона, Аристотеля, А. Августина, Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ф. Энгельса, Ф. Тенниса, В. Беньямина, Ж. Бодрийяра, Б. Вальденфельса, М. Де Серто, В. В. Афанасьевой, И.В. Тулигановой, Э. Амина, Н. Трифта, В.А. Конева, Е.А. Когай, Е.Г. Трубиной, О. Ф. Филимоновой, Е.В. Горновой, Т.В. Бернюкевич, Е.Я. Бурлиной, Л.Г. Иливицкой, А.В. Чечулина, Е.С. Кочуховой и др. Особо

отметим, что в данном диссертационном исследовании понятия «городское пространство» и «пространство города» будут использоваться как синонимы, так как в научных работах их терминологическое разграничение, как правило, не проводится, а для настоящей работы их отличие (каковое, несомненно, существует) не является значимым.

Значительный корпус литературы посвящен *социально-экономическим аспектам городского пространства*, который представлен в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Вебера, И. Г. Тюнена, В. Кристаллера, А. Леша, Ч. Бута, Э. Берджесса, Р. Парка, Л. Вирта, Э. Глейзера, Д. Харви, Л. Холлис, Р. Флориды, Г. Зиммеля, Ф. Тенниса, Ч. Бута, А. Лефевра, З. Баумана, П. Бурдьё, З. Баумана, В. Вахштайна, А. В. Шмелькова, Р. Сеннета, С. Сассен, С. Лоу, Н. Трифта, Э. Амина, Ш. Зукин и др.

Культурологический и искусствоведческий аспекты пространства города подвергнуты всестороннему анализу в исследованиях В. Беньямина, А. В. Иконникова, Ю. М. Лотмана, В. А. Куренного, Д. Н. Замятина, П. Вайля, А. Маркова, Е. Я. Бурлиной, Ю. А. Кузовенковой, А. В. Данильца, В. А. Конева и др.

Особо стоит отметить исследования *города как текста* в работах таких авторов как Ю. М. Лотман, Д. С. Лихачев, В. Н. Топоров, Г. В. Вилинбахов, А. А. Данилевский. *Феномен Другого и Постороннего* в городе раскрывается в научных работах и художественных произведениях В. Беньямина, М. Бубера, Ж.-П. Сартра, Д. Кларка, А. Камю, Ф. Кафки, Ж. Бодрийяра. В отечественной современной философии тематика Другого разрабатывается Т. П. Волковой, Я. Красицким, А. Н. Беларевым Ю. Н. Сысоевой, С. И. Голенковым и многими другими авторами.

Эволюция *градостроительных и архитектурных взглядов* представлена трудами Платона, Аристотеля, Витрувия, Л.-Б. Альберти, Т. Кампанеллы, Э. Говарда, Ле Корбюзье, К. Линча, Л. Б. Когана, В. Л. Глазычева, Е. А. Репиной, М. Ю. Храмовой и др.

Междисциплинарные исследования города выполнялись такими учеными, как Е. Г. Трубина, Л. Холлис, Э. Амина, Н. Трифт. Отечественный исследователь Е. Г. Трубина, делая обзор современных подходов, предлагает систематизацию многочисленных теорий города¹⁴. Английский историк и урбанист Л. Холлис, анализирует элементы, составляющие современный город, и доказывает, что именно город даже при существующих в нем проблемах является лучшим для человека местом¹⁵. Авторы разными способами описывают и классифицируют города, рассматривают город как совокупность отдельных элементов, последовательно выделяя транспорт, социально-экономические отношения, архитектуру, общественные пространства, городские художественные практики, проблемы экологии, цифровые технологии¹⁶ и др.

Практика как важнейшая основа человеческой жизнедеятельности, имеющая свою специфику в целенаправленности, имеет солидную исследовательскую традицию, начало которой заложили в античности Платон, Аристотель, Алкиной, продолжали в Новое время Г. Галилей, Ф. Бэкон Р. Декарт, Б. Спиноза, Дж. Локк, И. Кант, И. Фихте, Г. Гегель, Л. Фейербах. Практика стала одной из основных категорий *исторического материализма* К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, разработка которой продолжалась в XX веке В.Ф. Асмусом, Э. Я. Баталовым, Н. В. Дученко, И. Е. Зуевым, Ю. К. Плетниковым, Е. А. Самарской, А. Стойкевичем, Т. Рожухедь, М. Н. Руткевичем, Д. Хофманом, И. Элезом, И. Т. Якушевским, Т. М. Ярошевским и др. Параллельно марксизму в исследовании практики возник в XIX веке и успешно развивался *прагматизм*, представленный трудами Ч. Пирса, У. Джеймса, Дж. Дьюи, Дж. Мида, Дж. Тафтса, Д. Деннета, Х.

---

¹⁴ Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Елена Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.

¹⁵ Холлис Л. Город вам на пользу: Гений мегаполиса / Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.

¹⁶ Афанасьева В. Философия города. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2012. 243 с.

Патнэма, Р. Рорти. В XX веке оформилась школа *праксиса* М. Кангрга, Г. Петрович, М. Маркович, Т. Котабринский, Е.Е. Слуцкий и др.

Социальные практики стали предметом исследования в работах П. Адо, П. Бурдьё, П. Бергера, Т. Лукмана, Л. Витгенштейна, Г. Гарфинкеля, Э. Гидденса, К. Гирша, И. Гофмана, Т. Парсонса, М. Фуко, А. Шюца и др. В социальных науках России эта проблематика представлена работами В.В. Волкова, В.И. Добренкова, Т.И. Заславской, Н.А. Ивановой, Л.Г. Ионина, Н.Н. Козловой, А.И. Кравченко, Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова, Н.М. Романовой, О.В. Хахорина, С.С. Шугальского и др.

Городские практики активно разрабатываются методами философского и научного осмысления многими исследователями. Им посвящены работы М. де Серто, Е. Г. Трубиной, Е.В. Барчуговой, Т.В. Бернюкевич, С.В. Бершадской, Э.Ю. Минаевой, О.Ю. Мининой, А.А. Лисенковой, Л.Г. Горохоской и др. Необходимо заметить, что многочисленные работы, посвященные различным аспектам социального действия в городской среде активно используют термин «городские практики», который, однако, до сих пор не имеет сколь-нибудь ясного определения и концептуального анализа.

С нашей точки зрения, всестороннее исследование феномена «городские практики» инструментарием социальной философии позволило бы не только придать ему категориально-понятийный статус (что достаточно важно для его дальнейшей теоретической разработки), но и сделать его эффективным инструментом теоретического анализа процессов трансформации современного города в целом и такого его важного системообразующего элемента как городское пространство.

Объектом исследования выступает городское пространство как сложноустроенный и многосторонний социальный феномен, состоящий из гетерогенных, постоянно трансформирующихся компонентов.

Предмет исследования – феномен городских практик в их самых разнообразных проявлениях, как механизм трансформации городского пространства.

Целью исследования является экспозиция городских практик в качестве инструмента социально-философского анализа процессов трансформации городского пространства. Достижение поставленной цели предполагает решение определенных задач.

Задачи исследования:

1. На основании анализа понятий «пространство» и «социальное пространство» выявить исследовательские оптики, описывающие способы и формы существования городского пространства, позволяющие определить основные элементы и характеристики пространства города.
2. Обосновать феномен границы как конституирующий элемент городского пространства.
3. Определить термин «городские практики» в качестве социально-философского понятия.
4. На материале современных городских практик определить критерий и дать типологию городских практик.
5. Описать субъектные модальности основных акторов городских практик.

Методология и методы исследования

Основой анализа городского пространства и городских практик в диссертации является феноменологический и дескриптивный методы. Сложность таких феноменов, как городское пространство и городские практики определяет необходимость включать в работу методы других наук и дисциплин, таких, как социология, экономика, культурология, урбанистика. Для их комплексного анализа используются междисциплинарный и системный подходы. В построении социально-философской модели городских практик опорой составили теоретико-методологические взгляды французского исследователя Мишеля де Серто.

Характеристика материалов исследования

В работе использованы труды известных советских, русских, европейских исследователей, занимавшихся изучением рассматриваемых в исследовании проблем. Кроме того, в исследовании использованы материалы социологических исследований, проводимых автором диссертации.

Положения, выносимые на защиту

1. Городское пространство – место интеграции предметных, социальных и ценностных структур человеческого бытия, амбивалентное по своей природе. С одной стороны, оно выступает местом порождения человека как культурного существа, а с другой – само воспроизводится и трансформируется человеком. Городское пространство один из видов социального пространства с его общественной доступностью мест, в которых осуществляется социальное взаимодействие, консолидирующее в себе предметы материального и символического мира, представителей разных социальных групп. В силу своей природы городское пространство обладает текучестью, подвижностью внешних и внутренних границ, находится в состоянии постоянного становления и трансформации.

2. В процессе конструирования и трансформации городского пространства важную роль играет такой его элемент как границы. С одной стороны, границы выступают в качестве предела, позволяющего различать содержание городских локаций, с другой - в качестве рубежа, выполняющего функцию перехода из одной локации в другую. Изменение границ определяет трансформацию городского пространства.

3. Городские практики в диссертационном исследовании рассматриваются как специфический вид творческой деятельности человека по освоению пространства города. Как способ освоения пространства города городские практики представляют собой сложноструктурированную деятельность, которая включает в себя как рациональные, так и иррациональные элементы: производство, понимание, переживание. Учитывая рациональные и иррациональные составляющие городских практик, их можно

определить как специфический способ освоения городского пространства, реализуемый через его производство, понимание и переживание.

4. Существование широкого спектра городских практик обуславливает возможность типологизировать их по разнообразным основаниям. Рассматривая изменение городского пространства как сущностный функционал городских практик в диссертации проводится их типологиизация на практики креативные, адаптивные и поддерживающие. К креативному типу практик мы относим те, которые в той или иной мере трансформируют городское пространство. Адаптивные практики подразумевают приспособление горожанина к изменившемуся пространству города. Поддерживающие практики полагают баланс в меняющихся компонентах городского пространства (прежде всего между предметными, символическими и социальными).

5. Акторами городских практик, так или иначе участвующих в трансформации городского пространства выступают активный горожанин, фланер, посторонний и «не-человечки» (Б. Латур). Активный горожанин и «не-человеки» указывают на бесконечный творческий потенциал городских практик. Феномен постороннего демонстрирует, что непривычное, необычное в городском пространстве имеет потенциал стать общепринятой нормой. Фланер в свою очередь лишь всматриваясь в спектакль городской жизни все же формирует диспозицию в городском пространстве в виде наблюдающего и действующего.

Научная новизна

В настоящее время существует значительный объем работ, описывающих сложную и изменчивую структуру городского пространства, которое изучается разными научными дисциплинами. Вместе с тем в социально-философской рефлексии отмечается недостаток исследований, посвященных изучению факторов трансформации городского пространства, его изменчивой структуры, чем и объясняется новизна данного исследования.

В рамках диссертационной работы:

1. Городское пространство представлено как один из видов пространства социального, характеризующееся общественной доступностью мест социального взаимодействия, консолидирующее в себе предметы материального и символического мира, представителей разных социальных групп и индивидуально действующих субъектов.

2. Концепт «граница» определен как конституирующий элемент городского пространства. Показано, что изменение границ определяет трансформацию городского пространства.

3. Впервые дано определение концепту «городские практики», в основание которого положено представление о нем как о специфическом виде творческой деятельности человека по освоению пространства города, сочетающего в себе рациональные и иррациональные компоненты (производство, понимание, переживание).

4. Предложен критерий типологизации городских практик, в основание которого положено представление о городском пространстве как изменчивом, постоянно развивающемся и трансформирующемся феномене. Впервые обозначены типы городских практик – креативные, адаптивные и поддерживающие, – трансформирующие городское пространство.

5. Выделены типы субъектов городских практик, участвующие в трансформации городского пространства: активный горожанин, фланер, посторонний, «не-человеки» (Бруно Латур).

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты расширяют представления о городских практиках в контексте социальной философии. Они могут быть использованы как основа теоретических исследований по архитектуре и градостроительству, которые в настоящее время обращаются к философии для выстраивания новых подходов к проектированию общественных пространств и планировке городов¹⁷.

---

¹⁷ Репина Е. А. Спонтанность в творческом методе современной архитектуры: 18.00.01 / Репина Евгения Александровна. Нижний Новгород, 2009. 321 с.

Предложенный в работе подход к пониманию сущности, субъектах и типах городских практики, трансформирующих городское пространство может быть использован:

- при построении программы социокультурных, социально-экономических исследований современных городов;
- при проведении предпроектных исследований, необходимых для реализации проектов территориального развития, при создании концепций преобразований городских территорий;
- при принятии управленческих решений в сфере градостроительства;
- при разработке образовательных курсов и программ для лиц, занимающихся управлением и развитием городского пространства.

Степень достоверности полученных результатов

Основные положения диссертации обсуждались на кафедре философии Самарского университета и получили положительное заключение. Степень достоверности полученных результатов обуславливается проведенным социально-философским анализом рассматриваемой проблемы в междисциплинарном контексте. Анализ осуществлялся с применением методологии, помогающей корректно решить поставленные задачи. Важным аспектом является соотнесение полученных теоретических выводов с прикладной стороной и практически значимыми результатами.

Апробация предварительных результатов исследования проходила на международных и всероссийских научно-практических конференциях: IV Международная научно-практическая конференция «Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры» (Самара, 23-24 мая 2016 г.); VI Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации» (Липецк, 4-5 ноября 2016 г.); Всероссийская научная конференция с международным участием «Диагностика современности: глобальные вызовы – индивидуальные ответы» (Самара, 29-30 июня 2017 г.); Всероссийская научная конференция с международным участием памяти Станислава Лема «IV Лемовские чтения»

(Самара, 22-24 марта 2018 г.); III Международная научная конференция Гуманитарные Губкинские чтения «Будущее в настоящем: человеческое измерение цифровой эпохи» (Москва, 5-6 апреля 2018 г.); Международная научно-техническая конференция «Перспективные информационные технологии» (Самара, 14-16 апреля 2018 г.); Международная научная конференция «Гуманизация современной философии и гуманитаризация общественных наук» (Екатеринбург, 17-18 мая 2018 г.); Всероссийская научная конференция (с международным участием) «Особенности интеграции гуманитарных и технических наук» (Москва, 27-28 сентября 2018 г.); X ежегодная конференция «Глазычевские чтения. Комплексное развитие территорий: практические задачи и инструменты модернизации» (Липецк, 5-6 июня 2022 г.); IV Инновационно-образовательный Кампус «Научно-производственный бизнес: устойчивое развитие экономики и ESG-трансформация» (Казань, 14 апреля 2022 г.).

Основные результаты исследования и положения диссертации отражены в 22 публикациях автора, в том числе 4 в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, сборниках международных и всероссийских конференций. *Публикации в рецензируемых научных журналах:* 1) Орлова О. Н. Определение феномена постороннего // Аспирантский вестник Поволжья. 2016. Т.16. № 7-8. С. 78-82; 2) Орлова О. Н. Роль нарративов в создании модели нового города // Аспирантский вестник Поволжья. 2017. Т.17. № 7-8. С. 70-74. 0,63; 3) Орлова О. Н. Новые городские практики – новый способ мыслить город // Вестник Тверского государственного университета. Серия: философия. 2018. № 4. С. 126-130; 0,3 п.л.; 4) Орлова О.Н. Социально-философские основания трансформации пространства города // Социология. 2024. №3. С. 242-250. *Другие публикации:* 5) Орлова О.Н. Фестиваль уличной культуры как способ обживания городского пространства (на материале фестиваля уличной культуры в Самаре) // Вестник Тюменского государственного института культуры. Вып. 2: Социум. Культура. Личность. Досуг: современные социокультурные практики в региональном культурном пространстве: сборник

материалов VII международной научно-практической конференции, 17 ноября 2016 года. Тюменский государственный институт культуры. Тюмень: РИЦ ТГИК, 2016. Вып. 2(6). С. 103-105. 6) Орлова О.Н. Памятники истории и культуры: способы обживания в городе // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры. Материалы IV Международной научно-практической конференции: в 2 частях. Под редакцией С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. 2016. с. 239-245; 7) Орлова О.Н. Трансформация образа города в городских пейзажах Нового времени // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 4-5 ноября 2016 г. - Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2016 - ISBN 978-5-88526-791-5. С. 77-80; 8) Орлова О. Н. Позиционирование городских экскурсий: новые подходы // Развитие туризма и туристкой деятельности в Росси и за рубежом: сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. 31 октября 2016 г. Нижний Новгород: НОО «профессиональная наука», 2016. С. 65-70. URL: http://scipro.ru/wp-content/uploads/2015/11/tourism_10_2016.pdf; 9) Орлова О.Н. Оцифрованный город как антипод спонтанности // Гуманитарный научный журнал. Саратов, 2017. С. 34-37; 10) Орлова О. Н. Человекомерный подход как объединяющий фактор междисциплинарных городских исследований // Особенности интеграции гуманитарных и технических знаний: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (27-28 сентября 2018 г.). Москва: НИУ МГСУ, 2018. С. 330-334; 11) Орлова, О. Н. Философия города как методологическая основа человекомерного взгляда на город // Гуманизация современной философии и гуманитаризация общественных наук: материалы научной конференции (17–18 мая 2018 г.) / под ред. В. Е. Кемерова, Д. А. Томильцевой. Екатеринбург: Деловая книга, 2018. С. 67-70; 12) Орлова, О. Н. Городские сообщества как составляющая цифрового города // Перспективные информационные технологии (ПИТ 2018) [Электронный ресурс]: труды Международной научно-технической конференции / под ред. С.А. Прохорова. Электрон. текстовые и

граф. дан. (34,4 Мбайт). Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2018. 1424 с. 13) Орлова О. Н. Города будущего в истории: гипотезы и реальность // Четвертые Лемовские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2018. С. 202-206; 14) Орлова, О. Н. Особенности преподавания спецкурсов о городском пространстве студентам гуманитарных специальностей // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 50-55; 0,75 п.л.; 15) Орлова О. Н. IT-технологии в городских исследованиях: возможности и ограничения // Будущее в настоящем: человеческое измерение цифровой эпохи: Материалы III Международной научной конференции Гуманитарные Кубинские чтения (Москва, 5-6 апреля 2018 г.). Ч. 3. М: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2018. С. 97-100; 16) База данных «Параметры мобильности и социально-психологические характеристики горожан» / Авторы и правообладатели: Давыдкина Л. В., Орлова О. Н. Электрон. текстовые дан. (12,8 Мбайт). Дата регистрации: 10.01.2019. Номер свидетельства: 2019620043; 17) Давыдкина Л.В., Орлова О.Н. Пространственные сценарии исторического центра Самары // Проблемы исторической реконструкции. Сборник статей. Самарский государственный технический университет. Самара, 2019. С. 293-300; 18) Орлова О.Н., Голенков С.И. Роль социологии и культурологии в привлечении ресурсов для развития городского пространства // Международная молодёжная научная конференция «XV Королёвские чтения», посвящённая 100-летию со дня рождения Д. И. Козлова тезисы докладов. Т. 2. АНО «Издательство СНЦ». Самара, 2019; 19) Двороводство: пособие по бесконфликтному развитию территории / Сост.: Л.В. Давыдкина, О.Н. Орлова, отв. ред.: О.Е. Куранда. Самара: ООО «Вектор», 2020. 307 с.; 20) Орлова О.Н. Подростки в городе: запрос на общественные пространства // Города будущего: пространственное развитие, соучаствующее управление и творческие индустрии / Отв. ред. Д.П. Соснин. Москва: Издательский дом «Дело» (РАНХиГС), 2021. С. 210-233; 21) Решение Думы

городского округа Самара от 13 декабря 2022 г. № 252 «О внесении изменений в Решение Думы городского округа Самара от 26 сентября 2013 года № 358 «Об утверждении Стратегии комплексного развития городского округа Самара на период до 2025 года». 2022. URL: <https://base.garant.ru/405968669/>; 22) Орлова О.Н. Навигационные сервисы для маломобильных горожан: проблемы создания и использования // Устойчивое развитие: геополитическая трансформация и национальные приоритеты. Материалы XIX Международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. В 2-х томах. Том 1. / Отв. редакторы выпуска: А.В. Семёнов, П.Н. Кравченко. М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2023. 720-729.

Теоретические выводы, полученные в ходе работы над диссертацией, используются автором в профессиональной деятельности, в частности, в процессе социокультурных исследований города, при комплексном проектировании территорий.

Личный вклад автора в каждый этап проведения исследовательской работы охватывает все аспекты процесса проведения исследования, такие как планирование, структурирование содержания, разработку методологии, написание текста работы. Автором выполнен независимый поиск источников, интерпретация полученной информации, апробация результатов. Произведенные исследовательские выводы были документированы и опубликованы как статьи и тезисы по тематике проведенного исследования.

Достоверность полученных результатов обоснована применением признанных методов социально-философского исследования, использованием достаточно обширного ряда источников по социальной философии и социогуманитарным дисциплинам.

Структура диссертационного исследования определяется поставленной целью и задачами. Работа состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка использованной литературы. Общий объем диссертации составляет 160 страниц.

ГЛАВА 1. ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Пространственный поворот¹⁸, произошедший в современном социальном и гуманитарном знании, определяет изменение отношения в том числе к городу и актуализирует его территориальную компоненту. Фредрик Джеймисон связывает пространственный поворот в отношении города, или, как говорит исследователь, «аппетит к архитектуре», с культурой постмодерна. «Этот аппетит к архитектуре, не согласуется, однако, с прежней установкой “меня это не касается”, выработанной различными общественными классами республики по отношению к городским центрам. Этот аппетит отсылает, конечно, к городу и к отдельно стоящему зданию, сделанному, как правило, из каменных блоков, чью пространственную форму вам нравится видеть»¹⁹. Сама специфика города, понимание его как пространственного образования, обуславливают необходимость более детального исследования городского пространства и его трансформации.

Исследование категории «пространство» имеет длительную историю, в течение которой были выявлены и описаны многие его характеристики. Одними из первых о пространстве вели речь древнегреческие атомисты Демокрит, Левкипп²⁰, Эпикур²¹, определяя его как пустоту²², Платон указал на порождающую силу пространства, которым «совершается рождение»²³. Согласно Аристотелю, стремление тела к месту, предопределенному его

---

¹⁸ Савчук В. В. Феномен поворота в культуре XX века // culturalresearch.ru: Международный журнал исследований культуры. 10. 2013. С. 101-102.

¹⁹ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 247.

²⁰ Диоген Лаэртский. О жизни, сочинениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 571 с.

²¹ Эпикур. Письмо к Геродоту // Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М., 1983. С. 293.

²² Мотрошилова Н.В. Атомы и пустота /История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. М.: Греко-латинский кабинет, 1995. С.87-89.

²³ Платон. Тимей // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. СПб, 2007. Т.3. Ч. 1. С. 534.

природой, – это своеобразная система координат философии пространства, где существуют верх, низ, право, лево²⁴. Средневековые представления о пространстве характеризуются теоцентричностью и связанной с ней биполярностью, которая проявляется в противопоставлении мира священного и мира профанного²⁵.

В Новое время Рене Декарт, Исаак Ньютон, Готфрид Вильгельм Лейбниц начинают трактовать пространство в геометрическом аспекте, делают его осязаемым²⁶. А идеи Томаса Гоббса о воображаемом пространстве и Джона Локка о форме и месте как модификациях пространства положили начало традиции, которая рассматривает возможность конструирования пространства. Согласно Иммануилу Канту, пространство наряду со временем является базовым элементом человеческого разума, выступая условием упорядочивания внешних чувственных данных *a priori*²⁷. В отличие от представлений Канта, для Гегеля пространство – это наиболее абстрактная характеристика инобытия идеи, лишенная каких-либо качественных определений и полагающее истинное во внешней равнодушной рядоположенности моментов²⁸.

Феномен пространства продолжает осмысляться и в современной философской мысли. Мартин Хайдеггер рассматривает пространство как *соконститутив* экзистирующего бытия-в-мире²⁹. Пространственный универсум у Жана-Поля Сартра конституируется присутствием человека (меня и

---

²⁴ Философы Греции. Основы основ: логика, физика, этика. М.: Эксмо Пресс; Харьков: Фолио. 1999. С. 652.

²⁵ См., например: Блаженный Августин. Творения (том третий). О граде Божиим. Книги I–XIII. СПб: Алетейя; Киев: УЦИММ Пресс, 1998. 595 с.

²⁶ См.: Декарт Р. Сочинения в 2-х т.: Т. I. М.: Мысль, 1989. 654 с.; Ньютон И. Математические начала натуральной философии / Пер. с лат. А. И. Крылова. М., 1989. 688 с.; Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. Том 1., Серия: философское наследие. М.: Мысль 1982. 636 с.

²⁷ Кант И. Критика чистого разума // И. Кант Соч. В 8-ми т. Т.3. М.: Чоро, 1994. С. 65.

²⁸ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 501 с.

²⁹ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Margenem, 1997. С. 110-111.

другого)³⁰. Ризоматическое пространство Жюлья Делеза поверхностное, не имеющее глубины и развивающееся только экстенсивно³¹.

В эволюции философских взглядов на пространство прослеживаются повторяющиеся мотивы. Во-первых, пространство в разных философских теориях видится вместилищем, причиной или условием всего сущего, возможностью возникновения вещей. Эта идея зарождается в античности у Платона и продолжает развиваться в современной философии благодаря работам Хайдеггера, Сартра, Делёза и др. Во-вторых, оно обладает продуктивностью и конституирующей силой, имеет мощный трансформирующий потенциал. В-третьих, пространство тесно связано с границами и разграничением. Именно они формируют пространство, являются причиной его появления.

1.1 Социальное пространство и урбанистический дискурс: точки пересечения

Исследуя пространство города в предметном поле социальной философии, важно обозначить позиции, определяющие соотношение социального пространства и пространства городского. Связь социального с пространственными коннотациями прослеживается в работах немецкого философа и социолога Георга Зиммеля, который отмечал, что социальное пространство обнаруживается лишь благодаря энергии деятельности, движения, динамике субъекта: «Жестом человек как бы духовно овладевает указанной им частью пространства. Мы совсем не понимали бы пространство или понимали бы его совершенно иначе, если бы не двигались в нем, и характер этих движений выражает характер этого понимания»³². В его

---

³⁰ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. С. 278.

³¹ Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 12.

³² Зиммель Г. Женская культура // Избранное. Т. 2. М.: 1996. С. 249.

концепции важно выделить способность человека обживать пространство, проявлять активность по отношению к нему и, главное, быть в движении.

Динамизм, связанный с социальным пространством, также исследовался социологом Питиримом Сорокиным, предметом интереса которого были перемещения индивида в общественном пространстве. Он противопоставляет социальное пространство пространству геометрическому³³. Люди, территориально близко находящиеся друг к другу, могут принадлежать к разным социальным пространствам. Социальное пространство появляется там, где человек соотнесен с другими людьми. Исследователь пишет: «Определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие точки отсчета»³⁴. Если в Декартовом пространстве точками отсчета являются предметы, то в социальном пространстве, по мнению П. Сорокина, ими становятся такие социальные позиции, как брат, отец, отношения старшинства. Такая система соотнесений имеет сложную многоуровневую структуру. Отношение человека к разным социальным группам одновременно может носить вертикальный и горизонтальный характер. Так, например, социальный философ отмечает: «Внутри группы римских католиков один из них может быть епископом, тогда как другие – всего лишь рядовыми прихожанами. Внутри группы республиканцев один может занимать крупный пост в партии, другие же – рядовые избиратели»³⁵.

В концепции П. Сорокина социальное пространство существует отдельно от физических объектов³⁶. Соглашаясь в принципе с этим тезисом необходимо отметить, что невозможно рассматривать социальные отношения в отрыве от места, где они будут разворачиваться. И если мысленно совместить

---

³³ Сорокин П. А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / Под ред. А.Ю. Соломонова. М., 1992. С. 297-307.

³⁴ Сорокин П. А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / Под ред. А.Ю. Соломонова. М., 1992. С. 298.

³⁵ Там же. С. 300.

³⁶ Там же. С. 298.

многомерную систему социального пространства с материальным миром современного города, то мы получим ещё более сложную структуру, отражающую специфику пространства современного города.

Оригинальную позицию в отношении физического и социального пространства занимает французский социолог Пьер Бурдьё. Французский исследователь рассматривал социальное пространство в тесной связи с пространством физическим. Социальное, по его мнению, находит свое выражение в материальном мире. Это происходит посредством размещения в физическом пространстве социальных агентов и реализации в нем социальных практик. Он утверждает: «Как тела и биологические индивиды, они помещаются, так же, как и предметы, в определенном пространстве ... и занимают одно место»³⁷. Но конституирующую роль в формировании общественных отношений всё же играет пространство социальное, материальный же мир выступает проекцией социальных взаимоотношений. По утверждению П. Бурдьё, «физическое пространство не может мыслиться в таком своем качестве иначе, как через абстракцию (физическая география), то есть игнорируя решительным образом все, чему оно обязано, являясь обитаемым и присвоенным»³⁸.

Основными понятиями, которые описывают социологическую теорию П. Бурдьё, являются понятия «габитус» и «поле». Габитус представляет собой «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, ... порождающие и организующие практики и представления»³⁹. В отличие от подходов, трактующих поведение человека как функцию места, в теории П. Бурдьё способ действия человека определяется габитусом. Поле понимается исследователем как место «действий и противодействий, совершаемых агентами, обладающими постоянными диспозициями, которые

---

³⁷ Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007. С. 49.

³⁸ Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 40.

³⁹ Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.1. № 2. СПб : Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ», 1998. С. 45.

некоторым образом усвоены в ходе опыта нахождения в данном поле»⁴⁰. В этом поле идет процесс присвоения социального, культурного, экономического капитала. Таким образом, социальное пространство в теории П. Бурдьё объективируется в физическом пространстве, в результате чего образуется сложное многомерное пространство, включающее в себя иерархию социальных взаимодействий, пространственную диспозицию в физическом мире, а также процесс присвоения разного рода капиталов.

В неомарксистских теориях XX века исследователи пытаются избежать полюсного восприятия пространства, на одной стороне которого находится предметное поле, на другой - идеальное понимание пространства. Французский философ и социолог Анри Лефевр в своей книге *Производство пространства* предлагает рассмотреть социальное пространство с трех позиций. Репрезентация пространства - профессиональный взгляд архитекторов, урбанистов, ученых. Пространство репрезентаций, которое представляет собой чувственный опыт жителей⁴¹. И пространственные практики, характеризующееся практиками, которые структурируют социальное пространство⁴². Социальное пространство в разных перспективах своего рассмотрения обнаруживает свои характеристики наиболее четко, когда отделяется от предметного и ментального восприятия. В этой связи А. Лефевр пишет: «Так называемая социальная реальность двойственна, множественна, многозначна. Насколько она подкреплена некоей *реальностью*? В ней нет реальности, она не реальна в материальном смысле. Она содержит и предполагает до ужаса конкретные абстракции (ещё раз: деньги, товар, обмен материальными благами), а также чистые формы – формы товарного обмена, языка, знака; эквивалентность, обоюдность, договор и т.д.»⁴³. Вопрос А. Лефевра «*Насколько социальная реальность реальна?*» высвечивает

---

⁴⁰ Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. С. 109

⁴¹ Лефевр А. *Производство пространства*. М.: Strelka Press, 2015. С. 92.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

проблему измерений самой социальной реальности и, как следствие, проблему измерений социального пространства города.

В концепции англо-американского географа, теоретика марксизма, Дэвида Харви, также предложено три способа понимания пространства, в одном из которых присутствует репрезентация пространства социального: 1) пространство как абсолют, «вещь в себе», обладающая существованием, независимым от содержания. Это пространство обладает структурой, которую мы можем применять к изолированным или индивидуализированным феноменам; 2) релятивное пространство предполагает, что оно может быть понято как отношение между объектами, существующее лишь до тех пор, пока существуют и находятся в отношениях друг с другом сами объекты; 3) реляционное пространство как пространство, содержащееся в объектах, в том смысле, что об объекте можно сказать, что он существует, лишь поскольку он содержит и репрезентирует в себе самом отношения к другим объектам⁴⁴. Как отмечают критики первый способ ориентирует на понимание вещной среды города, второй и третий способы ориентируют на представление социального пространства как пространства коммуникации объектов в первом случае и людей во втором⁴⁵.

Тесная связь обнаруживается между концепциями социального пространства и философскими рассуждениями о феномене Другого, которые существенно обогащают теоретическое поле общественных взаимоотношений. Фигура Другого сама по себе предполагает существование человека во взаимоотношении с другими индивидами, обращенность действий, смыслов к ним. Кроме того, Другой определяет способы существования и конституирования общественных норм и правил. Значимым для данной работы является тот факт, что отношения с Другим актуализируют пространственную коннотацию социальных взаимосвязей.

---

⁴⁴ Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 8.

⁴⁵ Конев В.А. Измерения города // Конев В.А. Смыслы культуры: сборник статей. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. С. 186.

Основания для научной дискуссии вокруг концепта Другой и совместного бытия с Другим во многом определила экзистенциальная аналитика М. Хайдеггера. Рассуждая о соприсутствии других и повседневном совместном бытии, М. Хайдеггер подчёркивает отнесенность предметного мира, преобразованного человеком, к другим людям: «Поле к примеру, вдоль которого мы идем "за город", показывает себя принадлежащим тому-то, кем содержится в порядке, используемая книга куплена у..., получена в подарок от... и тому подобное»⁴⁶.

Бытие субъекта в системе координат Другого отмечается и другими философами, исследующими данную проблематику. Так в рассуждениях Жана-Люка Нанси о существовании, наполненном смыслом, говорится об обязательной обращенности смыслового посыла к Другим: «Смысл рождает моё отношение с самим собой в качестве дополнения к другому и от другого. Бытие без другого (или без друговости) не имеет смысла...»⁴⁷. Философ в описании бытия со-вместно создает модель общественных связей, которая помогает лучше понять принцип отношений в городской среде. Рассуждая о случайных попутчиках в одном купе, философ утверждает, что несмотря на то, что люди оказались рядом произвольно, и, казалось бы, не имеют ничего общего, всё же они разделяют одно пространство и время. Так же и городская среда порождает множество ситуаций, где человек разделяет одно пространство и время с незнакомцем: общественный транспорт, пешеходная улица, концертный зал, площадь и т. д. Нанси пишет: «Эта неопределённость создаёт "со-бытие": отношение без отношений, или же одновременную выказанность как к отношениям, так и к их отсутствию»⁴⁸.

Французский философ Жан-Поль Сартр понимал Другого как того, кто на меня смотрит, а отношения с ним рассматривал как постоянную возможность быть увиденным. Именно Другой становится тем началом, которое формирует

---

⁴⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Margenem, 1997. С.117-118.

⁴⁷ Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество: Новое издание пересмотренное и дополненное. М.: Водолей, 2011. С. 152.

⁴⁸ Там же С. 160.

социальное пространство: «Пространство, - полагает Сартр, - группируется вокруг Другого. И это пространство создается вместе с моим пространством»⁴⁹. Это осуществляется в том числе и посредством взгляда. Глаза, как инструмент наблюдения, Ж.-П. Сартр отделяет от самого взгляда. Первые находятся на определённом (измеримом) расстоянии, «тогда как взгляд сразу находится во мне без расстояния и в то же время держит меня на расстоянии, то есть его непосредственное присутствие по отношению ко мне разворачивает расстояние, которое удаляет меня от него»⁵⁰. Анализируя феномен взгляда, Сергей Иванович Голенков отмечает: «Значимость взгляда Другого определяется тем, что он задает пространственно-временное измерение моего бытия»⁵¹. Отметим, что состояние находиться под чьим-то взглядом важная характеристика существования в пространстве города. Оно определяется не только наличием оценивающего, довлеющего субъекта, но и просто иного взгляда, присутствующего с человеком в одном пространстве. Важным моментом в теории Ж.-П. Сартра является преобразующая характеристика взгляда Другого: «Взгляд другого касается меня через мир и является преобразованием не только меня, но полным изменением мира»⁵². Этот пассаж перекликается с современными представлениями о постоянно трансформирующемся городе, изменения которого в первую очередь касаются публичного поля, то есть поля взгляда Другого.

Оригинальную теорию присутствия-отсутствия Другого развивает Жиль Делез. Анализируя роман *Пятница или тихоокеанский лимб*, философ сравнивает героев Даниеля Дефо и Мишеля Турнье и рассуждает о том, каким бы был человек при условии, что Другой исчезает из структуры его

---

⁴⁹ Зиновьева А. А. Проблема Другого в философии Ж.-П. Сартра // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. №1. С. 29.

⁵⁰ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. С. 281.

⁵¹ Голенков С.И. Феномен взгляда в событии со-бытия // Герменевтика сообщества: материалы конференции. Самара: изд-во «Самарский университет», 2011. С. 79.

⁵² Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. С. 292.

мировосприятия⁵³. В отсутствие Другого «правит единственно грубое противостояние солнца и земли, невыносимого света и темноты бездны»⁵⁴. Делез противопоставляет социального Робинзона Д. Дефо одноименному герою романа М. Турнье. Постмодернистский, асоциальный Робинзон, навсегда утративший связь с Другим, стал абсолютным антиподом герою классического произведения. Именно утрата Другого заставила Робинзона М. Турнье отказаться от возвращения в цивилизацию, даже когда у него появилась такая возможность. Этот мысленный эксперимент писателя показывает значение структуры Другого для поддержания и воспроизводства определенного социального порядка с соответствующими нормами, ценностями. В этой связи можно говорить о том, что пространство города, подразумевающее публичность, общественность, людность, является той питательной средой, где формируется, поддерживается структура Другого.

Тема социального пространства достаточно тщательно исследовалась и отечественными социальными философами. Так, например, Вячеслав Евгеньевич Кемеров, рассматривая социальное бытие, отмечает, что социальное пространство есть метрика социального процесса, форма человеческой деятельности, которая имеет принципиально «не-физический характер». «Не-физический – в смысле того, что он задается не движением тел, ритмизуется не вращением колес и шестеренок, а социальными формами возобновления человеческих сил и сочетания человеческих деятельностей»⁵⁵. Социальный философ отмечает историчность метрики человеческой деятельности, которая реализуется в разных проекциях мировоззренческих представлений. Так древнеегипетская культура в основу своих мировоззренческих представлений и соответствующих изображений полагала горизонталь, тогда как древнегреческая культура стремилась к объемному

⁵³ Делез Ж. Мишель Турнье и мир без другого / Ж. Делез // Турнье, М. Пятница, или Тихоокеанский лимб: Роман / М. Турнье; пер. с фр. И. Волевич. СПб.: Амфора, 1999. С.282-302.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Кемеров В.Е. Введение в социальную философию: Учебник для вузов. Изд. 4-е, испр. М: Академический Проект, 2001. С. 132.

образу мира и человека, пыталась уравновесить различные пространственные характеристики предметов⁵⁶. Доминантой средневекового представления о порядке вещей, по мнению философа, становится вертикаль, формируется «готическое» мировоззрение⁵⁷. Эпоха Возрождения ищет средства для представления глубин пространства⁵⁸.

Анализируя сложившиеся в Новое время представления о пространстве, В. Е. Кемеров отмечает своеобразное «переподчинение» координат. Он пишет: «...Если прежде формы пространства выражали время и подчиняли себе его измерение, то теперь доминантой становится время, а формы пространства выявляют свое значение разных планов представления, разных граней, стадий, состояний бытия вещей и процессов»⁵⁹. Благодаря работам теоретиков естествознания того времени и, прежде всего, трудам И. Ньютона начинают господствовать абстракции пространства и времени, которые, по мнению В. Е. Кемерова, обретают организующую роль не только в теоретической, но и в практической деятельности людей. В следствии этого происходит «деконкретизацией мира вещей и людей, квантификацией деятельности и связей, его организующих»⁶⁰, что, с одной стороны, приводит к образованию однородного социального пространства, а, с другой – позволяет использовать его «для измерения особых человеческих актов, событий, способностей, вещей и т.д.»⁶¹. Социальное пространство у философа, таким образом, имеет онтологический статус метрики человеческой деятельности. И, являясь по своей природе «не-физическим» (В. Е. Кемеров) феноменом, выступает не только формой организации человеческой деятельности во взаимодействии людей друг с другом, но и оказывает активное влияние на само это взаимодействие.

---

⁵⁶ Кемеров В.Е. Введение в социальную философию: Учебник для вузов. Изд. 4-е, испр. М: Академический Проект, 2001. С. 133

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 133-134.

⁶⁰ Там же. С. 134.

⁶¹ Там же. С. 134-135.

Продуктивная для данного исследования теория социального пространства представлена трудами Константина Семёновича Пигрова. Он постулирует социальное пространство (и время) как форму социального бытия*. «Мы постулируем, что пространство и время — это соответственно *экстенсивная* и *интенсивная* формы бытия, т.е. пространство есть расположение одного *рядом* с другим, *подле* другого, а время — последовательность одного *после* другого»⁶². Социальное пространство (и время) как форма социального бытия имеет у философа онтологический статус, так как порождается самим социальным бытием⁶³.

Социальное пространство как форма социального бытия, по сути, есть социальный порядок, который в своем феномене территории имеет базовую конструкцию архетипа близи-дали. «На одном полюсе социального пространства находится архетип близи, на другом – дали»⁶⁴. Эти архетипы в разные исторические эпохи реализуются в разных образах, позволяя структурировать социальное пространство. Так в новоевропейской цивилизации близь и даль рационализируются в образах рамки и горизонта⁶⁵.

Важным, с точки зрения К. С. Пигрова, феноменом пространства выступает территория. Термин «территория» у философа означает пространство земной поверхности, присвоенной и освоенной тем или иным этносом⁶⁶. И как «присвоенная и освоенная» территория есть не просто географическое место, но артефакт, который позволяет этносу

---

* Необходимо отметить, что у К.С. Пигрова наряду с социальным пространством-временем существуют еще два типа форм бытия: «В тесной связи с социальным пространством-временем существуют еще два типа форм бытия: человеческое пространство-время (т. е. форма бытия человеческого индивида) и пространство-время человечества (во Вселенной). Социальное пространство-время задает модели пространству-времени всего человечества, а хронотоп индивида дает как социальному пространству-времени, так и пространству-времени всего человечества действительность непосредственного переживания». (Пигров К. С. Социальная философия: Учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С.82)

⁶² Пигров К. С. Социальная философия: Учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 80.

⁶³ Там же. С.82

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Пигров К.С. Очерки социальной философии: Учеб. пособие. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1998. С. 71-72.

экстернализоваться и объективироваться на ней⁶⁷. Как понятие социальной реальности территория рационально конкретизирует понятие социального пространства. Философ считает существенно необходимым развести представления территории на большую и малую, так как каждая из них задается разными способами. «Большая территория дается либо понятийно, либо с помощью средств массовой информации.

Малая территория задается непосредственными переживаниями индивида и его непосредственными коммуникациями, например – “малая родина”»⁶⁸. Одним из наиболее характерных феноменов большой территории у философа выступает *территория страны*, для которой базовым отношением является отношение центра и периферии, обеспечивающим, с одной стороны, собирание, единство территории, с другой – неизбежность самых разных конфликтов на ней⁶⁹. Малые территории - территории «соизмеримые с пространством человека (например, город, родной пейзаж и т.п.)»⁷⁰.

Оно организовано архитектурно и задается звучанием, например, колокольным звоном. «Архитектура и музыка в своей целокупности обеспечивают единство физического (географического) пространства, с одной стороны, и социального пространства — с другой»⁷¹. В отличии от большой территории, социальное пространство которой осваивается в основном рациональными средствами, в качестве которых философ указывает понятия и СМИ, малая территория осваивается как рациональными, так и, в большей мере, чувствами и эмоциями.

Описание порядка социального пространства терминами архетипов близи и дали, его деление на большую и малую территории позволяет социальному философу передать специфический способ осваивания человеком социального бытия. Он исходит из представления о том, «что, говоря о социальном бытии,

---

⁶⁷ Пигров К.С. Очерки социальной философии: Учеб. пособие. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1998. С. 71-72.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 82-83.

⁷⁰ Там же. 83

⁷¹ Там же. С. 71-72.

мы знаем, *что* это такое *изнутри*». «Мы участвуем в этом бытии, мы создаем его своими действиями, мы не только *понимаем* его рационально, но и *переживаем* его эмоционально»⁷². Этот особый опыт освоения и присвоения (через понимание и переживание) социальной реальности позволяет не просто рационально представить человеку свое *существование среди* предметов (вещей, тел, знаков), но и эмоционально пережить это «существование среди» в опыт своих состояний. «Когда в 12 часов ночи под Новый год, – пишет К.С. Пигров, – по радио идет прямая трансляция с Красной площади в Москве и удары курантов разносятся по всей стране, большая территория страны превращается в малую, способную к непосредственному эмоциональному восприятию территорию, «накрываемую» звоном курантов. Так культивируется чувство единства родины»⁷³.

Несомненный интерес вызывает представление социального пространства К.С. Пигровым как формы социального бытия, порожденной самим этим бытием. Такой феноменологический ракурс представления социального пространства позволил философу эксплицировать его формирующую роль как в социальном, так и экзистенциальном модусе существования человека, вызывая в нем (как социальном существе, то есть в его со-бытии с другим) не только понятийные конструкции понимания, но и эмоции, и переживания.

В работах Владимира Александровича Конева социальное пространство – сущностный модус человеческого мира. Оно представляет собой не просто гетерогенную среду человеческого существования с привилегированными точками и направлениями, но среду, сущностно определяемую смыслом. «В социальной действительности пространство не только выступает как благоприятная среда для жизнедеятельности человека, оно наполняется смыслом и становится гетерогенным, неоднородным. В социальном пространстве появляются привилегированные точки и привилегированные

---

⁷² Пигров К.С. Очерки социальной философии: Учеб. пособие. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1998. С. 58.

⁷³ Там же.

направления. ... В конце концов, в человеческом пространстве всегда есть различие точек “здесь” и “там”, которые имеют разный смысл для действующего человека и организуют его пространство⁷⁴. Именно смысл задает определенность социальному пространству, определяя направления человеческого действия, и тем самым принципиально отличая его от пространства физического, для которого исходно положение тела. Эта особенность смысла, пишет В. А. Конев, вытекает из самого способа бытия смысла, который осуществляется через соотнесение удерживаемых одновременно двух ситуаций⁷⁵.

В социальном пространстве смыслом образуется измерение внутреннего, скрытого. «Особенностью социального пространства является наличие в нем глубины, укрытого, внутреннего»⁷⁶. Это внутреннее – смысловое – измерение социального пространства реализуется в социальной действительности в феноменах пространственных отношений вещей, предметные ассоциации которых представляют собой человеческие артефакты в виде квартиры, дома, города, дороги и т.д.⁷⁷. Ярким примером такой предметной ассоциации, организованной смыслом, у В. А. Конева выступает дом, который он называет «хранителем смысла». «Дом - хранение смысла, так как именно в его пространстве возникают те связи, которые определяют исходные для человека смыслы. Отсюда начинается путь жизни человека, и здесь закладываются основания распознавания всех других смыслов. Поэтому дом, возникающий как пространственное сооружение, перестает быть чисто архитектурным образованием, превращаясь в способ организации начального социального опыта человека»⁷⁸. Именно такого рода обыденные «вещи» помогают человеку осваивать (присваивать, понимать и переживать) различные пространственные

⁷⁴ Конев В.А. К Социальная философия: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С. 52.

⁷⁵ Конев В.А. Метрика пространства человеческого бытия // Конев В.А. Смыслы культуры: сборник статей. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. С. 178.

⁷⁶ Конев В.А. К Социальная философия: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С. 53.

⁷⁷ Там же. С. 53.

⁷⁸ Там же. С. 53-54.

измерения своего индивидуального мира, среди которых социальное пространство занимает важное место.

Социальное пространство, согласно позиции философа, обнаруживает себя через предметные и телесные практики. «Телесные практики человека, т.е. его жесты, поступки (движения тела), обращение с телом, расположение человека относительно других людей, порождают собственно социальное (социетальное) пространство. Это пространство общения людей, пространство, в котором разворачивается их конкретное поведение»⁷⁹. Поведение людей определяет место человека в социальном пространстве, наделяя его определенным социальным статусом, то есть определенными правами и обязанностями. Последние организуют нормативное движение индивида в социальной среде, итогом которого является формирование социальных групп. «Взаимодействие групп и образует поле социетального пространства, в котором есть высшие и низшие классы, левые, правые и центристские партии и т.п. Различие позиций в социетальном пространстве находит свое выражение и в организации физического пространства...»⁸⁰. Мысль философа о том, что основанием, формирующим конфигурации социального пространства, выступают телесные практики человека является продуктивной при исследовании трансформаций самых разных пространств.

Телесные практики В. А. Коневым определяются не только как основной «механизм» организации социального пространства, они определенным образом его конфигурируют. «Различные виды практик организуют различные формы социального пространства»⁸¹. Производство вещей и вещное обустройство социального мира как результат разных предметных и телесных практик порождает разные способы упорядочения вещной среды, разные способы вещного оформления общественных отношений людей, и, в конце

---

⁷⁹ Пигров К.С. Очерки социальной философии: Учеб. пособие. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1998. С. 55.

⁸⁰ Конев В.А. К Социальная философия: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С. 55.

⁸¹ Там же. С. 54.

концов, разные типы цивилизаций. «Цивилизация аграрная или цивилизация техническая отличаются той предметной средой, которую они создают и в которой протекает общественная жизнь»⁸².

Трактовка социального пространства у В.А. Конева включает, прежде всего, его смысловое основание. Признание им привилегированности особых точек и направлений в социальном пространстве, их смысловой нагруженности, позволяет принципиальным образом отграничить гетерогенность социального пространства от гомогенности пространства физического. Отметим, что на смысловое содержание социальных феноменов указывают и другие исследователи⁸³.

Еще одной продуктивной идеей является идея конструктивной природы социального пространства. Представляя собой пространство дифференциации позиций, различие позиций в социальном пространстве у В.А. Конева «не дается, не возникает спонтанно, а организуется, возникает благодаря активности того, кто формирует эту позицию»⁸⁴. Именно благодаря своеобразной диалектике целенаправленной деятельности человека и «конституции» социального пространства, с одной стороны дифференцированность социального пространства конституируется благодаря деятельности человека, с другой – реализация направленности самой человеческой деятельности определяется дифференциацией социального пространства⁸⁵.

---

⁸² Конев В.А. К Социальная философия: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С. 54.

⁸³ Голенков С.И., анализируя основания социальных феноменов, пишет: «Смысл выступает глубинным “порядком” феномена, определяющим его существование в качестве феномена социального». (Голенков С.И. К основаниям социального // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005 г.): В 5 т. Т.3. М.: Современные тетради, 2005. С.383).

⁸⁴ Конев В.А. К Социальная философия: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С.57.

⁸⁵ Диалектика конструируемости социального пространства и его порождающего потенциала отмечаются и другими исследователями. См. напр.: Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас, 2010 №2 (70)
URL:<https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/soczialnoe-prostranstvo.html>.

Оригинальный подход в понимании социального пространства представлен работами Тапдыга Хафизовича Керимова. В своем подходе к пониманию социального пространства философ исходит из положения о бытии как событии, а именно как событии связи одной сингулярности с другой, как социации, в которой «бытие дается или открывается как первоначальное бытие-вместе, которое только впоследствии допускает индивидуализацию или сингуляризацию каждого сущего»⁸⁶. В этом контексте пространство-время осмысливается как открытие или экстериорность, которое никогда не закрывается или не складывается с собой и всегда подразумевает «вместе»⁸⁷.

В этом своем представлении философ следует логике Ж.-Л. Нанси, развитой в работе *Бытие единичное множественное*. «“Вместе”, – пишет французский философ, – это совместное владение пространством-временем, это в-одно-время-и-в-одном-месте как таковое, отделенное в самом себе. ... Бытие есть вместе с бытием, оно не покрывает себя, но существует возле себя, рядом с собой, в самом себе, в касании, в парадоксе приближенности, в которой раскрываются удаленность и чуждость. Мы: суть каждый раз другой, каждый раз с другими»⁸⁸. Время и пространство в таком случае, отмечает Т.Х. Керимов, мыслятся как «модальность события бытия», маркируя тем самым, «специфическую операцию, действие, отграничивающее конкретное место, или локус»⁸⁹.

Оригинальность трактовки Т. Х. Керимова пространства-времени как события «вместе» заключается в том, что «пространство-время перестает быть априорно заданной трансцендентальной формой, оно со-вместно и со-современно, то есть является опространствованием-овременением, поскольку каждый раз устанавливается в соответствии с логикой со-бытийности»⁹⁰. В этой

---

⁸⁶ Керимов Т. Х. Социальная философия: учебник. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 106.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск: Логвинов, 2004. С. 64.

⁸⁹ Керимов Т. Х. Социальная философия: учебник. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 107.

⁹⁰ Там же.

логике социальность не находится в пространстве или во времени, но и не является пространством и временем, социальность оформляется в пространственно-временную системность (социальный хронотоп). И именно благодаря пространству-времени социальная реальность становится объективно присутствующей, воспроизводимой и трансформируемой⁹¹. «Пространство-время не существует вне процесса его постоянного воспроизводства в ходе взаимодействия людей, оно является одновременно и условием, и средством человеческой деятельности»⁹². Фактически можно без натяжки рассматривать социальный хронотоп у философа как событие опространствливания-овременения бытия-вместе. Или, еще определеннее, социальный хронотоп и есть бытие.

Развивая свое видение социального хронотопа, Т.Х. Керимов фиксирует то обстоятельство, что событие бытия-вместе не имеет универсального инварианта оформления⁹³, и выделяет три модели оформления социальной реальности в пространственно-временную системность, соответствующую различным типам социальности, — локальность, дисциплинарность, региональность⁹⁴.

Локальность как модель пространственно-временной системности соответствует традиционным типам социальности, для которой характерно «единство или связность познавательных, коммуникативных практик и материальных условий деятельности людей»⁹⁵. Речь идет, проясняет свою позицию философ, не просто об ограниченности социальных связей условиями места и/или времени, «а о способах постановки и, соответственно, реализации и использования материальных условий в ходе повседневной деятельности индивидов»⁹⁶.

---

⁹¹ Керимов Т. Х. Социальная философия: учебник. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 107.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. 304 с.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. С. 107-108.

Локальность – необходимое условие процессов производства и воспроизводства, повторяемости и устойчивости социального порядка в традиционных обществах. Сама возможность социального порядка есть результат локализации социальных связей в пространстве и времени⁹⁷. Пространство и время традиционных типов социальности – это не абстрактные социальные координаты, а конкретный, предметно-чувственный контекст практических действий⁹⁸. Дисциплинарность – модель пространственно-временной системности индустриальных обществ⁹⁹, в которых социальный порядок, как определенная конфигурация социального хронотопа, определяется задачами дисциплинаризации тел для эффективного использования их потенциала. Основными характеристиками этой модели Т. Х. Керимов называет характеристики дисциплины как упорядочивающей практики приводимые Энтони Гидденсом в работе *Устроение общества: Очерки теории структуризации*¹⁰⁰.

Региональность пространственно-временной системности постиндустриальных обществ обнаруживает двусложность пространства-времени — «пространственное становление времени/временное становление пространства»¹⁰¹. Пространство-время сингулярно. Сингулярность пространства-времени конституируется в ее множественности и относительности, артикулируя движение или переход к другим сингулярным пространствам-временам¹⁰².

---

⁹⁷ Керимов Т. Х. Социальная философия: учебник. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С.108.

⁹⁸ Там же. С.107.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ «По существу, дисциплину отличают следующие основные характеристики. Она имеет «ячеистое» строение (с точки зрения распределения в пространстве); она «органична» (кодирование деятельности в соответствии с запрограммированным порядком); она «генетически» обусловлена (в отношении последовательности этапов); ее отличает «Комбинаторный» характер (объединение индивидуальных действий как траекторий движения социального механизма)». (Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. С. 225)

¹⁰¹ Керимов Т. Х. Социальная философия: учебник. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С.108.

¹⁰² Там же. С. 108-109.

При совпадении пространственной регионализации с темпоральной стандартизацией локальностей пространственно-временная организация локальностей упорядочивается в рамках глобальных социальных систем. Регионализация в этом случае «связывает наиболее характерные, детальные элементы социальных связей с глобальными свойствами институционализации общественной жизни»¹⁰³.

Таким образом, для концепции социальности и ее пространственно-временной организации в концептуальном построении Т. Х. Керимова характерны следующие положения. Во-первых, событийность социального хронотопа. Во-вторых, его систематизирующая способность по отношению к социальной реальности, каковая есть проявление порядка бытия-вместе. В-третьих, выделение трех моделей оформления социальной реальности (локальность, дисциплинарность, региональность), которые задаются исторически меняющимися формами производства и воспроизводства социальной реальности в ходе взаимодействия людей.

Интерес представляет интерпретация городского пространства в рамках концепции жизненного пространства человека и общества, разрабатываемая саратовскими философами¹⁰⁴. Жизненное пространство общества Владимир Борисович Устьянцев понимает как «освоенное людьми природное и социальное пространство»¹⁰⁵. Последнее он рассматривает через призму таких пространственно-средовых категорий как государство, регион, город и др. Оно реализуется через институты, которые определяют социальное пространство. В свою очередь, жизненное пространство человека раскрывается «в базовых

---

¹⁰³ Керимов Т. Х. Социальная философия: учебник. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 109.

¹⁰⁴ Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты. Саратов: 2006. См. также: Филимонова О. Ф. Жизненное пространство города: концептуальные основания и ментальные структуры: дисс... д-ра философских наук: 09.00.11 / Филимонова Ольга Федоровна. Саратов, 2004. 348 с.

¹⁰⁵ Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты. Саратов: 2006. С. 86.

человеческих ценностях, в категориях культуры»¹⁰⁶. По сравнению с социальным пространством оно более динамично.

Философ представляет реализацию жизненного пространства человека в трех основных формах: пространстве телесности, пространстве духа и пространстве свободы. В этой триаде телесность выступает «осью жизненного пространства и его структурных уровней»¹⁰⁷. Тело является обязательным элементом мира человека. Оно становится условием для становления жизненного пространства, а в условиях социогенеза выступает метафорой социального порядка¹⁰⁸. Именно телесность позволяет человеку выстраивать взаимодействие с внешним миром, понимать границы своего и чужого. Определяя структуру жизненного пространства человека, В. Б. Устьянцев выделяет следующие его уровни: телесный, институциональный, ресурсный и поведенческий. В контексте данной работы особый интерес представляет поведенческий уровень, структурной единицей которого выступает «социальная роль в малой группе»¹⁰⁹. Именно здесь происходит разделение на «мы – они», «я-ты», на «своё-чужое». Общим системозадающим элементом для этих уровней выступает человеческая жизнь.

В свою очередь системозадающим элементом концепции общества, по мнению учёного, является концепт-ценность «общественная жизнь». Она, в отличие от концепта «человеческая жизнь», реализуется не в единичном, а в коллективном духовном опыте, в духовной памяти¹¹⁰. Общественная жизнь, определяемая деятельностью социальных институтов, способна унифицировать уникальный опыт отдельного индивида, представить его в виде типичного, обобщенного.

В структуре жизненного пространства общества значимое место занимает город как одна из форм поселенческого пространства. Именно в городе, по

---

¹⁰⁶ Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты. Саратов: 2006. С. 86.

¹⁰⁷ Там же. С. 47.

¹⁰⁸ Там же. С. 59.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. С. 47.

мнению В. Б. Устьянцева, наиболее полно раскрываются особенности цивилизационного развития общества. В жизненном пространстве города он выделяет экологическое, ресурсное, институциональное пространства. Значимую роль в структуре жизненного пространства города играет амбивалентный человек, который должен лавировать между общечеловеческими ценностями и ценностями, которые задает корпоративная культура, входящая в институциональное пространство города.

Исследователь обращает внимание на то, что все обозначенные элементы жизненного пространства города объединяет так называемое «осевое пространство», аналогичное осевому времени Карла Ясперса. Можно сказать, что осевое пространство и является пространством городским, которое закручивает вокруг себя все остальные городские феномены.

Английский социолог Э. Гидденс, проводя комплексный анализ социологических теорий, указывает на связь пространства городского и социального. Он пишет, что городское устройство стоит рассматривать «не как замкнутое в себе, а в широком социальном контексте»¹¹¹. Такой подход позволяет представить город, его пространство не как изолированные объекты, а как объекты, включенные в более масштабные социально-пространственные процессы. Как следствие такого подхода возникают возможности увидеть и зафиксировать многомерность, сложность и разнородность городского пространства.

В последние годы усилился интерес к смысловой составляющей городского пространства. В своем диссертационном исследовании Лариса Геннадьевна Иливицкая проводит анализ концептуальных оснований описания города как смыслового конструкта. В качестве таковых выступают: 1) трактовка города как места, наделенного значимым содержанием; 2) смысловая многослойность городского пространства; 3) уникальность городского пространства, 4) наличие различных форм взаимодействия между городом и

---

¹¹¹ Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 542.

человеком¹¹². По мнению исследователя, совокупность этих оснований позволяет понять город как множественность конфигураций постоянно меняющихся пространственно-временных смыслов¹¹³. В этом случае само городское пространство можно рассматривать как важный феномен таких смысловых конфигураций.

Завершая краткий обзор теоретических представлений о социальном пространстве в философской мысли, выделим те стороны темы социального пространства, которые важны для настоящего исследования. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что социальное пространство есть пространство человеческой жизнедеятельности, то есть пространство, создаваемое человеком и осваиваемое им. Оно в своем существе есть экстенрализация бытия-вместе (Т. Х. Керимов, К. С. Пигров), которое реализуется на предметно-вещном основании (П. Бурдье, К. С. Пигров, В. А. Конев), но имеет принципиально «нефизическую» (В. Е. Кемеров), а смысловую (В. А. Конев) природу. Социальное пространство в своем отличии от физического не задано, а постоянно создается действующим человеком, оно имеет событийное (Т. Х. Керимов) начало, реализуясь социальными практиками (П. Бурдье), практиками предметными и телесными (В. А. Конев).

Важно также указать на то, что, описывая сущностные характеристики социального пространства, некоторые исследователи отмечают город в качестве феномена, в котором эти характеристики проявляются наиболее ярко. Так В. А. Конев пишет: «Производство вещей и вещное обустройство социального мира порождает пространство цивилизации»¹¹⁴. Знаком же возникновения цивилизации, по его мнению, выступает возникновение

---

¹¹² Иливицкая Л.Г. Город в пространственно-временном измерении: культурнодиагностический подход : автореф. дис. ... докт. филос. наук : 24.00.01 / Иливицкая Лариса Григорьевна. Саранск, 2021. С.25-27.

¹¹³ Иливицкая Л.Г. Смысловая многослойность города: хронотоп и палимпсест // Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества государства: сб. статей и материалов. Челябинск: Южно-Уральский гос. ни-т искусство им. П.И. Чайковского, 2020. С. 141.

¹¹⁴ Конев В.А. К Социальная философия: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С. 54.

городов, как особым образом устроенной внешней среды¹¹⁵. В этой связи в рамках избранной нами темы появляется необходимость анализа пространства города как одного из модусов социального пространства.

1.2 К пониманию феномена городского пространства

О значении социального измерения города мыслители задумывались уже в VI веке н.э. Город – это не только стены, но и его жители. Исидор Севильский писал: «Город (civitas) – это множество людей, объединенных общественными связями, и это название происходит от слова “гражданин” (civis), то есть житель города. Есть также слово “urbs” (тоже «город»), обозначающее его строения, но civitas – это не камни, а обитатели города»¹¹⁶. Однако значимым исследовательским элементом социальное измерение города стало лишь на рубеже XIX-XX веков. Британский социолог Ричард Сеннет утверждает: «Прежде всего необходимо напомнить, что, хотя города так же стары, как человеческая цивилизация, исследования города существуют всего около столетия. Они начались в социологии и географии, затем распространились на экономику, политическую науку и - позднее - антропологию»¹¹⁷.

Важно отметить, что социология как теория о человеческом общежитии зародилась как наука о городе. На этот факт указывает В.С. Вахштайн: «Социология города заметно выделяется из ряда подобных субдисциплинарных областей — прежде всего тем, что сама социология как наука формировалась в ответ на вызовы стремительной индустриальной урбанизации XIX века. Массовое переселение людей в города, разрыв традиционных социальных связей, образование новых видов общности, разительно отличающихся от привычных патриархальных форм солидарности, — все это стимулировало

¹¹⁵ Конев В.А. К Социальная философия: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С. 54.

¹¹⁶ Цит. по: Холлис Л. Город вам на пользу: Гений мегаполиса. М.,: Strelka Press, 2015. С. 75.

¹¹⁷ Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос . 2008. 3(66). С. 95.

становление социологии. А потому практически вся классическая социология — это социология города»¹¹⁸.

Одним из первых, кто заговорил о социальном измерении пространства города, был немецкий социолог Фердинанд Тённис. В определении города он отталкивался от разделения города и деревни*. Ученый противопоставил общество, которое складывается в городах, общности, характерные для деревни, что впоследствии стало методологической основой для различения городской и сельской местностей. Социальные отношения в городе основаны на договорных рациональных началах, на обмене. В деревне также присутствует обмен, но он воспринимается как естественная, природная часть отношений. Рациональность является важнейшим фактором, отделяющим общество от общности. И если связи между индивидами в городе он определял как связи разумные, то связи в деревне, по его мнению, имеют органический характер. «Как таковая, общность наличествует между всеми органическими существами, человеческая же разумная общность – между людьми»¹¹⁹, – писал Ф. Тённис.

Сравнивая деревню и город, Ф. Тённис говорит о сложном устройстве жизни города по сравнению с деревней. Он называет ремесло, искусство, религию, торговлю, обучение как основные виды деятельности интенсифицирующие, обогащающие и структурирующие городскую жизнь¹²⁰. Фактически сущность города определяется самыми разнообразными видами человеческой деятельности, а его организация задается организацией этой деятельности. «...По мере того как совокупность профессий конституирует

---

¹¹⁸ Вахштайн В.С. Социология города // Постнаука. Февраль 2016. URL: <https://postnauka.ru/faq/59648>.

* Отметим, что если радикальное противопоставление города и деревни в современной научной мысли перестало быть актуальным, то активность, которая у Тенниса определяется через рациональность, по взглядам современных исследователей становится значимой характеристикой современного горожанина. (См. напр.: Коган Л. Б. Быть горожанами. М.: Мысль, 1990. С. 163).

¹¹⁹ Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб: Владимир даль, 2002. С. 41.

¹²⁰ Там же. С.61.

сущность города, эти профессии достигают совершенной свободы и начинают господствовать над ним; город становится стражем царящего в *их* общности мира [Friede] и тех порядков, в рамках которых такой мир, как организация труда, заставляет считаться с собой как внутри, так и снаружи»¹²¹.

При такой трактовке природы городского пространства и его устройства у Ф. Тённиса становится понятным, почему он собственно хозяйственную деятельность не рассматривает в качестве основополагающей для жизни города. Ценность города для него прежде всего не в производстве продуктов и вещей, а в производстве и перераспределении идей, ценностей и символов, а также в передаче опыта такого производства следующим поколениям. «...Мы не сможем понять совокупное *хозяйственное* бытие совершенного города ..., – пишет Ф. Тённис, – если искусство, наряду с религией, не сочтем высшим и важнейшим делом всего города»¹²². Идея немецкого социолога о городе как месте производства смысла, как мы уже имели возможность убедиться ранее, очень современна.

В отличие от Ф. Тённиса, который подходил к городу как особому типу общности с точки зрения «чистой социологии», очищенной от субъективистских оценок и предпочтений*, британский социолог Чарльз Бут сконцентрировал свое внимание на одной из острых проблем социальной жизни становящегося индустриального города – проблеме бедности. В своем семнадцатитомном сочинении *Жизнь и труд жителей Лондона*¹²³ он подробно и методично изучал социальные слои Лондона последних двадцати лет XIX столетия. Основным параметром разделения жителей на группы у него являлся процент бедных в определенном районе. Для демонстрации результатов

---

¹²¹ Теннис Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии*. СПб: Владимир даль, 2002. С. 41.

¹²² Там же. 452 с.

* В своем Предисловии к восьмому изданию марта 1935 года Фердинанд Ф. Тённис писал: «...Ни пятьдесят лет назад, ни теперь я не собирался предлагать в этой книге этический или политический трактат...» (Теннис Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии*. СПб: Владимир даль, 2002. С.6)

¹²³ Booth Ch. *Life and labour of the people in London*. 3 ed. Reprint. N.Y.: Augustus V. Kelley, 1969. Vol. 17. 372 p.

исследования Ч. Бут создал подробную карту города, где при помощи семи разных цветов отметил районы с разной долей бедности. Весь Лондон у Ч. Бута превратился в разноцветное лоскутное одеяло. Такого рода исследования позволяло не просто в цифрах представить структуру социального расслоения города, но и наглядно видеть с ее пространственное распределение. В свою очередь оно создавало основу для последующей оценки динамики изменения городского пространства по размерности богатство-бедность.

Попытка понять социальное устройство меняющихся городов XIX века, трансформирующихся под воздействием ускоряющегося процесса индустриализации, предпринимались и основоположниками теории классовой борьбы Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Маркс сосредоточивал свое внимание на глобальных социальных процессах (разложение сословных обществ традиционного типа, формирование классовой структуры капиталистического общества, формирование противоречий антагонистических классов и т.д.), где город представлял собой место наиболее отчетливого проявления этих социальных процессов.

Маркс прежде всего рассматривает город как место, где наиболее интенсивно происходит сегрегация труда¹²⁴. Исследователи отмечают: «Для К. Маркса город – это такое социальное устройство, которое запускает механизмы классового расслоения, разделения труда, обособления торговли от промышленности и становится площадкой столкновения интересов различных общностей»¹²⁵. Город сам по себе не входил в поле научных интересов К. Маркса. Для него он являлся индикатором эволюционно процесса общественного развития.

В отличие от своего старшего товарища Ф. Энгельс внес заметный вклад в анализ города как промышленного центра. Социально-экономический анализ

---

¹²⁴ См: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Книга 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т.: т. 7. М.: Политиздат, 1987. С. 218-282, 346-466.

¹²⁵ Волосникова Е. А. Эволюция социологических взглядов на город в рамках классической метапарадигмы // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3 (19). С. 122.

города Ф. Энгельс производил на материалах Лондона и Манчестера¹²⁶, в которых фиксировал классовые противоречия современной ему эпохи. Так о территориях Лондона, заселенных бедняками, он пишет: «Каждый большой город имеет свои густо заселенные рабочим классом трущобы, расположенные в одном или нескольких районах. Правда, часто нищета ютится в тесных закоулках в непосредственной близости от дворцов богачей, но обычно ей отведен совершенно отдельный участок, в котором, вдали от глаз более счастливых классов, она должна сама перебиваться, как умеет»¹²⁷. Эта часть города имеет совершенно четкие характеристики: грязь, немощеные дороги, узкие улицы, беспорядочность застройки, отсутствие водостоков, зловонный запах. Он подробно описывает расположение домов, улиц, возраст зданий и т.д., показывая социальные различия, характерные для промышленных центров XIX века¹²⁸. Условия жизни людей для него – это главный критерий благополучия или неблагополучия его жителей.

Примером тому служит описание Ф. Энгельсом устройство Манчестера, в котором богатое население не соприкасалось в городском пространстве с районами бедняков. Из дома можно было добраться до делового центра, минуя бедные районы: «И самое интересное во всем этом то, что эта богатая денежная аристократия может проехать через все эти рабочие кварталы, чтобы кратчайшим путем попасть в свои конторы в центре города, даже не заметив, что вблизи, справа и слева, в грязи гнездится нищета»¹²⁹. Город в его исследованиях – это система фабрик, заводов, жилых домов, магазинов, улиц. Качество жизни людей он определяет через характеристики перечисленных объектов. Улицы грязные и неухоженные, жилая площадь маленькая, сами здания расположены хаотично, что создает неудобства для передвижения по

---

¹²⁶ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 266.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же. С. 263-310.

¹²⁹ Там же. С. 283.

жилому району. Отсутствие сточных канав способствует появлению неприятного запаха.

Пространство индустриального города XIX века, согласно Ф. Энгельсу, имеет весьма противоречивый характер. Бедные и богатые находятся близко друг к другу, физических границ между ними практически не существует, но в социальном измерении между ними лежит огромная пропасть. В своих исследованиях Ф. Энгельс указывает число бедняков в неблагополучных лондонских районах¹³⁰. Полярно не только городское пространство, но и представители социальных групп: шикающие буржуа и находящиеся на грани голодной смерти представители рабочего класса. В его работах ясно видно в каком противоречии находятся физическое и социальное пространства современных ему городов.

В начале XX века Г. Зиммель писал о росте нервозности, озлобленности городского жителя из-за столкновения с огромным количеством незнакомцев в разрастающихся, скученных городах. Человек, живя в большом городе, вынужден ограждать себя от бесконечного потока мимолетных контактов. Динамика городской жизни требует от человека постоянного внимания, концентрации. На эти раздражители горожанин вынужден постоянно реагировать, а точнее – защищать себя от потока бесконечно меняющихся событий. Отсюда усталость, а за ней замкнутость, апатия, отчужденность. Немецкий социолог связывает проявление равнодушия с часто меняющимися кратковременными контактами, которые вызывают у человека чувство постоянного опасения, усталости, озлобленности. Он утверждает, что «нет, быть может, другого такого явления душевной жизни, которое было бы так безусловно свойственно большому городу, как бесчувственное равнодушие. Оно является следствием тех быстро сменяющихся и в своей противоположности тесно стекающихся раздражений нервов»¹³¹. В этом

---

¹³⁰ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 266.

¹³¹ Там же. С. 283.

Г. Зиммель увидел кризисные явления духовной жизни городского пространства начала XX века: «В самом деле, независимость индивидуума, являющаяся результатом взаимной замкнутости и безразличия, составляющих условия духовной жизни наших широких кругов, нигде не чувствуется так сильно, как в тесной суетлоке больших городов, потому что физическая близость и скученность только подчеркивают духовную отдаленность»¹³².

Неомарксистский подход, описывающий социальные процессы в городе, нашел свое продолжение во взглядах Д. Харви. Он рассматривает город как место, где разворачивается борьба за ресурсы, рукотворные и природные. Исследователь пишет: «Я думаю, лучше всего рассматривать весь город как гигантскую ресурсную систему, по большей части рукотворную»¹³³. В современном городе, как и в XIX веке, распределение ресурсов неравномерно. Разница состоит в типах и видах этих ресурсов. Если марксистская философия говорит о капитале, социальном неравенстве, то неомарксисты утверждают о необходимости «права на город», праве рядовых горожан использовать городские улицы, площади, иные общественные пространства¹³⁴.

Значительный вклад в проблематику социальных отношений в городе внесли исследователи Чикагской социологической школы. Их деятельность стала ответом на бурный рост американских городов в конце XIX – первой половине XX веков. Один из ярких представителей этого направления, Роберт Парк, рассматривал город как место, где наиболее активно проходят социальные процессы. Город – это пространство концентрации деятельности, частых итераций, своего рода катализатор социальных процессов¹³⁵. Именно в городе активно развиваются философия и наука, здесь человек становится «утоненным животным»¹³⁶. «То, что делает город местом, особенно выгодным

¹³² Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. 3 (34).

¹³³ Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3-12.

¹³⁶ Там же. С. 3.

для исследования институтов и социальной жизни вообще, – это тот факт, что в городских условиях институты растут очень быстро»¹³⁷ - утверждает Р. Парк. Пространство и время здесь сближены до предела, что является фактором, ускоряющим общественные, политические культурные процессы. Тем самым эти факторы дают возможность исследователю в короткие временные промежутки и в реально обозримом пространстве наблюдать общественную динамику. Отмечая интенсификацию динамики изменения городских структур, он обозначил переход от довлеющего городского пространства к пространству конструируемому.

Кроме того, именно Р. Парк высказал мысль о том, что не только город влияет на человека, но и человек трансформирует городское пространство: «Город и городская среда представляют собой наиболее последовательную и в целом наиболее успешную попытку человека преобразовать мир, в котором он живет, в наибольшем соответствии со своими сокровенными желаниями»¹³⁸. Фиксируя существенное взаимовлияние человека и города, которое приводит к их достаточно сильным изменениям, Р. Парк предложил идею города-социальной лаборатории¹³⁹. Город как социальная лаборатория – место непрекращающейся трансформации его составляющих (людей, вещей, идей, процессов и т.д.)

Ещё один яркий представитель Чикагской социологической школы, американский исследователь Луис Вирт, определял город как особую форму человеческой ассоциации: «Для социологических целей город можно определить как относительно крупное, плотное и постоянное поселение социально гетерогенных индивидов»¹⁴⁰. Ученый полагал, что город не задается административными границами, а определяется социальным влиянием: «До тех пор, пока мы отождествляем урбанизм с физическим существом города ... мы,

---

¹³⁷ Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3.. С.12.

¹³⁸ Там же. С. 4.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Избранные работы по социологии. М., 2005. С. 99.

вероятно, так никогда и не придем к сколь-нибудь адекватной концепции урбанизма как образа жизни»¹⁴¹.

По мнению Л. Вирта, социальное пространство города характеризуют гетерогенность, разнообразие, неоднородность. Сопоставляя город и деревню, исследователь отмечает усложнение социальных связей в городе. По причине разнообразия интересов горожанин не может принадлежать одному сообществу, быть представителем одной социальной группы¹⁴². Следовательно, классификация сообществ в городе становится сложнее. По этому поводу он пишет: «Благодаря многообразию интересов, связанных с различными аспектами социальной жизни, индивид становится членом самых разных групп, каждая из которых функционирует лишь в соотнесении с одним из сегментов его личности. Нелегко поддаются эти группы и концентрическому упорядочению, при котором более узкие группы полностью попадали бы в окружности более широких, как это часто бывает в сельском сообществе или в примитивных обществах»¹⁴³.

В описании города Л. Вирт обращал внимание на замену первичных контактов вторичными, на ослабление родственных уз, падение социальной значимости семьи, исчезновение соседства и подрыв традиционной основы социальной солидарности¹⁴⁴. Все эти характеристики стиля жизни относятся к социальному конструированию городского пространства, в меньшей степени затрагивая пространство физическое.

Отмечая значительные заслуги представителей Чикагской социологической школы в исследовании города критики фиксируют присущий им биологизм в описании города, характерный для всех представителей Чикагской школы. Биологизм проявлялся как в методологии интерпретации социальных процессов города, так и в их понятийном оформлении. И эта критика имеет свои основания. Так Р. Парк, например, быстрый рост населения

---

¹⁴¹ Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Избранные работы по социологии. М., 2005. С. 96.

¹⁴² Там же. С. 99.

¹⁴³ Там же. С. 109.

¹⁴⁴ Там же. С. 114.

объяснял естественными процессами. Он говорил о городе следующее: «Скорее, это продукт естественных сил, расширяющий свои границы более или менее независимо от тех пределов, которые навязываются ему политическими и административными задачами»¹⁴⁵.

Границы внутригородского пространства у Р. Парка представлены в виде «естественных зон»¹⁴⁶, которые появляются подобно природным явлениям спонтанно. Так возникают районы трущоб, пригородов. В городе действуют законы селекции, при которых городской организм «безошибочно отбирает людей»¹⁴⁷. За счет деления естественных зон происходит и сегрегация людей по социальным группам. Согласно теории Л. Вирта, существует некий отбор, распределение горожан по территориям. Горожан Л. Вирт называет «популяцией»¹⁴⁸. Люди расселяются по городу в соответствии с такими факторами как место работы, расовые характеристики, доход и др.

Особенности существования сообществ в городе ярко демонстрирует эволюция городской антропологии. В начале XXI века она пришла к пониманию важности пространственной составляющей для своих исследований, пройдя через несколько методологических кризисов. В начале своего пути городская антропология полагала, что в городе, так же, как и в этнической деревне, живут аборигены с устоявшимися обычаями и традициями. Отечественный антрополог, Михаил Дмитриевич Алексеевский пишет: «С момента зарождения городской антропологии как дисциплины в центре внимания исследователей были люди и, в первую очередь, городские сообщества, отчасти напоминавшие столь привычные племена. Город при этом выступал скорее как место действия, своего рода декорация, в которой

---

¹⁴⁵ Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Том 5. № 1. С. 12.

¹⁴⁶ Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 7.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же. С. 97.

разыгрывается социальная жизнь местных сообществ»¹⁴⁹. Он подчеркивает, что в начале своего развития городская антропология не воспринимала городскую среду как важный элемент исследования и не была включена в должной степени в исследовательскую программу. Ученым стало понятно, что городские сообщества не могут быть приравнены к привычным для антрополога племенам. Границы городских сообществ размыты: один и тот же человек может принадлежать к разным социальным группам.

Городская антропология расширила поле своего научного интереса, перешла от изолированных социальных отношений к городскому пространству: «Вместо отдельных сообществ они [антропологи] стали изучать сам город как систему процессов, сетей, взаимоотношений, символов. Горожане при этом становятся одним из потоков в общем круговороте городской жизни»¹⁵⁰. Елена Германовна Трубина утверждает, что антропология города, «если действительно вдуматься в это словосочетание, должна быть связана с тем, что город делает с людьми»¹⁵¹. Иными словами, специфика социальных взаимоотношений в городе определяется не только действиями людей, но и местом, где эти действия совершаются. Современный поворот демонстрирует включение социально-антропологической компоненты в городское пространство. Город и человек сегодня сближаются до такой степени, что образ жизни человека становится синонимом урбанистического стиля жизни. В широком смысле современный город – это способ существования человечества.

Современная городская исследовательница, Джейн Джекобс, описывая успешный город, говорит о необходимости присутствия в одном месте представителей разных социальных групп: бизнеса, художников, детей,

---

¹⁴⁹ Алексеевский М. Городская антропология: от локальных племен к глобальным потокам // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press, 2017. URL: <https://strelka.com/ru/magazine/2017/06/06/excerpt-city-dweller/>.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Трубина Е. Г. Городская антропология: сложное наследство специализации // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 104.

пожилых людей и многих других¹⁵². Благодаря этому создаётся разнообразие социальных практик и формируется экосистема места, которая и обеспечивает, по мнению автора, безопасную, доброжелательную среду. Не только Дж. Джекобс рассматривает многообразие взаимодействующих субъектов в качестве характерной черты социальных отношений в городе. По мнению Эша Амина и Найджела Трифта, город характеризуется высокой концентрацией разнообразия, плотностью, гетерогенностью и коммуникациями: «Прежде всего мы делаем ставку на понимание городов как пространственно открытых и пронизанных разнообразными видами мобильностей»¹⁵³.

Город становится местом постоянного движения и пересекающихся потоков. Социолог Джон Урри рассматривает мобильность как важнейший феномен современности, который тесно связан с социальными отношениями в пространстве и времени¹⁵⁴. Он подробно изучает перемещения на самолете, поезде, велосипеде, а также виртуальные и воображаемые перемещения. Исследователь изучал, как транспортная инфраструктура соотносится с комплексом социальных отношений. Современное городское пространство изменчиво: «... вовсе не отражая статическую онтологию “бытия” или “сообщества” места представляют собой динамичные конструкции, находящиеся “в процессе создания”»¹⁵⁵.

Сосредоточение в одном месте различных явлений, интенсификация процессов обуславливают значительный порождающий потенциал современного города. Городская среда сегодня – это место для рождения идей, развития бизнеса, искусства, интенсификации социальных связей и т. п.¹⁵⁶. Концентрация разнообразия обеспечивает способность городского

---

¹⁵² Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.

¹⁵³ Амин Э., Трифт Н. Города: переосмысляя городское. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. С.12.

¹⁵⁴ Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.

¹⁵⁵ Бауман З. Город страхов. Город надежд // Логос. 2008. № 3 (66). С. 35.

¹⁵⁶ Глейзер Э. Триумф города. М.: Изд-во института Гайдара, 2014. 432 с.

пространства к порождению нового и развитию существующего. Город видится как плодородная для развития полифункциональная среда¹⁵⁷. Благодаря постоянному движению разнообразные элементы получают импульс к соединению, что и становится причиной к порождению нового. В данном случае с пониманием современного городского пространства созвучна идея Платона о пространстве как о кормилице и начале всего сущего.

Отдельного внимания с точки зрения социального измерения города заслуживает подход Виталия Анатольевича Куренного. Исследователь достаточно категорично заявляет, что сообщества не являются последним и определяющим элементом города. По его мнению, современная городская среда позволяет человеку жить автономно и не принадлежать к какой-либо социальной группе. Концентрация самых разных специалистов, экономическое развитие позволяют горожанину не быть зависимым от одного круга людей. Право на одиночество В. А. Куренной ставит во главу угла и говорит о нем как об определяющей функции урбанизированной среды: «Дело в том, что город - современный, современный город — это прежде всего уникальная возможность для человека как раз не быть частью никакого сообщества. Город — это уникальная культурная лаборатория, которая позволяет человеку быть одному»¹⁵⁸. Сообщества же В. А. Куренной воспринимает как структуру, которая ограничивает свободу человека. В деревне за поведением девушки могут следить родственники или жители близлежащих домов, например, задавая правила, по которым необходимо строить семью. Фундаментальная граница между традиционным и современным обществом пролегает, по мнению В. А. Куренного, по линии урбанизации. Город — это квинтэссенция модерна в его противоположности традиционному обществу как аграрному и общинному устройству жизни¹⁵⁹.

---

¹⁵⁷ Глейзер Э. Триумф города. М.: Изд-во института Гайдара, 2014. 432 с.

¹⁵⁸ Куренной В. Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press, 2017. С. 19.

¹⁵⁹ Там же. С. 18.

Таким образом, в современной ситуации наряду с городскими сообществами, значимым элементом социальных отношений в городе становится отдельный горожанин. Возможность комфортного проживания вне «общины» позволяет горожанину не только воспроизводить известные ему культурные нормы, правила, но также конституировать собственные, поскольку он живет вне рамок определенного круга людей. Такая свобода является источником человекомерной трансформации городского пространства. В этом случае речь идёт о некоей конституирующей силе, которая изменяет городское пространство, создавая ещё одно – гуманитарное – его измерение. С другой стороны, гуманитарное пространство здесь рассматривается в узком, институциональном разрезе, который несомненно существует, но им не ограничивается воздействие современного человека на город.

Взаимопроникновение социального мира и материальной компоненты города отмечает В. Л. Глазычев, когда дает определение городской среде. По его мнению, она содержит в себе два взаимодополняющих элемента: «Под средой принято понимать как предметно-пространственное окружение в его чувственно данных компонентах, так и окружение человека в сугубо социальном плане, проявленном в наблюдаемых признаках распределения ролей и позиций»¹⁶⁰.

Особый взгляд на социальное измерение города представлен в работе Евгении Александровны Гранкиной, центральной дефиницией в которой стало «гуманитарное пространство города»¹⁶¹. В интерпретации исследователя оно содержит социокультурные институты и соответствующие им практики, а также вырабатываемые смыслы¹⁶². Согласно концепции, ученые, исследователи в процессе взаимодействия создают еще одно измерение городского пространства, которое включает в себя институты и университеты

---

¹⁶⁰ Глазычев В. Л. Поэтика городской среды // Официальный сайт В.Л. Глазычева. URL: http://www.glazychev.ru/habitations&cities/1986_poetika.htm.

¹⁶¹ Гранкина Е. А. Гуманитарное пространство города: хронотоп, институты, «гении места» : дисс... к-та культурологии : 24.00.01. Самара, 2016. 165 с.

¹⁶² Там же.

гуманитарных направлений, результаты научной работы, а также само профессиональное сообщество.

Исследуя многообразие теорий, осмысляющих город, Е. Г. Трубина приходит к выводу, что в современной ситуации назрела необходимость сместить фокус с восприятия социальных процессов, протекающих в замкнутом городском пространстве, на «совокупность пространственных отношений»¹⁶³. Наличие потоков, сетей, связывающих города и отдельные городские территории, объясняет, что территориальная близость в социальных отношениях не является привилегированной и первостепенной. Иными словами, ареал социального взаимодействия не может четко проходить по административным границам городов¹⁶⁴.

В логике рассуждений исследователя стоит отметить, что несмотря на большое значение межгородских связей, в том числе посредством виртуальных сетей, место, протяженность для социальных отношений в городе остаются основополагающими элементами. Е. Г. Трубина не предлагает отказаться от места как такового, она указывает на необходимость перехода от «контейнерного» мышления к реляционному, то есть воспринимать отдельные пространства как изменчивые, открытые, взаимодействующие друг с другом.

Значимым видится замечание Е. Г. Трубиной о том, что однозначное соотношение между городом, государством и миром, как между локальным и глобальным также нарушается. Подобной позиции придерживается американский социолог и экономист Саския Сассен. Она утверждает, что глобальные города не обязательно должны выполнять функцию универсальных экономических, транспортных, культурных, образовательных узлов. Глобальность связана с международным распределением функций между городами. Существует глобальная специализация на уровне городских поселений, где город выполняет определенный набор задач, но не на местном, а

---

¹⁶³ Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 18.

¹⁶⁴ См. исследование «Открывая Самару. Атлас естественной географии и качества жизни». URL: <http://opensamara.com/>.

на межнациональном уровне¹⁶⁵. Это значит, что города создают пространство коммуникаций не только внутри себя, но и друг с другом. Таким образом, город может наравне с государством выполнять функцию глобального субъекта на международной арене. И эта роль, очевидно, определяется не только и не столько принадлежностью города к более крупному территориальному образованию, сколько социальным, символическим капиталом, сконцентрированным в данном месте.

Подводя итог рассмотренным теориям, можно выделить следующие особенности социальных процессов, происходящих в городском пространстве. Социальная среда городского пространства характеризуется высокой степенью гетерогенности. Это обуславливает как позитивные, так и негативные последствия для социальных групп и индивидов. С одной стороны, городская сегрегация может порождать серьёзные общественные противоречия, конфликты и напряженность, с другой стороны, разнообразие социальных агентов, явлений обеспечивает устойчивость общественной экосистемы, возможность продуцирования новых составляющих, что определяет трансформационный потенциал городского пространства. Социальные отношения в городском пространстве зачастую приобретают характер политической борьбы, основанием которой становится неравномерное распределение ресурсов (Д. Харви).

Характер социального взаимодействия в городе определяется отношением к конкретному месту, которое неразрывно связано с самими городскими сообществами. Иными словами, социальные отношения в городе невозможно анализировать в отрыве от среды, где они разворачиваются. Тем самым социальные отношения в городе имеют пространственную коннотацию. Наряду с социальными группами, действующими в городском пространстве, особое значение приобретает индивид, способный в современных урбанизированных условиях успешно функционировать вне каких-либо

---

¹⁶⁵ Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. М.: ООО «Аванглио», 2007. С. 9-27.

сообществ (В. А. Куренной). При этом индивид сохраняет своё присутствие в городском пространстве. Значимым фактором, который отмечают социологические теории города, является динамичный характер общественных отношений. Мобильность, подвижность, полифункциональность социальной структуры города характеризуют специфику существования человека в городском пространстве.

Рассмотренный выше материал позволяет понимать городское пространство как один из видов пространства социального, характеризующееся общественной доступностью мест, в которых осуществляется социальное взаимодействие, консолидирующее представителей разных социальных групп, наполненное предметами материального и символического мира, обладающее множеством смысловых конфигураций. Городское пространство в силу своей природы существует как пространство социального взаимодействия, которое обладает текучестью, подвижностью внешних и внутренних границ, состоянием постоянного становления и трансформации.

В пространстве города концентрируются социальные отношения, реализуются законы экономических взаимоотношений, здесь находит свое выражение телесное пространство жизни человека и т. д. Именно в городском пространстве они обретают единство, иными словами, городское пространство является местом сборки системозадающих городских явлений и процессов. Взаимовлияние структурных элементов жизненного пространства человека и города, а также их непосредственная корреляция демонстрирует трансформационный, преобразующий потенциал антропологической составляющей по отношению к городу.

1.3 Граница как конституирующий элемент городского пространства

Тесная связь городского пространства и границы обнаруживается в уже этимологии слова «город». В русском языке «город» восходит к общеславянскому *gorǫdъ*, старославянскому «град», что значит «городить», «огораживать»¹⁶⁶. Первоначальное значение – «ограда», «забор», что впоследствии стало означать «огороженное место». Также в литовском языке мы встречаем *gaĩdas* с тем же значением - «ограда», *gadinỹs* «хлев для мелкого скота»¹⁶⁷. Единым первоисточником является корень *ghard*, который объединяет «немецкое *Garten* (сад), английское *garden* (сад), албанское *garth* (ограда), готское *grhas* (дом)»¹⁶⁸.

Английское «town» также имеет этимологическую связь со словами «ограда», «сад», «забор». «Town» восходит к древнеанглийскому *tūn* («ограда, сад»), протогерманскому «*tūna*», древне-прусскому *sardis* («забор») ¹⁶⁹. В древнеисландском «*gerði*» означало «огороженный участок земли». Древнегреческий «*πόλις*» восходит к протоиндоевропейскому «*ptólis* («крепость», «город»)»¹⁷⁰. То есть город в данном случае – это то, что находится в границах.

Согласно энциклопедическому словарю Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона слово «*urbs*» является синонимом «*oppidum*», что значит «огороженное место»¹⁷¹. «*Urbs*», по-видимому, является родственным глаголу *urvare*, который обозначает «прокладывание борозды», «очерчивать», «опахивать

¹⁶⁶ Этимологический словарь русского языка / Составитель – Г.А. Крылов. СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. С. 96

¹⁶⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. С. 443.

¹⁶⁸ Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. Москва: Издательство «ЮНВЕС», 2003. 704 с. URL: <https://www.slovorod.ru/etym-semenov/sem-g.htm>.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890-1907. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com>.

окружность»¹⁷². Борозду также можно рассматривать как одну из разновидностей границы, образующей город. В этой связи Молина Э. Ф пишет: «Совершенно ясно указывается здесь на происхождение слова *urbs* от *urvum*, как на опаханный клочок земли. Думается, что это объяснение не основано лишь на народной этимологии, а соответствует действительности. Это доказывается еще другим термином, по всей видимости более поздним, которым обозначался обряд основания города: *aratri circumductio* „объезд плугом“. Плуг же служил для того, чтобы разрушить город, и этот обычай обозначался словами *aratrum inducebatur*»¹⁷³. В языке хинди слово «город» заимствовано из древнеперсидского языка, означает «владычество», царство. Немецкий *stadt* восходит к древнегерманскому *stat*, что означало «место».

Большинство из приведенных значений демонстрирует корреляцию границы с защитной функцией городских поселений. Стена, забор, ограда, ров – всё это способы обеспечить безопасность от внешнего врага. Однако роль городских границ может быть значительно шире, чем выполнение оборонительной задачи. С учетом этой предпосылки целесообразно проследить изменение значения границ в процессе исторической трансформации городского пространства, которое изначально выполняло функцию упорядочивающего начала, а сегодня стало порождающим потенциалом подвижной городской структуры.

Долгое время в городах существовала ярко выраженная чёткая сегрегация, поддерживаемая предметными и социальными границами: городскими стенами, площадями, правилами, регламентирующими поведение представителей разных социальных групп и т. п. В. А. Конев указывает, что город отделен от природы, он противопоставлен ей своими стенами¹⁷⁴.

¹⁷² Блаватский В. Д. Античный город // Античный город: сб. ст. / под ред. А. И. Болтуновой; АН СССР; Ин-т археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 7.

¹⁷³ Молина Э. Ф. Историко-лингвистический анализ слова *urbs* в свете Сталинского учения о языке // Ученые записки. Языкознание. 19. Томск, 1954. С. 85.

¹⁷⁴ Конев В. А. Измерения города // Смыслы культуры. Сборник статей. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. С. 185.

Социальные границы же внутри древнего города также обеспечивали сегрегацию, определяли разделение по общественным функциям.

В древности внешние городские стены очерчивали город и тем самым обозначали его как место, где присутствует космический порядок, отделяли его от природного хаоса. Города становились моделью горнего мира на земле, олицетворяя собой райский сад. Исследователь утверждает: «Почти во всех традициях Рай – это огороженный сад (вертоград огражденный) или иное замкнутое пространство...»¹⁷⁵. И тогда становится более прозрачной этимологическая связь между городом и садом, о которой упоминалось выше. Сад, так же, как и город, противопоставлен дикой природе, являет собой порядок, заданный человеком¹⁷⁶. Примечательно, что одной из популярных в начале XX века концепций городского поселения нового типа был именно город-сад Эбенизера Говарда¹⁷⁷.

Построить город – значит задать внутри его границ небесный порядок, противостоящий хаосу и неорганизованности внешнего мира. Лео Холлис пишет: «Наши представления о поэтапном, медленном превращении малых поселений в города необходимо пересмотреть, поскольку рождение города было отнюдь не постепенным. Первые города возникли не на основе сельской местности, а вопреки ей»¹⁷⁸.

Древний город – это не просто совокупность сооружений, это модель упорядоченного мира, это способ воссоздать небесный храм на земле. «Город обычно рассматривался как модель пространства Вселенной. Соответственно

---

¹⁷⁵ Конев В.А. Измерения города // Смыслы культуры. Сборник статей. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. С. 97.

¹⁷⁶ В данном случае показателен пример с регулярными парками, характерной особенностью которых является правильная геометрическая форма, противопоставленная естественным природным линиям. Но даже современные парки, в которых ландшафтные дизайнеры постарались сохранить природную небрежность, тоже являются противопоставлением дикой природе, поскольку эта природная естественность – результат целенаправленной деятельности человека. И ценность подобных пространств как раз заключается в том, что

¹⁷⁷ Подробнее данная концепция описана ниже в данном параграфе.

¹⁷⁸ Холлис Л. Город вам на пользу: Гений мегаполиса М.: Strelka Press, 2015. С. 27.

его организация отражает структуру мира в целом»¹⁷⁹. Городское пространство, в особенности пространство центра города, было священо. Дополнительное кольцо стен вокруг храма подчеркивало сакральную функцию центральной части города. Этот мотив просматривается не только в реально существующих городах, но и находит свое место в мифотворчестве. «В мировой мифологии представлены сотни идеальных небесных городов, идеальных моделей мироздания...»,¹⁸⁰ - пишет Вера Владимировна Афанасьева. Таким образом, строение древних городов обусловлено не только хозяйственной или оборонительной необходимостью, но также их символическим наполнением. Иными словами, ограда (граница) из природного хаоса создавала, очерчивала городское пространство, символизирующее космический порядок. Так же, как граница, проведенная в бесконечности, образует пространство, по тому же принципу условный «забор» из хаоса образует городскую упорядоченность.

В средневековом европейском городе расселение осуществлялось в соответствии с социальным статусом горожанина или сообщества (ремесленные цеха, боярские дворы и т. д.). Ричард Сеннетт подробно описывал сегрегацию европейского средневекового города, в частности, он говорил о формировании в них еврейских и немецких гетто. Для большинства горожан оставалась загадкой жизнь евреев, проживающих с ними в одном городе, но проводивших большую часть своей жизни за стеной, ограничивающей гетто¹⁸¹. Вместе с тем жители по обе стороны стены нуждались друг в друге. Граница, с одной стороны, разделяла, с другой – давала возможность существовать разным социальным группам на одной территории.

В последующие столетия значение городских границ не потеряло своей актуальности. Многочисленные проекты городов в эпоху Возрождения

---

¹⁷⁹ Иванов В. В. Избранные труды по семиотике культуры. Т. 1. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 410.

¹⁸⁰ Афанасьева В. Философия города. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2012. С. 47.

¹⁸¹ Сеннет Р. Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016. 504 с.

обретали свою структуру благодаря четким неизменным контурам, придававшим им устойчивую форму. Заново открытый Платон вдохновлял возрожденческих планировщиков создавать модели геометрически правильных городов. Филарете¹⁸², Фра Джокондо, Джироламо Магджи, Джорджио Вазари, Антонио Липучини, Даниеле Барбаро, Пиетро Каттанео, Джорджио Мартини¹⁸³ – все они создавали модели городов, где от центра лучами расходятся улицы. Многочисленные градостроительные проекты объединены симметричностью и равновесностью разных частей города. Идеальный город Возрождения демонстрирует возвращение к земным городам и способам организации физического пространства¹⁸⁴. В этих концепциях просматривается желание человека создать четкую неизменную структуру города, которая бы обеспечила всеобщее благополучие. Идеальный город Возрождения продолжает оставаться замкнутой, завершенной структурой, что подчеркивает стремление градостроителей предать ему лаконичность, вновь наделить упорядочивающей функцией городское пространство. Городские границы планировались без учета их трансформации. Проектируя город раз и навсегда, градостроители стремились упорядочить городскую структуру и определить с ее помощью социальные отношения. Утопические города Т. Мора и Т. Кампанеллы в основе своей имели идею общественного разделения в городе, что обеспечивали границы социальные.

Рубеж XIX-XX веков характеризуется серьезными трансформациями социально-экономической жизни городов. Они увеличиваются в размерах, в них появляется все больше жителей, возводятся крупные промышленные предприятия. Относительно статичное городское поселение становится более подвижным, и человек теряет контроль над происходящим, горожанин в

---

¹⁸² Филарете А. А. Трактат об архитектуре. М.: Русский университет, 1999. 448 с.

¹⁸³ Соловьев К. А., Юргайтис А. Ю. Проекты идеальных городов эпохи Возрождения. Проблематика создания идеального города // Архитектура и строительство России. 2013. № 10. С. 27.

¹⁸⁴ Романова А. Ю. Трансформация идеи: от «идеального города» к «городу будущего» // Архитектура и современные информационные технологии. 2015. 1(30). URL: <https://www.marhi.ru/AMIT/2015/1kvart15/romanova/romanova.pdf>.

контексте растущего города становится маленьким и беспомощным. Одним из главных идеологов нового пространственного развития городов был архитектор Ле Корбюзье¹⁸⁵. В его идеях город становится развивается по принципу большой фабрики: прямые линии, место для машин и технологий. Город-сад Э. Говарда – попытка при помощи границ уменьшить, сделать более уютными разросшиеся на рубеже XIX-XX веков европейские промышленные центры. Значительный рост городов в этот период показателен тем, что неизменные, неподвижные границы задают новую функцию городу и трансформируют городское пространство, которое теперь мыслится как место порождения огромных машин, фабрик и экономического роста. Неудачные попытки создать с их помощью города-сада говорят о том, что границы стали выполнять иные функции в городском пространстве, что особенно ярко проявляется в контексте современного города.

Уже достаточно краткое описание исторической трансформации городского пространства все-таки позволяет сделать вывод о принципах, которые лежали в основе его организации разных этапах его истории. Со времени возникновения городов и до эпохи промышленной революции XIII-XIX веков в основании пространственной конфигурации города лежал принцип безопасности, явными феноменами которого были цитадель, как центр городской власти, и крепостная стена, как зримая граница города, отделявшая ее от пространства села.

Эпоха промышленной революции, с ее индустриальным производством, интенсификацией всех видов коммуникаций (демографических, хозяйственных, информационных и т.д.) привела к постепенному ослаблению влияния принципа безопасности на структуру городского пространства, что выразилось падении роли крепостной стены как границы защищавшей.

С середины прошлого столетия в организации городского пространства набирает силу принцип свободной творческой жизнедеятельности человека.

---

¹⁸⁵ Корбюзье Ле Ш. Э. Архитектура XX века. Москва: Прогресс, 1970. 304 с.

Городское пространство становится не просто местом самых разнообразных социально-политических, экономических и духовных процессов и не только их катализатором, но границы, структурирующие его, постоянно изменяются, смещаются, формируются и исчезают. Так, например, для современного города характерна имплозия (схлопывание) его центра, то есть перераспределение социальных функций, характерных для центральной части, на другие локации города¹⁸⁶. Священный центр, огороженный стенами в древних городах, исчезает в современном городе, он распределяется по всей территории поселения.

Пространство современного города характеризуется полифункциональностью, обеспечиваемой границами. Общественные пространства меняют свои функции в зависимости от времени суток, сезона. Современное городское пространство становится многофункциональным: центральная площадь на время ярмарок может стать торговой, во время фестиваля – театральной, в выходные летние дни – спортивной; она подразумевает присутствие разных социальных групп на этом месте¹⁸⁷. Проектирование дворов также тяготеет к полифункциональному наполнению территории. Динамика городской среды – характерная черта современного города, которая зачастую определяется смещением, изменением или исчезновением границ и появлением границ.

Представление о подвижных границах современного города плохо коррелирует с идеей цельного и структурированного города, священного места. Скорее, такие города становятся похожими на ризоматическое пространство, описанное Ж. Делёзом. Периферийные участки становятся все менее связанными с центром, эти территории зачастую формируют собственные центральные точки. Создается ситуация, в которой границы утрачивают,

---

¹⁸⁶ Карпов А. Имплозия городского пространства: проблема существования центра в городах современной России // Российское городское пространство: попытка осмысления / Сер. «Научные доклады». М.: МОНФ, 2000. С. 92-112.

¹⁸⁷ Попова Я. А. Проблемы проектирования городской площади как многофункционального общественного пространства // Инновационная наука. №4. 2019. С. 220-223.

казалось бы, свою «разделяющую» функцию, но все же продолжают присутствовать в городском пространстве.

Таким образом, можно выделить три исторически меняющие друг друга способа организации пространства города как жизненного пространства общественного человека. Самый первый способ формирования пространства города – это организация его в качестве места воплощения космического порядка на земле, город в данном случае гарант этого порядка (от древнего города до города индустриального); место с жестко установленной границей между сакральным-властным и секулярным-подчиненным. Сменивший его способ организации в своем основании имел индустрию производства материальных благ и их экстенсивного потребления (город фабрика); здесь городское пространство определялось как место, где границы задаются функциональной полезностью и эффективностью производства. В настоящее время пространство города предстает как постоянно становящаяся, изменчивая структура с подвижными границами которая ориентирована на творческий, порождающий потенциал современного человека. Замятин отмечает: «Пространство большого города становится само по себе тотальной пограничностью, которая наряду с этим фиксируется и как онтологический фронтир»¹⁸⁸.

Обозначенные способы организации городского пространства перекликаются с урбанистической типологией, предложенной Юрием Анатольевичем Разиновым, который проследил корреляцию между типами лабиринтов и городов¹⁸⁹. По подобию лабиринтов он выделяет: 1) космологический город со священным центром, имеющий органичную структуру; 2) город-апорию, где рушится целостная космологическая структура, которую характеризуют дезинтеграция, запутанность, непонятность,

¹⁸⁸ Замятин Д. Н. Постгород: пространство и онтологические модели воображения. – Полис. Политические исследования. 2018. №3. С. 153.

¹⁸⁹ Разинов Ю. А. Город-лабиринт // *Mixtura verborum'* 2009: боли нашего времени: ежегодник. Юбилейный выпуск / под общ. ред. С. А. Лишаева. Самара: Самар. гуманит. акад., 2009. С. 120-129.

как в настоящем лабиринте; 3) город-ризому, в котором теряется само значение входа и выхода, центра и периферии. Данная типология не только актуализирует приведенную нами классификацию, но и существенно обогащает её. В частности, образ города-апории с его разорванной, как пишет автор, «бредовой» структурой объясняет проявляющееся ощущение подавленности, потерянности человека в промышленном гиганте.

Таким образом, замкнутая завершенная структура города прошлого противопоставлена аморфному, постоянно трансформирующемуся современному городскому пространству. Современный город не имеет четких границ, но характеризуется процессом их постоянного движения, смещения: объединение городов в агломерации или же, напротив, их обособление. В такой модели динамичного города границы играют важную роль именно благодаря своей подвижности и проницаемости. В ситуации, когда городское пространство изменчиво и непостоянно, это непостоянство что-то должно идентифицировать.

Организирующая функция городских границ наводит на мысль о том, что для сохранения целостности города они должны быть неизменными и отличаться стабильностью. Вместе с тем одной из важнейших характеристик современного города, как показывает анализ, является именно подвижность и непостоянство городских границ. Учёные отмечают, что происходит их размывание, в высокой степени присутствует проницаемость, изменчивость, лабильность границ и т. д.

Несомненно, что в первую очередь исследователи обращают внимание на изменчивость именно географических границ, определяющих, например, разделение территории на районы и микрорайоны, а также задающие пределы городского всего городского поселения.

В городской среде можно также найти достаточное количество примеров динамичности городских границ. Так, она обнаруживается в процессе образования агломераций, когда городские территории сливаются в более крупные, объединенные общей инфраструктурой образования.

Административные границы отдельного города могут не совпадать с социальными за счёт постоянно увеличивающихся в размерах неблагополучных районов, существующих на окраинах мегаполисов. Ещё одним примером служит маятниковая миграция. Она демонстрирует проницаемость городских границ, позволяя человеку иметь жильё в одном городе, а работать в другом.

В данном случае на пересечении этих двух городов появляется пространство, которое определяет жизненный цикл отдельно взятого человека. Подобным же образом стираются границы между домом и офисом, когда горожанин начинает совмещать работу и отдых. И дело не только в том, что человек всё чаще трудится из дома, а в том, что происходит расширение временных и личностных границ, в которые вписывается рабочий график, жизненное пространство человека.

Такой подход видится достаточно функциональным применительно к городскому или агломерационному управлению. Так, например, чётко обозначенные на карте географические границы определяют зону ответственности для местных властей, очерчивают территориальные рамки реализации их властных полномочий. Именно поэтому изменяющиеся административные границы города могут становиться предметом жаркой общественно-политической дискуссии, в центре которой, как правило, сталкиваются интересы местной власти и жителей¹⁹⁰.

Однако не только административные, но и социокультурные, а также природные границы являются элементом городского пространства. И их

---

¹⁹⁰ Известна практика включения в административные границы города близлежащих территорий, что автоматически увеличивает численность жителей городского поселения и его площадь. Один из наиболее ярких примеров в России – неоднократное изменение административных границ Москвы. За счет пригородов также выросли Саратов, Тамбов и многие другие города в нашей стране. Такого рода решения получают неоднозначную оценку экспертов и общественности. Некоторые жители прилегающих территорий, включенных в город, лишаются льгот, которые предусмотрены для сельской местности, а горожане сетуют на избыточную загруженность инфраструктуры. С другой стороны, городская власть выдвигает свой аргумент, который заключается в том, что она получает возможность показать положительную динамику числа горожан и может рассчитывать на дополнительное финансирование.

подвижность не менее значима, чем расширение административных границ территории. Конституирующая функция границ по отношению к городскому пространству реализуется в таком феномене как вернакуляризация*. Она характеризуется деятельностью горожанина по использованию городской среды, а также её осмыслению и оценке не в рамках административных границ, а в соответствии с личными представлениями о конкретном месте. Горожанин для себя выстраивает собственные границы пространства своего и пространства чужого. Он выбирает способы использования и критерии оценки этого места исходя из субъективных установок.

О значимости субъективного восприятия пространства пишет американский исследователь, антрополог Сета Лоу. Она полагает, что «важность обозначения социального пространства в окружающей среде становится очевидной, если представить себе общественное пространство, лишённое человеческой истории. ... я вижу собственную биографию, вписанную в ландшафт»¹⁹¹. Подвижность границ проявляется в момент, когда накладываются представления разных горожан на существующие административные границы города или района. И если описывать вернакулярные границы одного района, то они будут размытыми, изменчивыми в зависимости от мнения разных людей.

Изменения границ характерны и для социальных отношений, когда горожанин становится полифункциональным, получает возможность примерить на себя множество социальных ролей¹⁹². Тем самым общественная идентификация горожанина становится размытой: «Границы города стали

---

* Вернакулярный район – тип административного района, границы которого определяются субъективно, самими жителями. Административные границы, как правило, не совпадают с вернакулярными.

¹⁹¹ Лоу С. М. Пласа: политика общественного пространства и культуры. М.: Strelka Press, 2016. С. 313.

¹⁹² Тыхеева Ю. Ц. Человек в городском пространстве: философско-антропологические основания урбанографии: дисс... д-ра философских наук: 09.00.13 / Тыхеева Юлия Цыреновна. Санкт-Петербург, 2003. 334 с.

слишком прозрачными и растяжимыми (как в географическом смысле, так и в социальном)...»¹⁹³ - пишут Э. Амин и Н. Трифт.

Для того, чтобы понять основания, обуславливающие динамику городских границ, важно определить, что есть граница в социально-философском понимании, какими характеристиками она обладает и каким образом она соотносится с пространством, в том числе и с городским. Это поможет определить основания, позволяющие утверждать, что подвижность городских границ является формообразующей, продуктивной составляющей городского пространства.

Уже в античной философской мысли граница виделась как конституирующий элемент пространства. Рассуждения философов о бесконечности, пустоте пространства и его порождающей силе ведут к пониманию того, что пространство тесно связано с разделением и различением тел и их движением. Пространство можно идентифицировать тогда, когда появляется нечто, что делит его на части, нарушает его постоянство, бесконечность и неизменность.

Возможность сущего определяется отделением его от другого сущего. Отграничение происходит за счет границы, в чем и проявляется ее продуцирующая сила. «... основой архитектоники пространства человеческого бытия выступает различие позиций. Это пространство всегда соотносит нечто как различное, и, следовательно, оно должно предъявлять меру различного. Такой мерой выступает граница, в пределах которой все в жизни человека получает свое определение»¹⁹⁴ - пишет В. А. Конев. То есть важная функция границы заключается в выделении и, как следствие, определении сущего. «Определить» происходит от слова «предел», что подразумевает под собой конституирование пределов. Иными словами, осознать сущее можно лишь тогда, когда мы понимаем его границы.

---

¹⁹³ Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. 3 (34). URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/14.pdf>.

¹⁹⁴ Конев В.А. Метрика пространства человеческого бытия // Смыслы культуры. Сборник статей. Самара. Из-во «Самарский университет», 2016. С. 179.

Лейбниц связывает величину и фигуру тел с появлением такой важной пространственной характеристики как граница тел¹⁹⁵. Границы необходимы для того, чтобы из однородной материи появились разнообразные фигуры, то есть при помощи границ осуществляется их разделение.

В философии И. Канта значимым элементом пространства является граница. Философ различал границу и предел. Предел по И. Канту включает в себя отрицания и указывает на то, что вот здесь заканчивается вещь, за пределом ее не существует. Предел – своего рода ограничительный знак, он не указывает на то, что расположено за ним¹⁹⁶. Установление пределов разрывает городское пространство, создает в нем лакуны, предполагает, что за этими пределами не существует ничего. Эти линии разделения не предполагают существования за ними чего-либо. «Создавая автономные сети сверхскоростного, программируемого передвижения, вы тут же превращаете обычное, традиционное пространство взаимодействия в пустынную зону. Именно так обстоит дело с транспортными артериями, рядом с которыми образуются пустующие территории»¹⁹⁷. Пример таких границ удивительным образом обнаруживается в городах, где активно заботятся о сохранении архитектурного наследия. Города, где сконцентрировано большое количество памятников архитектуры, где существует большой поток туристов, по периметру отреставрированных и охраняемых зданий появляются зоны отчуждения, пустоты.

Человек, находясь за пределами этих территорий, становится жителем условных трущоб. Границы указывают лишь на одну сторону, они не поворачиваются лицом к горожанину, который не является туристом. Как правило, это в значительной степени проявляется в городах, где большие

---

¹⁹⁵ Лейбниц Г.-В. Письмо к Якобу Томазию о возможности примирить Аристотеля с новой философией // Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х томах. Т.1. М.: Мысль, 1982. С. 89.

¹⁹⁶ Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // И. Кант. Собрание сочинений в 8-ми т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 118-119.

¹⁹⁷ Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. 1997. № 9. С. 107-116. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/06.htm.

территории законсервированы как памятники архитектуры и используются для демонстрации туристам. Так, например, стены суздальского Кремля обрамляют одну из главных достопримечательностей города. Внутри их кипит настоящая городская жизнь: развитая туристская инфраструктура, концентрация различных культурных практик, большой поток посетителей. Но с другой стороны стены городское пространство будто бы проваливается. Снаружи граница памятника архитектуры выглядит как предел, за которым нет ничего, пустота. Потому в городах – туристских центрах часто встает вопрос о праве на город в первую очередь для самих жителей.

Граница, напротив, содержит в себе положительные коннотации: «...Во всех границах есть нечто положительное (например, плоскость есть граница телесного пространства, но и сама она пространство)»¹⁹⁸. Познание становится возможным благодаря тому, что граница указывает на то, что находится за ней, на существование иного. Это замечание И. Канта говорит о том, что между телами остается некое поле, которое нельзя отнести ни к одному, ни к другому телу. Пивоваров, анализируя рассуждения Г. В. Ф. Гегеля о границе утверждает: «...граница есть бытие-для-иного, т. е. это есть нечто со своим иным»¹⁹⁹. Граница заметна, она фиксирует разлом, различие, сама граница является пространством. Позже Людвиг Витгенштейн в своем *Логико-философском трактате* также отмечал, что граница позволяет взглянуть на сущее с иной стороны²⁰⁰. Предел указывает, где заканчивается предмет, а граница – на существование другого. Таким образом, граница не только разделяет, но и связывает. Последнее объясняет возможность проницаемости границы, поскольку именно проницаемость границы позволяет увидеть, что находится за ней. Указание границы на существование другого демонстрирует

¹⁹⁸ Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // И. Кант. Собрание сочинений в 8-ми т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 118-119.

¹⁹⁹ Пивоваров Д. В. Пространство и граница: лекция / Д. В. Пивоваров // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2016. № 1 (149). С. 161.

²⁰⁰ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 181.

объединяющую функцию границы: «По своей природе граница парадоксальна: разъединяя вещи, она в то же время объединяет их, становится основой их связи...»²⁰¹.

Говоря об объединяющей функции городской границы, стоит упомянуть и об обратной ее стороне, определяющей сегрегацию в городе, что далеко не всегда имеет позитивную окраску. Так, например, сегрегация между социальными группами становится индикатором социального неравенства в городском пространстве. Об этом упоминается не только в марксистской философии, но и в современных социологических исследованиях²⁰².

Ещё одно свойство границы выделяет О.В. Боровкова. Ссылаясь на Г.В.Ф. Гегеля²⁰³, исследователь указывает на то, что граница может быть количественной и качественной. Если рассматривать участок земли с точки зрения его размеров, то здесь мы говорим о количественной границе. Когда же необходимо определить свойство этого земельного участка (лес, луг, пустыня), тогда речь идет уже о качественной границе²⁰⁴. Это свойство границы особенно продуктивно в контексте изучения социальных отношений в городском пространстве, где физические границы могут не совпадать с социальными. Российский исследователь указывает: «...социальное пространство не может быть сведено к физическому пространству социума, оно детерминировано человеческой субъективностью»²⁰⁵. То есть количественные границы в городе нельзя сопоставить с качественными.

Кроме того, граница обуславливает создание иерархии мест, отделяя внутреннее от внешнего, свое от чужого жилое от нежилого, профанное от

---

²⁰¹ Пивоваров Д. В. Пространство и граница: лекция // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2016. № 1 (149). С. 162.

²⁰² См., например, Афонин М. В. Особенности городской сегрегации в крупном региональном центре (на примере Ярославля) // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 1 (23). С.121-126; Lewis O. The culture of poverty // Society. 1998. 35 (2). P. 7-9.

²⁰³ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1970. С. 189-190.

²⁰⁴ Боровкова О.В. «Граница» и «предел» как два способа ограничения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299(1). С. 38-41.

²⁰⁵ Виноградова Н. Социальное пространство и социальное взаимодействие // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 39-54.

сакрального. В. А. Конев приходит к выводу, что без границы города быть не может в принципе: «Город и возникает благодаря отгораживанию одного места от всех остальных, город возникает как благоприятная среда обитания в отличие от чужой природной среды»²⁰⁶.

Философ говорит о том, что при помощи границы происходит отделение значимого от незначимого, жилого от нежилого. В этом и заключается специфическая роль границ в современном городе. Своей трансформацией они постулируют не столько территориальные изменения в городской среде, сколько социокультурные: изменение доступности тех или иных благ для разных социальных групп, появление новых сценариев использования городского пространства. Как пишет В. А. Конев, именно в городе зарождается личностное различие людей²⁰⁷.

В пространстве современного города существует большая концентрация людей, зданий, сооружений, потому особо актуальной становится необходимость разграничений. Границы появляются там, где есть возможность смешивания. При увеличении плотности контактов, связей, построек роль границ становится все более значимой. Концентрация разнообразия, характерная для города, задает необходимость границы, так как существование разнообразных явлений на территории предполагает их разграничение. «Чтобы впоследствии соединиться, вещи сначала должны быть отделены друг от друга. С практической (так же как и с логической) точки зрения бессмысленно соединять то, что прежде не было разделено, и что не разделено к настоящему моменту»²⁰⁸ - заявляет Г. Зиммель в своей работе *Мост и Дверь*. Современные управленческие и общественные инициативы, связанные с поиском локальной идентичности – это и есть попытки побороть безликость, однородность, которые угрожают городам из-за глобализационных процессов.

---

²⁰⁶ Конев В.А. Измерения города // Смыслы культуры. Сборник статей. С. 185.

²⁰⁷ Конев В.А. Там же. С. 188.

²⁰⁸ Зиммель Г. Мост и дверь // Социология власти. 2013. №3. С. 145.

Метаморфозы границ указывают на неординарность происходящих в городе трансформаций. Такого рода изменения выходят за рамки принятого, привычного, допустимого. В таком процессе незначимое может стать значимым, а нежилое – жилым и наоборот. Именно такие изменения отражаются в городских практиках, представляющих наибольший прагматический интерес. Практики помогают либо увидеть эти трансформации, либо осуществить их. И здесь мы подходим к ещё одному свойству границы – подвижность.

Современный город не задан раз и навсегда. Он характеризуется текучестью, подвижностью внешних и внутренних границ, состоянием постоянного становления и трансформации. Американский специалист по проблемам теории зрительного восприятия город Кевин Линч подчеркивает значимость изменений в городском пространстве: «Будучи в общих очертаниях какое-то время стабильной, эта структура вечно изменяется в деталях, а ее рост и форма поддаются контролю только частично»²⁰⁹. Его масштабы и границы в представлении разных жителей сильно разнятся: для кого-то город ограничивается подъездом и лавочкой, для кого-то он простирается на километры. Зигмунд Бауман определяет порядок через возможность предсказывать результаты поступков, то есть вещи расположены таким образом, что позволяют не думать об их порядке²¹⁰. Город становится менее предсказуемым.

Значение границ в таком подвижном, аморфном, постоянно меняющемся городе не ослабевает, наоборот, для сохранения и поддержания разнообразия в концентрированной городской среде все чаще необходимы территориальные и социальные границы, которые выполняют функцию разделителя. Кроме того, именно за счет изменчивости границ происходит изменение современного городского пространства. Таким образом, главное функциональное отличие границ в современном городе состоит в том, что они определяют

---

²⁰⁹ Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. С. 15.

²¹⁰ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 39.

трансформационное начало городского пространства, когда в прошлом за счет границ поддерживалась неизменность пространства города.

Амбивалентный, дуалистичный характер границы обуславливает, что она может как задавать правила, так и становиться основанием их изменений. Если граница появляется в бесконечном, одинаковом пространстве и тем самым производит нечто, то она может быть прочерчена каким угодно способом. Это объясняет их имманентную изменчивость.

В модели динамичного города границы играют важную роль именно благодаря своей подвижности и проницаемости. В ситуации, когда городское пространство изменчиво и непостоянно, это непостоянство что-то должно идентифицировать. И границы в данном случае оказываются наиболее показательными. Постоянно образуясь, смещаясь из одного места в другое, открываясь и закрываясь, границы тем самым демонстрируют динамику городского пространства. Границы не только обозначают трансформацию пространства города, но и становятся его конституирующим элементом (с учетом того, что административные границы города не являются определяющими в данном процессе).

Стоит отметить, что несмотря на размытость, подвижность, проницаемость границы не превращают город в бесформенное образование. Они обладают потенциалом трансформации, а также обеспечивают возможность существования различных явлений на одной территории. Потому именно границы можно считать наиболее важным конституирующим элементом городского пространства.

Подводя итоги первой главы, можно сделать следующие выводы. Социальное пространство – это пространство, создаваемое человеком и осваиваемое им. Оно по своей сути есть экспликация совместного бытия, реализующегося на предметно-вещной основе, но, как указывают современные исследования, имеет принципиально не физическую, а смысловую природу. Социально пространство в своем отличии от физического не задано, а

постоянно создается и изменяется действующим человеком, реализуясь социальными, предметными и телесными практиками.

Важно указать на то обстоятельство, что, описывая сущностные характеристики социального пространства, исследователи отмечают город в качестве феномена, в котором эти характеристики проявляются наиболее ярко. В этой связи анализ пространства города, как одного из модусов социального пространства, позволил выйти на понимание феномена границы как важного конституирующего элемента городского пространства и, одновременно, как показателя его трансформаций.

Фактором, определяющим динамику, изменения городского пространства, видятся городские практики, особый научный интерес к которым обозначился в современных социокультурных и урбанистических исследованиях. В контексте социально-философского анализа города, включающего, в частности, рассмотрение социального действия, феномен городских практик приобретает особую актуальность.

ГЛАВА 2. ГОРОДСКИЕ ПРАКТИКИ: ПОНЯТИЕ, ТИПОЛОГИЗАЦИЯ, СУБЪЕКТЫ

Сегодня термин «городские практики» обретает характеристики устойчивого выражения, поэтому возникает потребность дать ему определение, что в свою очередь ставит задачу понять основания, которые позволяют придать ему статус теоретического понятия. Если городские практики понимать как действия, совершаемые в городском пространстве, то очевидно, что период их возникновения сопоставим со временем появления самих городов. Однако большинство исследователей описывают городские практики как атрибут именно современного города. В поле внимания учёных попадают художественные, мифотворческие, коммуникационные, активистские и многие другие виды социального действия и исследуются в преломлении урбанизированного контекста. Иными словами, зачастую учёные пытаются обнаружить в практиках специфические «городские» черты.

2.1 Городские практики: подход к определению

В современных научных исследованиях, как мы успели убедиться выше, совершенно четко прослеживается сближение урбанистической и социальной тематик. Многочисленные научные работы, посвященные социальному действию, все чаще обращаются к контексту городской среды, а также довольно активно используют дефиницию «городские практики»²¹¹.

---

²¹¹ См., напр.: Минаева Э.Ю. "WHO PLANS?" Влияние европейских урбанистических практик на городские режимы в крупнейших городах России // Современный город: власть, управление, экономика, Т. 1. 2019. С. 157-169; Минина О. Ю. Туризм как социокультурная практика и её влияние на городскую культуру // Вестник Гуманитарного университета 2017. №2(17). С 129-133; Бернюкевич Т.В. Социокультурное пространство города: от метафизики города до исследования городских практик // Общество: философия, история, культура. 2022. № 7. С. 13–17; Гороховская Л. Г. Мобильные городские практики глазами пассажиров // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. №1. С. 133-138 и др.

Подобное внимание социально-философской мысли к городу, казалось бы, легко объясняется отсылкой к рассуждениям Р. Парка²¹² о том, что урбанизированная среда – это лаборатория, где социальные процессы разворачиваются более интенсивно и, как следствие, становятся более выпуклыми для исследователя. Такой подход успешно реализован в антропологических городских исследованиях. Так, например, исследовались письменные практики в среде современных городских сообществ²¹³. Однако, нам представляется, что подобного рода аргументация выглядит недостаточной, поскольку город в этом случае рассматривается лишь как фон или контекст социального действия. Для того, чтобы определить более веские основания категориального статуса понятия «городские практики», целесообразно рассмотреть понятие «социальная практика» в социально-философской традиции.

Последовательная разработка данной категории в современном понимании начинается с работ К. Маркса, который подчеркивал прежде всего преобразующий характер практики. Он постоянно указывал, что практика имеет своим результатом реальное преобразование мира, а не только изменение мыслительных конструкций. В *Тезисах о Фейербахе* К. Маркс прямо пишет: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен человек доказать истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления»²¹⁴. В существующей марксистской

---

²¹² Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. Т. 2. № 3. 2002. С. 3-12.

²¹³ Ветошкина Ю.В. Письменные практики в современных городских сообществах // Урбанистика. 2021. № 2. DOI: 10.7256/2310-8673.2021.2.34572 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34572.

²¹⁴ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2, т. 3. М., 1955. С.1.

литературе присутствует множество подходов к толкованию практики²¹⁵. Как указывает Юрий Константинович Плетников, большинство авторов выделяют «такие ее черты, которые как правило, не вызывают возражений»²¹⁶: (1) Практика – специфически человеческая форма деятельности, качественно отличающаяся от деятельности животных, «запрограммированной» их биологической природой. Она характеризует жизнедеятельность человеческого общества. (2) Практика – деятельность людей, направленная на преобразование природы и общества. В ходе практики осуществляется перевод идеальных образов и моделей в действительность. (3) Практика – целенаправленная деятельность общественного субъекта. (4) Практика имеет общественно-исторический характер²¹⁷.

В реализации цели настоящего исследования важно подчеркнуть преобразующую природу практики, как в аспекте трансформации реальности в соответствии с поставленной целью, так и в аспекте общественно-исторической трансформации самой реальности. Еще одним важным моментом в марксистском понимании практики выступает тезис об изменении не только объекта в преобразующей практике субъекта, но и изменении самого субъекта в процессе его практической деятельности. «Не только субъект преобразует объективный мир, на что обычно указывается в определении практики, но (что не менее важно) изменяется в ходе деятельности и сам субъект»²¹⁸.

Наряду с исследованиями К. Маркса заметный вклад в понимание социальной практики внесли основоположники социологического знания Макс Вебер и Толкотт Парсонс. В первую очередь стоит обратить внимание на

---

²¹⁵ См., напр.: Асмус В.Ф. Маркс и буржуазный историзм. М.-Л., 1933; Якушевский И.Т. Практика и ее роль в процессе познания. М., 1961; Практика и познание, М., 1973; Самарская Е. А. Понятие практики у Карла Маркса и современные дискуссии. М.: Наука, 1977. Основы марксистско-ленинской философии, М., 1980; Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории, М., 1980 и др.

²¹⁶ Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М.: Изд-во «Наука», 1981. С.190.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же.

рассуждения М. Вебера о социальном действии, которое с некоторыми допущениями можно рассматривать как синоним термина социальная практика. Социальное действие, по М. Веберу, ориентировано на других людей, на их поведение в будущем, настоящем или прошлом. Другие создают систему координат, в которой действует индивид. Ожидаемое поведение может относиться лишь к человеку или группе людей, но не к вещному миру. В противном случае о социальном действии речи не идет²¹⁹.

Научный анализ социального действия продолжил развиваться в трудах американского социолога Т. Парсонса. В работе *О структуре социального действия* Т. Парсонс исследовал акт действия и рассматривал его «как единицу, существующую в определённой системе координат»²²⁰. Также исследователь обозначил ряд факторов, обуславливающих наличие акта действия. Во-первых, это присутствие агента («деятеля» или «актора»). Во-вторых, в акте деятельности присутствует цель, направленная на «будущее положение вещей»²²¹. В-третьих, акт предпринимается в ситуации, заметно отличающейся от цели. И, наконец, в-четвертых, нормативная ориентация акта действия. Последнему фактору Т. Парсонс придает особое значение: «... ориентация на нормативный порядок и взаимная соотнесенность ожиданий и санкций – что является основным для нашего анализа социальных систем – коренятся в основах системы координат действия»²²².

Таким образом, М. Вебер и Т. Парсонс социальную практику рассматривает как действие, совершаемое в соотнесении с другими социальными субъектами, оно не может существовать вне системы общественных координат, которая обязательно осознается актором.

---

²¹⁹ Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.

²²⁰ Парсонс Т. *О структуре социального действия*. М.: Академический Проект, 2002. С.94-96.

²²¹ Там же.

²²² Там же. С. 84.

Проблема социального была актуальной и для представителей американской школы прагматиками, развивавшей идеи Чарльза Пирса²²³. Так, например, Уильям Джеймс, определяя истину, писал следующее: «Наши мысли и убеждения имеют хождение до тех пор, пока никто не оспаривает их, подобно тому как банкноты имеют хождение, пока никто не отказывается их принимать»²²⁴. Данное высказывание У. Джеймса в качестве аргумента используют критики прагматизма, апеллируя к тому, что философ стремится «ввести в теорию познания торгашескую терминологию»²²⁵. Однако для настоящего исследования важным является сам факт отнесенности истины к другим людям. Для прагматика Джорджа Мида проблема социального была одной из ключевых. Она стала универсальным принципом, действие которого распространялось не только на человека, но и на природу²²⁶.

Достаточно подробную разработку категории «практика» осуществили, неомарксисты, представители школы праксиса (М. Кангрэга, Г. Петрович, М. Маркович и др.). Продолжая поддерживать идею, что практика – сугубо человеческая форма деятельности, исследователи расширили представление о данной категории и заявили, что она не может сводиться лишь к производственной деятельности, а затрагивает – в противоположность Аристотелю – также творческую, созидательную сферы жизни человека. Именно практика является фундаментальным понятием философии, по отношению к которому разрабатываются другие категории.

Один из ярких представителей данного течения, Милан Кангрэга утверждает, что природа не существует вне практики, то есть природный мир

---

²²³ См.: Дьюи Дж. Реконструкция в философии. Проблемы человека / Пер. с англ. Л. Павловой. М.: Республика, 2003. 494 с.; Джеймс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления. М., 2012. 240 С.; Пирс Ч. Избранные философские произведения / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. 448 с

²²⁴ Джеймс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления. М., 2011. С 127.

²²⁵ Богомолов А. Буржуазная философия США XX века. М., 1974. С. 74.

²²⁶ Mead G. The Philosophy of the Act. Chi., 1938. 696 p.

является результатом практической деятельности человека²²⁷. В своих рассуждениях он опирается на первый тезис о Фейербахе, ссылается на то, что К. Маркс определяет предмет, действительность, чувственность как «человеческую чувственную деятельность, практику»²²⁸. Именно благодаря практике становится возможным существование предмета.

Другая знаковая для школы праксиса фигура, Гайо Петрович, указывает на сложность феномена практики: «практика как форма бытия самого сложного бытийствующего нечто очень сложное, вследствие чего и понятие практики самое сложное, и его как таковое мы можем анализировать и описывать, но не можем разложить и определить до конца»²²⁹. Практику он определяет как «универсальное, свободное, творческое и самосозидающее бытие»²³⁰.

Наиболее полно концепция практики представлена в работах Михайло Марковича. Он утверждает, что практика представляет собой центральное понятие в марксистской теории познания. А такие категории, как «субъект», «объект» выводятся из понятия практики. Он поддерживает идею, что практика представляет собой модус человеческого бытия, является деятельностью, присущей сугубо человеку. Из целенаправленной природы практики М. Маркович выводит её ценностную компоненту: «Практика — целенаправленная деятельность, следовательно, создание чего-то еще несуществующего, но нужного, чтобы было, это и есть ценность для субъекта, который действует»²³¹.

Таким образом, представители неомарксистской школы, сохраняя основные идеи в вопросах понимания практики, заложенные классической марксистской философией, значительно обогатили представление о данном

²²⁷ Kangrga M. O nekim bitnim pitanjima teorije odraza // Neki problemi teorije odraza, Bled, 10–11 novembra 1960, Referati i diskusija na IV stručnom sastanku udruženja / redakcija: Vuko Pavićević, Bogdan Šešić, Svetlana Knjazeva. Beograd : Jugoslovensko udruženje za filozofiju. S. 33–41.

²²⁸ Маркс К. Тезисы о Фейербахе //Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти тт. Т. 2. М.: Политиздат, 1985. С.1..

²²⁹ Petrović G. Praksa i bivstvovanje // Praxis. 1964. No. 1. P. 21–34.

²³⁰ Там же.

²³¹ Marković M. Humanizam i dijalektika. Beograd. Prosveta. 1967. 450 s.

феномене. Они указали на то, что практика имеет не только преобразующий характер, но ей характерна и порождающая, созидаящая природа. Несомненным достижением мысли школы праксиса является и положение о её ценностной составляющей.

Аналитический потенциал категории практика, достаточно основательно проработанный социальной философией, раскрылся в полной мере во второй половине прошлого столетия, когда ее стали использовать для исследования социальных феноменов повседневной жизни. В значительной мере тому способствовали работы Мишеля Фуко 60-х–70-х годов. Это работы, посвященные истории безумия²³², в которых подробно анализировались становление и развитие психиатрических практик; истории становления клинической медицины²³³ и формирование медицинских клинических практик; становление пенитенциарной системы²³⁴ и соответствующих ей практик. Большую роль в понимании обыденных практик повседневности сыграл корпус работ под общим названием *История сексуальности*²³⁵, в котором Фуко подверг скрупулезному анализу самые разные практики заботы о себе (гигиенические, сексуальные, телесные и т.д.).

По мере расширения предметного поля повседневности в качестве объекта социального анализа инструментальность концепта социальных практик становилась все более востребованной. В 70-е годы в социологии

---

²³² Foucault M. Histoire de la folie à l'âge classique. Folie et déraison, Paris, Éditions Gallimard, coll. " Tel ", 1972, 583 p. (Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. Стаф под ред. В. Гайдамака. СПб. : Университетская книга, 1997. 576 с.)

²³³ Foucault M. Naissance de la clinique. Une archéologie du regard médical, Paris, Presses Universitaires de France, 1963, 212 p. (Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.)

²³⁴ Foucault M. Surveiller et punir. Naissance de la prison, Paris, Gallimard, 1975, 328 p. (Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.)

²³⁵ Foucault M. Histoire de la sexualité, vol. 1 : La volonté de savoir, Paris, Gallimard, 1976 (Фуко М. ВОЛЯ К ИСТИНЕ: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. / Пер. с франц. сост., ком. и послесл. С. Табачниковой. – М.: Касталь, 1996.- 448 с.); Foucault M. Histoire de la sexualité, vol. 2 : L'usage des plaisirs, Paris, Gallimard, 1984, 296 p. (Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. / Пер. с фр. В. Каплуна. [СПб.]: Академический проект, 2004. 432 с.); Foucault M. Histoire de la sexualité, vol. 3 : Le souci de soi, Paris, Gallimard, 1984, 288 p. (Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Т. 3. Киев: Дух и Литера, 1998. 288 с.)

начинает формироваться теория социальных практик²³⁶. Пионерской работой здесь стала книга П. Бурдьё *Эскиз теории практики*²³⁷, в которой практика рассматривается в диалектическом единстве своих объективных и субъективных компонентов. Французский социолог следующим образом представляет эту диалектику: «С одной стороны, объективные структуры, которые конструирует социолог в рамках объективизма, отстраняясь от субъективных представлений агентов, лежат в основе субъективных представлений и содержат структурные принуждения, влияющие на взаимодействия; но, с другой стороны, эти представления должны быть усвоены, если хотят, чтобы с ними считались, в частности, в индивидуальной или коллективной повседневной борьбе, нацеленной на трансформацию или сохранение объективных структур»²³⁸. Природа дуальности социальных практик имеет свое основание двойственности габитуса, о которой была отмечена выше²³⁹. Габитус, как структурированная структура, предрасположенная функционировать как структурирующая структура²⁴⁰, выступает силой проявления социальных структур (объективных условий его существования), которая «бесконечно большое число практик, к тому же относительно непредсказуемых (как и соответствующие ситуации) и вместе с тем ограниченных в своем разнообразии»²⁴¹. В своей статье, посвященной понятию «габитус», Наталья Александровна Иванова считает, что в социологической теории П. Бурдьё габитус является «основным принципом, порождающим и организующим практики»²⁴².

²³⁶ Хороший обзор современных теорий практик представлен в ряде монографий. См. напр.: Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: [Учебник]. В 3-х т. Т. 3: Социальные институты и процессы. М.: ИНФРА-М, 2000. 519 с; Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 290 с.

²³⁷ Bourdieu P. *Esquisse d'une théorie de la pratique: précédé de trois études d'ethnologie kabyle*. Genève: Droz, 1972. 269 p.

²³⁸ Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С.184-185.

²³⁹ См.: Глава 1. п. 1.2. С.

²⁴⁰ Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 102

²⁴¹ Там же. С.108.

²⁴² Иванова Н.А. Понятия «габитус» и «хабитуализация» в контексте социологических теорий // Вестник Томского государственного университета. 2011. №1(13). С. 124.

Важной стороной социальных практик, отмеченной П. Бурдьё, выступает их единичность и экстериторность, эмпиричность и телесность²⁴³. Переводчик и исследователь творчества французского социального социолога, Наталья Анатольевна Шматко, отмечает, что у П. Бурдьё с помощью практик ничего нельзя понять, если только вы не производите их сами. «Практика — это все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире»²⁴⁴.

В теории структуриации Э. Гидденса социальные практики производятся в конкретных рамках времени и пространства здесь-и-сейчас и представляют собой проявление особых свойств социальных систем, которые социолог обозначает как «структуральные свойства»²⁴⁵. Сами же структуральные свойства Э. Гидденс представляет, как иерархически организованные «в пространстве и во времени протяженности практик, которые они рекурсивно формируют»²⁴⁶. Иными словами, социальные практики есть феномены структуральных свойств социальных систем. Вне ситуативных действий субъекта – вне социальных практик – структуральные свойства социальных систем не существуют. «Структура, как регулярно воспроизводящиеся “наборы” правил и ресурсов, существует вне времени и пространства, проявляется в памяти индивидов в виде “отпечатков” социальной практики и отличается “отсутствием субъекта”»²⁴⁷.

Положение Э. Гидденса о «бессубъектности» социальных практик требует пояснения. Несмотря на то, что социальные практики есть пространственно-временная реализация социальной структуры действующим субъектом не субъект структурирует свои практики. Согласно Э. Гидденсу сам субъект, как активный деятель, производится структуральными свойствами в

²⁴³ Иванова Н.А. Понятия «габитус» и «хабитуализация» в контексте социологических теорий // Вестник Томского государственного университета. 2011. №1(13). С.128-135.

²⁴⁴ Шматко Н.А. Послесловие. На пути к практической теории практики // Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001 г. С. 551.

²⁴⁵ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. С. 59.

²⁴⁶ Там же. С. 59.

²⁴⁷ Там же. С. 69.

социальных практиках. «Скорее социальные практики, разворачивающиеся в рамках времени и пространства, считаются источником и основой образования и субъекта, и социального объекта»²⁴⁸, – пишет Э. Гидденс.

Следуя логике Питера Людвиг Бергера и Томаса Лукмана в понимании повседневного поведения и действий как привычного²⁴⁹, Э. Гидденс определяет неререфлексивно осуществляемые действия в качестве рутинных. Исходя из идеи рутинизации повседневных действий субъекта*, которые повторяясь в одном пространственно-временном контексте постепенно становятся упорядоченными и стандартными²⁵⁰, Э. Гидденс приходит к заключению о том, что циклическое повторение рутинных действий приводит к воспроизводству условий, делающих сами эти действия возможными. «Социальные действия людей цикличны подобно некоторым самовоспроизводящимся природным явлениям. Это означает, что они не создаются социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводятся ими, причем теми же самыми способами, посредством которых люди реализуют себя как акторы»²⁵¹. Те структурные принципы, которые являют себя в повседневных практиках и которые получают широкое пространственное и временное распространение в конце концов обретают статус социальных институтов²⁵². Идея Э. Гидденса о том, что социальные практики порождают субъектов этих практик, и что пространственно-временная организация практик определяется структуральными свойствами

---

²⁴⁸ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. С.17.

²⁴⁹ Бергер П., Лукиан Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. С. 89-92.

* «Рутинизация (Routinization). Привычный, воспринимаемый как данное характер большинства повседневных социальных действий; преобладание привычных стилей и форм поведения, управляющее ощущением онтологической безопасности, равно как и управляемое им» (Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. С. 501.)

²⁵⁰ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. С. 55.

²⁵¹ Там же. С. 40.

²⁵² Там же. С. 60.

социальных систем позволяет понять некоторые модальности акторов городских практик, речь о которых пойдет ниже²⁵³.

Разработка темы социальных практик в вопросе выявления их основных свойств нашла свое отражение в работе Гарольда Гарфинкеля *Исследования по этнометодологии*²⁵⁴. Рассматривая практические действия как самостоятельный предмет социологического исследования, он отмечает, что «их основное достоинство заключается в том, что действия, посредством которых индивиды создают ситуации организованной повседневной деятельности и управляют ими, идентичны процедурам, к которым индивиды прибегают для того, чтобы сделать эти ситуации объяснимыми»²⁵⁵. Социолог здесь ухватывает одно из важных свойств практических повседневных действий – идентичность действий и процедур, объясняющих смысл этих действий²⁵⁶. Иначе говоря, действуя привычным образом в привычных обстоятельствах, актор тем самым рефлексивует смысл своих действий, поскольку структуры действий и рефлексий идентичны. Жест (в том числе и речь) приветствия кого-либо при встрече всегда так или иначе отрефлексирован, смысл приветствия открывается в самом действии приветствия. Свойство объяснимости социальных практик Г. Гарфинкель основывает на их наблюдаемости и сообщаемости²⁵⁷. Наконец, социолог обращает внимание на «бесконечность, непрерывность, контингентность обучения»²⁵⁸ субъекта, которое происходит в каждом практикуемом действии.

Подводя итоги по необходимости краткого рассмотрения вклада социологических теорий по теме социальных практик можно говорить о том, что теории социальных практик направлены на исследование повседневных рутинных действий людей, влияющих на изменение социальных институтов и социальной структуры общества, этих важнейших конститuentов социального

---

²⁵³ См.: Глава 2, п. 2.3.

²⁵⁴ Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер. 2007. 335 с.

²⁵⁵ Там же. С. 9.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Там же.

пространства. В этой связи социальные практики предстают как совокупность повседневных опривыченных действий социальных агентов, реализуемых в конкретной пространственно-временной локации, и изменяющих или поддерживающих организованность социального пространства. Важно отметить, что в социальные практики не только позволяют их деятелям менять или поддерживать организованность социального пространства, они являются также и способами освоения производимого ими социального пространства.

Все достижения исследовательской традиции в анализе феномена социальных практик при их использовании для рассмотрения практик городских, естественно, нуждаются в определенной акцентуации и конкретизации. Прежде всего отметим, что город как предметно-чувственная реальность есть результат порождающей и преобразующей практической деятельности человека как социального существа. В современной интерпретации город понимается в первую очередь как социальная система. Это дает основания утверждать, что изменения в социальной среде и есть изменения города. В этой связи все процессы, происходящие в городе и с городом, наиболее выпукло демонстрируют особенности и характеристики практической деятельности человека.

Город – яркий пример преобразования природы, сообществ и самого индивида в единстве того, что можно обозначить как городская среда²⁵⁹. Так Галина Владимировна Горнова пространство городской среды представляет в виде окружностей, образованных социальными связями. В центре находится горожанин. В ближний круг его входит семья, далее следуют коллеги по работе, за ними – соседи и случайные прохожие, с которыми человек встречается в городе. Несмотря на то, что соседи и другие горожане описываются Г. В. Горновой как люди, находящиеся в третьей, самой отдалённой позиции, именно с ними горожанин может находиться в самом

---

²⁵⁹ См., напр.: Горнова Г. В. Философия города: монография. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2014. 334 с.; Гранкина, Е. А. Гуманитарное пространство города: хронотоп, институты, «гении места»: дисс... к-та культурологии : 24.00.01. Самара, 2016. 165 с. и др.

близком соприкосновении. Философ подчеркивает значение социальных связей и социальных отношений во взаимодействии города и человека²⁶⁰. В данной интерпретации взаимоотношения отдельно взятого человека с другими горожанами описываются как система близких либо далеких контактов.

Интерес к городским практикам вызван, прежде всего, тем, что они являются важным механизмом создания и трансформации городского пространства. Один из главных теоретиков современного урбанизма, французский исследователь Мишеля де Серто дал развернутый анализ городских практик²⁶¹. В своих работах теоретик ведет речь о пространственных практиках в городе, что еще более повышает ценность его анализа для исследуемой в диссертации темы. Необходимо отметить, что пространственные практики повседневности в организации городского пространства М. де Серто противопоставляет понятию города, как урбанистической рациональности, которая пытается поставить *жизнь* города под «паноптическое управление» рационального урбанистического дискурса (примерами которого являются полис Платона, «Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы и т.д.)²⁶². В концепции исследователя именно пространственные практики города определяют как место *живое*.

Прежде всего стоит отметить, что М. де Серто указывает на важность пространственных практик для понимания коллективных способов управления и индивидуального способа присвоения городского пространства, так как «пространственные практики на самом деле скрытым образом подготавливают условия, определяющие социальную жизнь»²⁶³. Характеристики пространственных практик он раскрывает на примере практики пешей ходьбы,

---

²⁶⁰ Горнова Г. В. Философия города: монография. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2014. 334 с.

²⁶¹ Серто М. де. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т.7. № 2. С. 24-34; Серто Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

²⁶² Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С.188-192.

²⁶³ Там же. С.192.

которая рассматривается как «элементарная форма опыта»²⁶⁴, поскольку имеет «стиль тактильного восприятия и кинетического присвоения»²⁶⁵. «Элементарной» практика пешехода исследователем определяется на том основании, что сам акт ходьбы не рефлексивируется, то есть является по большей части автоматическим и бессознательным.

Однако несмотря на свою элементарность функции, которую выполняют практик ходьбы, характерны не только для всех видов пространственных практик, но и городских практик в целом. Обоснование этому тезису можно обнаружить в следующем пассаже: «На самом элементарном уровне он действительно обладает тройной “высказывательной” функцией: во-первых, он является процессом *присвоения* топографической системы пешеходом (так же, как говорящий приспособливает и «берет» себе язык); во-вторых, он представляет собой пространственную *реализацию* места (так же, как сам речевой акт представляет собой звуковую реализацию языка); наконец, он предполагает отношения между дифференцированными позициями, то есть прагматические «контракты», заключаемые в форме движений (так же, как словесное высказывание представляет собой «обращение», «помещает другого напротив» говорящего и приводит в действие контракты между собеседниками)»²⁶⁶. Приведенный фрагмент ясно свидетельствует о том, что французский социальный философ считал выявленные им характеристики городских практик – присвоение, реализация, «позиционирование» – свойствами не только пространственных практик, но и практик речевых. Дополнительным аргументом этого тезиса может служить параллель, которую проводит исследователь, между пространственными и означающими практиками²⁶⁷.

---

²⁶⁴ Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С.187.

²⁶⁵ Там же. С.192.

²⁶⁶ Там же. С. 193-194.

²⁶⁷ Там же. С. 204.

Помимо этого, М. де Серто описывает еще одну важную особенность пространственных практик. Он указывает на их порождающую природу, которая реализуется благодаря функции «позиционирования», то есть различении мест. Исследователь пишет о том, что пешие перемещения «придают форму пространству»²⁶⁸, что «они сами производят пространство»²⁶⁹. Энергию, силу в производстве пространства города городские практики черпают в своей микроскопичности, уникальности и множественности, которые позволяют им ускользать от контроля и подавления «со стороны паноптического управления»; в быстром умножении и «расширяющейся нелегитимности»; в проникновении «нечитаемых, но устойчивых тактик» в сети наблюдения²⁷⁰. Именно эти особенности повседневных городских практик «в итоге создают повседневное регулирование и скрытые формы созидательности»²⁷¹.

Наконец, отметим трансформирующую пространство функцию городских практик, о которой идет речь в исследовании М. де Серто. Он считает, что заданный пространственный порядок города определяется совокупностью возможностей (за счет мест, в которых можно двигаться) и запретов («проход запрещен», забора, стены и т.д.). Исследователь пишет об актуализации некоторых существующих возможностей и запретов, и изобретении новых возможностей и запретов в качестве механизмов трансформации существующего пространства²⁷². Возможность трансформации городского пространства практиками повседневности заключена в свойстве практики *реализоваться* в актуализации той или иной возможности (или запрета). Иначе говоря, реализуя ту или иную повседневную практику (например, практику ходьбы) горожанин трансформирует пространство города.

---

²⁶⁸ Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С.192.

²⁶⁹ Там же. С. 192-193.

²⁷⁰ Там же. С. 191.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Там же. С. 194-195.

Рассматривая городские практики, целесообразно обратить внимание на разграничение таких понятий, как социальное производство и социальное конструирование пространства. Сета Лоу утверждает: «Понятие социального производства пространства включает в себя социально-экономические, идеологические и технологические факторы способствующие созданию материальных объектов»²⁷³. Социальное конструирование она определяет как «переживание пространства, опосредованное такими социальными процессами, как взаимодействие, конфликт и контроль»²⁷⁴. В этом разделе подчеркивается существование материального и символического аспектов существования городских практик.

Городские практики, с нашей точки зрения, представляют собой большее, нежели просто человеческая деятельность, помещенная в городскую среду. По нашему мнению, «городское» следует рассматривать не только как катализатор, ускоритель социальных процессов, но и как их равноправный участник. Вслед за Дж. Джекобс мы будем понимать «городское» как концентрацию разнообразия²⁷⁵. Разнообразие институтов, социальных групп, индивидов, объектов инфраструктуры и т.д. Все эти элементы должны быть связаны друг с другом. Фактически они могут существовать и в сельской местности, что не мешает им воспроизводить городской образ жизни. Вместе с тем стоит отметить, что городское реализуется в конкретном месте. Практики, осуществляемые в таком пространстве, естественно, рассматривать как городские. То есть городская практика – это то, как человек действует, относясь к городскому многообразию, взаимодействуя с ним. С другой стороны, практики становятся городскими не только и не столько потому, что помещены в соответствующий контекст, а потому, что городское становится их имманентным свойством.

---

²⁷³ Сета М. Лоу. Пласа: политика общественного пространства и культуры. М.: Strelka Press, 2016. С. 169.

²⁷⁴ Там же. С. 170.

²⁷⁵ Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.

Если суммировать вышесказанное, то городские практики – это специфический вид творческой деятельности человека по освоению пространства города. Как способ освоения пространства города городские практики представляют собой сложноструктурированную деятельность, которая включает в себя как рациональные, так и иррациональные элементы. Собственно, и рациональные, и иррациональные моменты присущи любой деятельности человека как социального существа. Отмечая особенности социального бытия, К. С. Пигров (а городские практики, несомненно, являются способом социального бытия), пишет: «...Говоря о социальном бытии, мы знаем, что это такое *изнутри*. Мы *участвуем* в этом бытии, мы *создаем* его своими действиями, мы не только *понимаем* его рационально, но и *переживаем* его эмоционально»²⁷⁶.

Особо следует подчеркнуть иррациональные аспекты городских практик, поскольку обычно практику определяют как целесообразную деятельность человека. Однако, исследования показали, что опривычивание (или рутинизация) составляет существенную сторону социальных практик. Рассматривая социальные структуры, управляющие практикой, П. Бурдьё пишет, что это управление осуществляется «независимо оттого, знают ли об этом или нет, и несомненно, тем грубее (управляется – О.О.), чем меньше о нем знают»²⁷⁷. Комментируя свой перевод названия книги П. Бурдьё *Le Sens pratique*²⁷⁸ как *Практический смысл* Н. А. Шматко отмечает, что для адекватного понимания термина *Sens* существенна не «логическая» или «концептуальная» составляющая, а то, что идет от чувства, от практического, неразмышляющего освоения и присвоения социального мира. «"Sens" в этом случае — чувство, ощущение, чутье и лишь потом смысл как возможность мышления. "Практический смысл" надо понимать как "практичность", "сметку", "практическое чутье", "чувство игры", как умение совершать нужные

²⁷⁶ Пигров К.С. Очерки социальной философии: Учеб. пособие. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1998. С.58.

²⁷⁷ Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 51.

²⁷⁸ Bourdieu Pierre. *Le Sens pratique*. P.: Minuit, 1980. 475 p.

действия без предварительного обдумывания или расчета»²⁷⁹. Аспект иррационального в социальных практиках отмечают многие современные исследователи²⁸⁰. Об этом же в своем анализе практики ходьбы пишет М. де Серто, когда подчеркивает нерелексивную сторону этой практики и существенную роль в ней «тактильного осознания» и «кинестетического присвоения»²⁸¹.

Таким образом определяя городские практики как важный тип социальных практик необходимо всегда иметь в виду, что их чувственная составляющая играет значительную роль в трансформации городского пространства. Городские практики, меняющие пространство города, есть способ его освоения. Освоение пространства города городскими практиками амбивалентно. С одной стороны, освоение совершается через присвоение общедоступных мест и границ их определяющих, которые конфигурируют существующее пространство города, с другой – освоение происходит благодаря производству новых мест и перераспределению границ, которые меняют конфигурацию городского пространства. Городские практики как механизмы трансформации пространства города – это способ освоения городского пространства через его производство, понимание и переживание.

---

²⁷⁹ Шматко Н.А. Послесловие. На пути к практической теории практики // Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001 г. С. 549.

²⁸⁰ См. напр.: Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С.276-280; Романова Н. М. Социальные практики криминального доминирования: особенности вовлечения личности в криминальную деятельность // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 319-323 и др.

²⁸¹ Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 156.

2.2 Типология городских практик

В многочисленных исследованиях²⁸² городские практики являются самостоятельным объектом научного интереса, однако все еще слабо изученным остается вопрос об их типологизации. Существование широкого спектра городских практик обуславливает возможность разделить их по разнообразным основаниям: по социальным группам, для которых характерны те или иные виды практик (пешеходы и автомобилисты; горожане и туристы; богатые, средний класс и бедные и т.д.); по территориям, на которых чаще всего эти действия реализуются (локальные, районные, городские); по типу их существования (телесные, символические, духовные) и многим другим признакам.

Любая типологизация только тогда имеет смысл, если решает ту или иную научно-практическую задачу. Например, выявить локализацию социальных проблем в городе, или определить способы и интенсивность мобильности горожан; определить виды или типы городских практик; обозначить их субъектов; понять тренды трансформаций городского пространства или фиксировать типы таких трансформаций и многое другое.

В диссертации городские практики рассматриваются как индикатор преобразований городского пространства. Это принципиально иной подход, позволяющий взглянуть на разнообразие городских практик как на единую систему социальных действий, подчиненных определенным регулярностям и оказывающих влияние на городское пространство.

Стоит отметить, что предлагаемая типология подразумевает, что один и тот же вид деятельности в зависимости от интенции действующего субъекта

---

²⁸² Бернюкевич Т.В. Современные городские практики: социально-политические аспекты // Вестник ЗабГУ. 2022. Т.28. №6. С. 37-44; Аникиева А. В., Швиндт У. С. Пространственные перемещения жителей уральских моногородов: социальные практики и особенности городского пространства // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 4. С. 167–189. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.684; Ардальянова А. Ю., Земцова А. Е., Купряшкин И. В. Цифровизация городского пространства: от идеи к повседневной практике жителей г. Владивосток // Respublica Literaria. 2022. Т. 3. №. 1. С. 54-66 и т.д.

может быть отнесен к разным классификационным группам. С одной стороны, данный подход не позволяет определить неизменное место для каждой практики в том или ином тип. С другой стороны, такой ракурс продуктивен с точки зрения понимания механизмов, обеспечивающих городские трансформации, а также процессы, поддерживающие функционирование городов.

В диссертационном исследовании городские практики понимаются как способы освоения городского пространства, которые так или иначе оказывают на него влияние – либо трансформируя, либо сохраняя его. Как было показано выше, суть всякой практики состоит в освоении чего-либо субъектом. Сам феномен освоения при этом оказывает и на предмет освоения, и на действующего субъекта самое разнообразное влияние. В процессе освоения происходит создание нового, его рефлексия и переживание, изменение субъекта, обогащение его новым опытом, приспособление к новым условиям и т.д. Отталкиваясь от этого понимания природы городских практик и учитывая рассмотренные ниже модальности актора²⁸³ городских практик можно предложить следующие их типы: *креативные, адаптивные и поддерживающие*.

Предлагаемая нами типологизация городских практик – как, впрочем, и всякая типологизация – достаточно условна. Однако, по нашему мнению, всякая типологизация, при всей своей условности, позволяет определить некоторые особенности трансформации городского пространства, например, выявить тренды интересов горожан в развитии городского пространства по тому, какой из типов городских практик преобладает в данное время и/или в данной локации. В этой связи возникает необходимость более подробно, на примерах конкретных городских практик, рассмотреть каждый из предложенных типов.

---

²⁸³ Глава 2, параграф 2.3

2.2.1 Креативные практики

К *креативному типу* практик мы относим те, которые в той или иной мере трансформируют порядок социальных отношений в городе, материальную среду, систему ценностей и т.д. В данном типе практик наиболее ярко проявляется активная позиция горожанина по отношению к пространству города и высокая степень его влияния на городское пространство.

При рассмотрении креативных практик важно очертить границы их влияния на городское пространство, а также основные направления воздействия. Трансформации в городской среде происходят непрерывно. Постройка или снос здания – примеры изменения в городской среде. Более того, след, оставленный пешеходом на снегу, тоже может быть расценен как результат трансформационного процесса. Однако в данном случае креативные практики считаются таковыми, когда они так или иначе трансформируют материальную и/или символическую среду, социальную структуру, правила, действующие в городе или его конкретной локации и т.д. Иными словами, меняют устоявшийся порядок функционирования городского пространства. Именно в этих практиках наиболее отчетливо проявляется изменение границ городского пространства: изменяющие практики подразумевают изменение границ, переизобретение городского пространства, изменение социального порядка.

Прежде всего следует назвать практики *присвоения городских территорий* социальной группой или индивидом, примером которых выступают практики *преодоления социального неравенства* в городской среде²⁸⁴. Исследователи отмечают, что индивиды могут разными способами бороться с существующими ограничениями, которые не позволяют им реализовывать свои потребности в игре, отдыхе или безопасности. Согласно исследованию, наиболее популярные формы реагирования на подобного рода

---

²⁸⁴ Филиппова А.Г., Ракитина Н.Э., Гончарова С.В. Практики преодоления социального неравенства детства в городской среде // Казанский педагогический журнал. 2016. №4 (117). С. 199-201.

преграды – это, согласно классификации Роберта Кинга Мертона, «мятеж» и «инновации»²⁸⁵. Или, например, жители индийских трущоб заявляют свое право быть горожанами и пользоваться благами урбанизированной среды, к которой примыкают трущобы²⁸⁶. Чаще всего при реализации данных практик трансформация проявляется в расширении доступности городских территорий для незащищенных социальных групп: жителей трущоб, малообеспеченных, бездомных, маломобильных горожан и так далее²⁸⁷.

С креативными практиками тесно связано понятие «права на город». Именно реализация этого права в наибольшей степени демонстрирует возможность взаимодействия человека и городской среды. История городов насчитывает тысячелетия, однако термин «право на город» возник сравнительно недавно, однако по мнению экспертов, тренд становится всё более заметным²⁸⁸. В XX веке о нем заговорил А. Лефевр. Ученый рассматривал эту концепцию в 2-х своих работах: *The right to the city*²⁸⁹, *The production of space*²⁹⁰. Согласно А. Лефевру, право на город может быть реализовано через возможность участвовать в принятии решений по поводу городского развития и через право полноценно использовать городское пространство в своей повседневной жизни. Именно за право жить в городе и участвовать в принятии решений по его развитию идет борьба в современном городском пространстве. Подобным образом право на город понимал Александр Аркадьевич Высоковский, он видел его как систему нормативных актов, обеспечивающих право на город, а также социальных практик, его

---

²⁸⁵ Мертон Р. К. Социальная структура и аномия / Роберт Кинг Мертон. Москва : Директ-Медиа, 2007. 37 с.

²⁸⁶ Холлис Л. Город вам на пользу: Гений мегаполиса. М.: Strelka Press, 2015. 490 с.

²⁸⁷ Важно отметить, что такого рода практики могут быть интерпретированы и как поддерживающие в тех случаях, когда они становится нормой, начинают воспроизводиться в нормативных актах города, транслироваться горожанами.

²⁸⁸ Вахштайн В.С. Если город превращается в витрину, то скоро в нее полетят камни // BBC News. Русская служба. 2016. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-36786791>

²⁸⁹ Lefebvre H. *The right to the city*. Wiley-Blackwell, 1996. 260 p.

²⁹⁰ Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. С. 92. 432 с.

реализующих²⁹¹. Вопросы о границах влияния на город, о праве пользоваться теми или иными городскими территориями определяют возможность конструирования городского пространства при помощи социальных практик, которые выстраиваются из оппозиции «свое-чужое». Российский урбанист утверждал, что, заявляя право на город, горожанин должен понимать, где его зона возможного влияния, то есть где свое, а где чужое²⁹². Российская традиция изучения права на город получила своё развитие в исследовании Елены Сергеевны Кочуховой, которая анализирует диспозицию идеи креативного (зачастую элитарного) города и права на город для всех²⁹³.

Наиболее показательной практикой, демонстрирующей заявление человеком права на город, является *городской активизм*. Благодаря ему границы городского пространства трансформируются, расширяются, становятся более проницаемыми. Примером таких практик являются действия горожан в защиту маргинальных групп. Бездомный, бедный, безработный или выпивающий человек – в новом контексте не предмет жалости или пренебрежительного отношения, а полноправный участник городской жизни.

При этом его права представляют горожане, у которых есть дома, работа, питание. Так, например, в Британском городе Борнмут жители вышли на митинг после того, как «власти оснастили городские лавочки специальными защитными поручнями, которые не позволяют вытянуться на них в полный рост»²⁹⁴. Активисты посчитали это ущемлением прав бездомных. Такие случаи свидетельствуют о том, что маргинальные группы воспринимаются не как побочный элемент городской жизни, а как часть городского населения наравне с детьми, пенсионерами, работающими горожанами и многими другими.

---

²⁹¹ <https://urban.hse.ru/news/78898104.html>

²⁹² Лекция «Нужны ли городу его жители» прочитана А.А. Высоковским 6 марта 2013 г. в культурном центре ЗИЛ, г. Москва.

²⁹³ Кочухова Е.С., Мартянов В.С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Атиномии. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 45-66.

²⁹⁴ <https://medialeaks.ru/0602bva-anti-homeless-bars/>.

В Индии жители неблагополучных районов и окраин городов (в частности Дхарави, трущобах г. Мумбаи) высказываются за свое право быть горожанами, пользоваться благами крупного мегаполиса. Л. Холлис описывает, как жители индийских трущоб объединяясь, заявляют о своем праве на доступ к санитарной инфраструктуре в городе, на комфортное жилье. Холлис пишет: «Нужно признать, что трущобы, как и весь город, - это не только здания и инфраструктура; это и люди, преодолевшие долгий путь, чтобы здесь обосноваться... Они – неотъемлемая часть жизни города и источник его будущих успехов»²⁹⁵. Этот пример показывает, каким образом городские практики могут менять так называемый «эффект гетто», описанный П. Бурдьё и являющийся, по его мнению, полной противоположностью эффекту клуба: «В то время как шикарные кварталы, функционирующие как клубы, основанные на активном исключении нежелательных лиц, символически посвящают каждого из своих обитателей, позволяя ему участвовать в капитале, аккумулированном совокупностью жителей, гетто символически разлагает своих обитателей, объединяя в некоторой резервации совокупность агентов, которые, будучи лишены всех козырей, необходимых для участия в различных социальных играх, могут делиться только своим отлучением»²⁹⁶.

Не менее ярко креативность проявляется в *градозащитных практиках*. Это ещё один вид деятельности в городе, который меняет границы городского пространства. Механизмы его формирования можно проследить на примере фестиваля восстановления исторической среды «Том Сойер Фест»²⁹⁷. Зародившись в Самаре в 2015 году, фестиваль распространился более чем на десять российских городов, в 2019 году он стал международным. Жители города на волонтерских началах занимаются восстановлением фасадов деревянных зданий, не являющихся памятниками архитектуры. На собственные

²⁹⁵ Холлис Л. Город вам на пользу: Гений мегаполиса. М.: Strelka Press, 2015. С. 223.

²⁹⁶ Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 49.

²⁹⁷ Фестиваль восстановления исторической среды. Появился в 2015 году в Самаре как низовая инициатива. В 2019 году в фестивале зарегистрировано более 50 участников городов и деревень. URL: <https://vk.com/tomsawyerfestrossia>.

средства участников или за счет спонсорской помощи приобретаются материалы, инструменты, и в течение летнего сезона проходят работы по ремонту фасадов.

*Тактический урбанизм*²⁹⁸ – еще один вид практики, демонстрирующий заявление права на город. В рамках этих практик горожане, например, временно переформатируют парковки в места отдыха или прогулочные зоны²⁹⁹. Это тоже своего рода присвоение территории. Однако цель присвоения несколько иная нежели в предыдущих примерах. Практики тактического урбанизма направлены прежде всего на изменение *функционального* наполнения городской локации. Такие городские практики являются следствием высокой концентрации ресурсов, интересов, социальных групп в ограниченном пространстве, что порождает в свою очередь конфликт интересов.

Российские исследователи также отмечают роль тактического урбанизма в процессе формирования и трансформации городского пространства. Отечественный социолог Анна Александровна Желнина проводит анализ «вмешательства» креативной молодежи в благоустройство городской среды³⁰⁰. Авторы заявляют, что изменений в городе можно добиться быстро, недорого и с минимальным количеством рисков. Установка теннисных столов, организация временных парков вместо платных парковок, временное перекрытие дороги, проведение фестиваля и многие другие действия позволяют в короткий срок изменить пространство города. Существование подобных практик наглядно демонстрирует влияние социально-антропологического пространства на городскую среду.

Не только городские активисты, но и предприниматели заявляют свое право на город. Подробнее эти практики будут рассмотрены на примере

---

²⁹⁸ Термин предложен Маком Лайденом и Энтони Гарсиа в одноименной книге См.: Лайдон М., Гарсиа Э. *Тактический урбанизм*. М.: Strelka Press, 2019. 304 с.

²⁹⁹ Лайдон М., Гарсиа Э. *Тактический урбанизм*. М.: Strelka Press, 2019. 304 с.

³⁰⁰ Желнина А. Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 2(78). С. 45-59.

российских городов – Самары и Казани. Владелец магазина элитной косметики и кафе еврейской кухни открыл в историческом центре Самары в здании дореволюционной постройки кафе-парикмахерскую. При этом он осознавал риски, связанные с малой проходимостью непешеходной улицы, ветхостью коммуникаций в историческом здании, недостаточным количеством парковочных мест и др. Владелец бизнеса считает, что таким действием можно наполнить жизнью городские лакуны в историческом центре, сохранить, восстановить исторические здания. В данном случае бизнес не только использует ресурсы города, но и вкладывает собственные средства в развитие городской среды. При этом инициатива исходит от самих предпринимателей, она является не обязательством, а скорее потребностью.

Подобных ценностных ориентиров придерживаются и владельцы кофейни во дворе музея Модерна в Самаре. Семья архитекторов открыла ее с одной целью – сделать это место творческой площадкой для художников, дизайнеров, урбанистов, архитекторов. Это место для инсталляций, выставок, перформансов и других открытых мероприятий, которые проводят архитекторы. Прилежащая дворовая территория – важная часть этой площадки. Сама кофейня позиционирует себя как лекционно-дискуссионная площадка. Сходная концепция лежит в основе идеи музея Чак-чака в Казани. По словам организаторов музея, в Казани никто до этого демонстрировал быт татар, только фасады татарских зданий. А музей Чак-чака – повод обстоятельно поговорить о народной татарской культуре. Таким образом, малый и средний бизнес может по-разному выстраивать свои отношения с городом. Упомянутые кейсы говорят о новом запросе на городскую среду, о повышении ее ценности в глазах предпринимателей.

Существуют практики, претендующие на конкретную городскую территорию. *Практики оспаривания*, например, представляют собой активность горожан, направленную на противодействие застройке озелененного участка. Тем самым общественность постулирует своё право пользоваться этим участком с сохранением его первоначального функционала. Присвоение

территорий в современном городском пространстве может характеризоваться процессами джентрификации, когда в прошлом небогатый жилой район становится доступным лишь для состоятельных горожан³⁰¹. Так или иначе, результатом такого вида трансформационных практик является изменение социальной структуры пользователей территории.

Особенно часто трансформационные практики присвоения городского пространства проявляются в актах художественной деятельности, что влечет за собой не только изменение социальной структуры места, его функционала, но и трансформацию символического наполнения. *Арт-практики* не столько что-то убирают в городском пространстве, сколько наполняют его новым содержанием, обогащают символическое значение конкретного места.

Примером таких практик является стрит-арт, граффити. Несмотря на то, что сегодня уличные художники все чаще стремятся занять своё место в формализованном пространстве современных галерей и используют городскую среду как площадку для рекламы³⁰², все же исторически граффити-искусство находится в непосредственном диалоге с городом, порождается именно городом, воздействует на него и тоже заявляют свое «право на город»³⁰³. Привычное городское пространство стрит-артисты стремятся превратить в арт-галерею под открытым небом³⁰⁴. Поверхности зданий они используют не только как импровизированный холст, но и как средство художественной выразительности, обыгрывая неровности, трещины, выступы и иные элементы и формируя тем самым новый контекст места. Сооружения, на которых находятся работы, превращаются в выставочные стенды, но продолжают при этом выполнять свой прежний основной функционал. В среде граффитчиков и стрит-артистов существует собственная система знаков и символов, понятна

³⁰¹ Флорида Р. Новый кризис городов: Джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать. М.: Издательская группа «Точка», 2018. 360 с.

³⁰² Lachmann R. Graffiti as career and ideology // Amer. j. of sociology. 1988. Vol. 94, № 2. P. 229–250.

³⁰³ Кузовенкова Ю.А. «Право на город»: практики легитимации граффити и стрит-арта // Культура и цивилизация. 2015. № 4-5. С. 31-46.

³⁰⁴ Кузовенкова Ю. А. Особенности освоения городского пространства сообществами граффити и стрит-арта // Вестник СПбГУКИ. 2017. Декабрь. №4 (33). С. 66-69.

лишь представителям данной субкультуры. И именно в городской среде складывается система социальных отношений между представителями стрит-арт культуры.

Для уличных художников важны не только качество изображения, но и место размещения работы. В этой среде существует определенная иерархия мест³⁰⁵. Художники стремятся сделать изображения и надписи в многолюдных местах, в метро, на фасадах зданий, чтобы их увидело как можно больше прохожих. Особой ценностью в этой среде обладают труднодоступные, опасные участки: под крышей, на хорошо охраняемых зданиях и т.д. Социальные отношения внутри субкультуры выстраиваются не только за счет выбора наиболее выгодного участка для работы, но и также за счет «перекрывания» (закрашивания) работ друг друга.

Стоит обратить внимание, что «настоящее» уличное искусство сами художники характеризуют как полуполегалное, запретное. Такой подход является собой особую форму борьбы с излишней коммерциализацией, за так называемое «чистое» искусство. Именно этот момент в наибольшей степени определяет аутентичность уличного искусства. Несмотря на то, что в последние годы всё больше художников переходит в галереи, для некоторых стрит-артистов всё ещё важно размещать рисунок или тэг нелегитимно. Как заявляет один из уличных художников: «...уличное искусство никогда не было и не должно быть полностью легальным. Легальный стрит-арт – это уже паблик-арт»³⁰⁶. То есть уличное искусство идет в разрез с устоявшимся порядком вещей в городской среде, оно стремится изменить его. В этой интенции уличного художника нарушать правила и заложен трансформационный потенциал данной практики.

В рамках художественной деятельности не только художники символически наполняют, (присваивают) и тем самым, трансформируют

---

³⁰⁵ Кузовенкова Ю. А. Особенности освоения городского пространства сообществами граффити и стрит-арта // Вестник СПбГУКИ. 2017. Декабрь. №4 (33). С. 66-69.

³⁰⁶ <https://petrograff.ru/dmitrij-aske-ulichnoe-iskusstvo-i-ne-dolzno-by-t-polnost-yu-legal-ny-m/>

городское пространство. Исследователи пытаются выявить особенности взаимодействия человека и города на основе художественных практик³⁰⁷. Они отмечают перформативный поворот в искусстве, когда исключается пассивная позиция зрителя и предполагается его активное участие в создании произведения искусства. Этой трансформации способствовало появление новых форм выразительности в искусстве. И в целом можно говорить о том, что перформативные практики не так тесно связаны с городским пространством, как граффити и стрит-арт, но город становится оптимальной площадкой для данного вида деятельности. Городская среда может быть фоном, инструментом и даже в каком-то смысле самим художником. И именно в городской среде обеспечивается необходимая диалогичность, коммуникативность в процессе создания произведения искусства.

Важным тезисом перформативного искусства является возможность производства смыслов самим зрителем. И здесь важна не конечная точка, а сам процесс смыслотворчества, который не имеет четко заданной точки, куда необходимо прийти. В этом отношении полифункциональность, полисемантичность городской среды создаёт пространное поле для процесса производства смыслов, финал которого будет для каждого зрителя индивидуальным. Важным моментом здесь становится «игра» с пространством. Она проявляется в том, что обыденная среда, которая в привычных условиях не может быть частью произведения искусства, становится таковой. То есть горожанин как бы играет с городским пространством, примеряя на него иные функции, трансформируя тем самым свои отношения с ним.

При этом создатели произведения искусства провоцируют зрителя к таким формам взаимодействия. Тем самым они стирают границы между тем, кто создает произведение и тем, кто его потребляет. В отличие от них музейные формы взаимодействия с экспонатами тоже подразумевают взаимодействие, но

---

³⁰⁷ Барчугова Е.В., Рочегова Н.А. Художественные практики в городском пространстве // Contemporary World's Architecture. 2021. С. 217-233. URL: <https://archi.ru/elpub/94457/hudozhestvennye-praktiki-v-gorodskom-prostranstve>.

редко предполагают возможность унести часть произведения с собой. Присвоение городского пространства осуществляется в том числе и мягкими методами такими, как, например, свет. Медиа-архитектура является одним из популярных способов на время «захватить» среду города.

2.2.2 Адаптивные практики

Адаптивные практики тоже подразумевают трансформацию, но трансформацию, в первую очередь, самого горожанина в соответствии с правилами, по которым функционирует городское пространство. В данном случае речь идёт о приспособлении человека к условиям городской жизни, интеграции в новую обстановку. Об адаптивных практиках чаще всего говорится в контексте смены места жительства с сельской местности на городскую, то есть в данном случае речь идёт о практиках миграции³⁰⁸. В частности, этим вопросом подробно занималась Чикагская социологическая школа³⁰⁹. Результаты адаптации могут быть различными: от полного погружения в городскую среду и усвоения её правил до формирования геттоизированных, бедных районов и возвращения человека в привычное место жизни.

Адаптивные практики связаны не только с миграцией населения из сельских в урбанизированные территории, но и с трансформациями, происходящими в самой городской среде. Такого рода процессы требуют от горожанина не меньшей гибкости, чем в ситуации с переездом из деревни в город. Так, например, описанная Вячеславом Леонидовичем Глазычевым слободская специфика городов³¹⁰ объясняет трудности в адаптации городских

---

³⁰⁸ Гнисюк Н.А., Ушаров С.О. Практики освоения городской территории мигрантами: история крушения гражданского кооператива // Антропология в поисках нового языка описания: Тезисы. А72 Томск: Изд-во Том. ун-та. 2016. С. 35-36.

³⁰⁹ Блинова М.С. Миграция населения: подход социологов Чикагской школы // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 4. С. 172-190.

³¹⁰ Глазычев В. Л. Высвобождение городов // Российская провинция, 1993, № 0. URL: <http://www.glazychev.ru>.

жителей к изменениям, произошедшим в пространстве постсоветских промышленных моногородов. Слобода – город, образовавшийся вокруг завода, на протяжении многих лет определял стиль, ритм жизни, финансовое благополучие горожанина, который, как правило, был работником этого предприятия. Экономические, политические, социальные сдвиги отразились и на структуре «города-слободы».

Главная перемена заключалась в том, что завод перестал быть центральным, консолидирующим началом для жителей³¹¹. И в таком контексте адаптивные практики зачастую имеют отрицательную динамику. Несмотря на то, что завод в постсоветское время уже не выполняет своих объединяющих функций, некоторые горожане продолжают воспринимать его именно в таком ключе и ожидают, что система социальных, экономических отношений вокруг завода будет реализовываться по прежнему сценарию. Такого рода реакция демонстрирует возможность существования разрывов между трансформационными процессами, происходящими в городской среде, и динамикой социальных отношений.

К адаптивным практикам также можно отнести процессы, которые связаны с устойчивым трендом развития бренда территории и её туристской привлекательности. Говоря о брендировании места, стоит упомянуть о трансформации отношения горожанина к своему месту. Ярким примером является кейс города Урюпинска, когда сами жители вместо того, чтобы испытывать негативные эмоции по отношению к своему родному городу, вместе с командой маркетологов сформировали бренд места, который помог в минусах провинциального поселения увидеть большой потенциал. Жители Урюпинска стали транслировать идею, что их город является столицей русской

---

³¹¹ В данном случае под заводом подразумевается не только само здание, но и система управления предприятием, включающая принципы заботы о сотрудниках: строительство жилья, социальной инфраструктуры, предоставление финансовых льгот и так далее.

провинции³¹². Изначально существующие особенности городской среды не были изменены, а трансформировался сам взгляд горожанина на город.

Развитие туризма приводит к изменениям в социальном портрете горожанина. Вместе с появлением соответствующей инфраструктуры появляются рабочие места в сфере туризма, что в свою очередь ведёт к изменениям в структуре рынка труда. Более того, исследователи полагают, что туризм является сугубо городской практикой. Так, Ольга Юрьевна Минина в этой связи отмечает, что «городская среда и городская культура являются основанием для возникновения данной социокультурной практики»³¹³.

Стоит отметить, что адаптации человека к городскому образу жизни соответствуют изменения в формах и смыслах обрядовых действий, праздников. Социолог Р. Сеннет описал опыт адаптации ритуального праздника к городской среде Древней Греции. Он описывал празднование Адонии Афинах, когда в предпраздничное время афинянки украшали свои дома растениями латука: «Древний миф, согласно которому пролитая кровь Адониса увлажнила землю, связывал гибель наслаждения с плодородием почвы <...> В городском ритуале, напротив, иссушение земли и увядание растений возвращает к жизни чувственную телесность. Именно для того, чтобы приспособить древний обряд к этой новой цели, женщины преображали пространство собственного дома»³¹⁴. Старинный ритуал, связанный со смертью, в городской среде превратился в «элемент городского опыта».

Подобным же образом современные свадебные церемонии трансформируют традиционные обряды бракосочетания. Смыслы, заложенные изначально в данных обрядах, нивелируются. Например, полисимволический костюм невесты становится всего лишь ярким праздничным атрибутом и способом заявить о себе на городской сцене, а не символом перехода девушки

---

³¹² Туристический паспорт города Урюпинска. URL: <https://urupinsk.net/city/turizm/pasport.pdf>.

³¹³ Минина О. Ю. Туризм как социокультурная практика и влияние её на городскую культуру // Вестник гуманитарного университета. 2017. №2 (17). С. 129-133.

³¹⁴ Сеннет Р. Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016. С. 88.

из статуса невесты в статус жены. На первый план выходит желание брачующихся поучаствовать в необычной (даже экзотичной) церемонии или же, наоборот, стремление к простоте (отказ от пышных, дорогих торжеств). То есть в городе свадебные церемонии становятся способом оригинально провести праздник. Форма проведения традиционных свадебных обрядов в городе остаётся более или менее прежней, а меняется их смысловое наполнение. Если изначально подобного рода ритуальные действия воспринимались как общепринятый, привычный и понятный сценарий бракосочетания, то в городской среде именно неординарность происходящего представляет ценность.

Под новые городские условия адаптируются не только горожане, но изменения происходят и с *практиками городских нарративов*. М. де Серто, описывая воздействие практик ходьбы, стиля одежды и жизни, способов готовки еды на формирование образа жилого квартала, особую роль отдает городским нарративам. «Они (городские нарративы – О.О.) постепенно превращают различные места в кафе, офисы и жилые здания. ... Оперируя лексиконом объектов и хорошо известных слов, они создают иное измерение, то фантастическое, то преступное, то страшное, а то легитимирующее. Именно так они делают город “правдоподобным”, воздействуют на него с непостижимым размахом, который еще требуется оценить, и открывают его для путешествий. Они — ключи к городу, они дают пропуск к тому, что он есть: мифу»³¹⁵. Только овладевая городским нарративом – этими «ключами к городу» – житель становится подлинным парижанином (как у М. де Серто), берлинцем, москвичем и т.д.

Определенную призму взгляда на город создают художественные произведения. Исследователи отмечают, что уже в XII веке в литературе появляется образ города³¹⁶. Но наиболее значимым элементом литературного

³¹⁵ Серто М. де. Призраки в городе //Неприкосновенный запас, 2010. №2(70). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/prizraki-v-gorode.html>.

³¹⁶ Гофф Ле Ж. Средневековый мир воображаемого. С.К. Цатуровой. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. 440 с.

творчества он становится в XIX веке. Писатели и поэты XIX и начала XX веков, создавая разнообразные портреты городов, осмыслили городское пространство и социальные отношения, которые в нем разворачиваются. Отечественная классика особе внимание уделяла столичному Петербургу. *Медный всадник* А. С. Пушкина, *Преступление и наказание* Ф. М. Достоевского, *Невский проспект* и *Мертвые души* Н. В. Гоголя, *Петербург* А. Белого, *Фома Гордеев* М. Горького – все эти произведения рисовали устрашающие или же, наоборот, вдохновляющие, но одинаково выразительные портреты Петербурга и его жителя.

Поэма *Медный всадник* дает целую галерею разнохарактерных портретов Петербурга: город допетровской эпохи показан на контрасте с европейским торговым, культурным транспортным центром, созданным Петром I. Петербург меняется в зависимости от смены времен года и под воздействием стихийных бедствий. Он видится А. С. Пушкину через «прозрачный сумрак» белых ночей, «недвижный воздух и мороз» петербургской зимы, плывущие по улицам «грозой снесенные мосты, гроба размытого кладбища» после наводнения 1824 года. Литература, в отличие от социологии, экономики и других наук, способна в одном элементе ухватить город как цельную структуру, не прибегая при этом к многокомпонентным сложным изысканиям. Образ города может раскрываться в судьбе одного литературного героя. При этом городское пространство в художественном произведении не дробится на составляющие. Так произошло в романе Ф. М. Достоевского *Преступление и наказание*, где Родион Раскольников стал олицетворением мрачного Петербурга, вызывающего депрессию, необузданную гордыню и безнадегу. Сложная судьба главного героя романа – это воплощение судьбы столицы России XIX века. Достоевский, описывая город, говорит, что там были «... толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь... Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, довершили

отвратительный и грустный колорит картины»³¹⁷. Если А. С. Пушкин и Ф. М. Достоевский создавали портрет конкретного города, то Н. В. Гоголь в *Мёртвых душах* описал типичную российскую провинцию, намеренно не называя ее (город NN). Писатель выделяет такие характерные детали города, как «дома с вечным мезонином», «почти смытые дождем вывески». Казалось бы, они представляют собой незначительные элементы городской среды, но именно эти элементы помогают достроить образ российской глубинки.

Однако создание образа города не ограничивается лишь классическими произведениями. Шаг в поиске текстуального разнообразия сделали лингвистика и представители тартуской семиотической школы под руководством Ю. М. Лотмана. В поле научных интересов филологов и лингвистов входят городской фольклор и его жанры, а также городской нарратив. Изучением городских текстов занимается широкий круг исследователей. Так, например, А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов, В. В. Стратен³¹⁸, В. Шкловский³¹⁹ являются собирателями и исследователями современного городского фольклора в разных его проявлениях³²⁰. Н. В. Дранникова³²¹ рассматривает технологии собирания городского фольклора. Изучению локальных городских текстов посвящены работы М. Алексеевского, М. Лурье, А. Сенькина, А. Жердева³²². Рассматривая трансформацию городского фольклора, С. Ю. Неклюдов отмечает усиление

---

³¹⁷ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 6. Л. : Наука, 1973. С. 6.

³¹⁸ Стратен В. В. Творчество городской улицы // Художественный фольклор. Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАН. М., 1927. С. 144-164.

³¹⁹ Шкловский В. О трамвайном фольклоре // Звезда. 1933. № 5. С. 90-93.

³²⁰ Современный городской фольклор / Составители: А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. 736 с.

³²¹ Дранникова Н. В., Разумова И. А. Город и фольклорист: проблемы собирательских технологий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. Архангельск. 2012. № 1. С. 130-134.

³²² Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) // Штетл, XXI век: Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб., 2008. С. 179-208.

роли отдельного автора в процессе создания новых произведений³²³, что в очередной раз подчеркивает значимость антропологической компоненты в конституировании современного городского пространства.

Близкое понятие к городскому тексту – городской нарратив. Феномен нарратива исследовали Р. Барт, П. Рикер, В. Шмид. Среди российских ученых, занимавшихся данной проблематикой, можно выделить Б. В. Томашевского, В. Я. Проппа, М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, и др. Французский философ Р. Барт определяет нарратив через рассказывание³²⁴. Рассказчик, сюжет, разворачивающийся во времени, действующие лица – неотъемлемые составляющие повествования. Историчность придает ему динамику, движение.

Британские исследователи Й. Брокмейер, Р. Харре видят в нарративе инструмент исследования действительности и конструирования возможных миров: «Можно сказать, что литература является зондом для исследования как действительного, так и возможных миров. В то же время она позволяет нам сделать шаг назад и исследовать, например, тот способ, с помощью которого мы вообще исследуем незнакомые, странные и угрожающие явления»³²⁵.

Среди разнообразия городских нарративов важно выделить *городские легенды*, которые создаются несколькими авторами. Городское мифотворчество – мощный механизм адаптации в городской среде. Легенды являются объединяющими смысловыми кодами для горожан, очерчивают символические границы городского пространства. Жители, которые соотносят себя с той или иной городской легендой, могут считаться земляками. Городские легенды охватывают более крупный масштаб, нежели масштаб одного человека. С другой стороны, они связаны с идентичностью места, его смысловыми характеристиками. На их основе создание городских сценариев будущего

³²³ Неклюдов С. Ю. Устные традиции современного города: смена фольклорной парадигмы // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре. Studies in Slavic Folklore and Folk Culture. Вып. 2. Под ред. А. Архипова и И. Полинской. Oakland, Berkeley Slavic Specialties, 1997. P. 77-89.

³²⁴ Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 196-238.

³²⁵ Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. №3 С. 42.

города становится более понятным. Они формируют новое измерение городского пространства, делают его более объемным: «В социокультурном пространстве могут сосуществовать прошедшие и современные культурные пласты»³²⁶. В урбанизированной среде оно принимает функциональный характер. Например, происходят так называемые «манипуляции с деньгами», когда преднамеренно создается легенда, что место обладает магической силой, исполняет желание, если бросить туда монету³²⁷.

К адаптивным практикам также можно отнести цифровизацию городской среды в том смысле, что цифровые инструменты позволяют человеку адаптироваться к усложняющимся условиям городской жизни: использование навигаторов для пешеходов и автомобилистов. современные исследования значительное внимание уделяют и обратному процессу - воздействию цифровых технологий на горожанина. Если М. де Серто говорит, что город существует в моменте движения человека, здесь и сейчас, то в разрезе цифровых технологий городская среда представляется в виде графиков, изображений, схем. Сеть кофеен, магазинов, станций велопроката, маршруты передвижения и многие другие объекты и действия превращаются в точки и пятна на карте, как их называет О. Запорожец, логьекты³²⁸. Такого рода данные позволяют увидеть город в ином разрезе, с новыми характеристиками и в ином масштабе. Они становятся отдельным измерением города, которое разворачивается в цифровом мире и не привязано к конкретному месту. Это новая форма репрезентации городской среды, которая может быть представлена в виде таблиц, цифр, данных и не разворачиваться в плоскости.

---

³²⁶ Тулиганова И. В. Социокультурное пространство современного города : дисс... к-та философских наук : 09.00.11 / Тулиганова Ирина Валерьевна. Саратов, 2009. 166 с. URL: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/sociokulturnoe-prostranstvo-sovremennogo-goroda.html>.

³²⁷ Громов Д.В. Манипуляции с деньгами в спонтанных городских практиках // Фетиш и табу: Антропология денег в России / Сост. А.С. Архипова, Я. Фрухтманн. М.: ОГИ, 2013. С. 147–161.

³²⁸ Запорожец О. Н. Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // Этнографическое обозрение. 2015. № 4. С. 41-54.

Также исследователями изучается влияние цифровых технологий на городскую навигацию³²⁹, что также может быть отнесено к адаптивным практикам.

Ярким примером цифровых решений, помогающих в адаптации человека в городской среде, являются сервисы для маломобильных горожан. Учитывая популярность и активное развитие навигационных систем для пешеходов и автомобилистов без особенностей здоровья, подобные сервисы, ориентированные на маломобильных пешеходов, видятся особенно значимыми. Они заметно расширяют радиус перемещений, обеспечивают реализацию права горожанина иметь доступ к благам территории. Программные решения значительно упрощают и ускоряют интеграцию человека с особенностями здоровья в городскую среду. Использование подобных ресурсов позволяет человеку не ждать, когда в городе будет полностью завершён процесс формирования доступной социальной инфраструктуры, а пользоваться городом уже сейчас.

С другой стороны, динамичность, подвижность городской среды обуславливает необходимость постоянного реагирования на происходящие изменения, в том числе на появление цифровых городских сервисов. В частности, это связано с развитием информационных технологий и цифровизацией города. К адаптивным практикам, например, относится *освоение горожанами электронного паспорта*, новых средств навигации и т.д. Таким образом, цифровизация с одной стороны помогает горожанину адаптироваться к происходящим изменениям, а с другой, продукты диджитал-трансформации сами становятся объектом освоения для горожанина. Иными словами, технологии цифрового города нацелены на то, чтобы сделать жизнь горожанина проще и удобнее, но в то же время именно они требуют от жителя города осваивать новые цифровые инструменты, меняться вместе с ними.

---

³²⁹ Епанова Ю. В. Антропологический опыт городской навигации в эпоху цифровых медиа: к постановке проблемы // Вестник Самарского муниципального института управления. 2015. №2. С. 167-173.

Исследователь сетей в городе Уильям Митчелл заявляет: «В кочевом электронном мире я становлюсь двуногим терминалом, ходячим IP-адресом, а может, еще и беспроводным маршрутизатором в импровизированной мобильной сети. Отныне я вписан не в витрувианскую окружность, а в расходящиеся от меня круги электромагнитных волн»³³⁰. Такой образ горожанина демонстрирует, что цифровые технологии, подобно промышленному городу в конце XIX века, могут вызывать чувство беспомощности у горожанина перед трансформирующимся городским пространством. Если город-фабрика рубежа веков воспринимался как огромная машина, унифицирующая горожан, превращающая человека в винтик, то современные цифровые технологии пугают прежде всего тем, что они дают возможность узнать слишком много о человеке. Благодаря цифровизации проницаемым становится и приватное пространство индивида. Приznak хорошего тона - вовремя отвечать на телефонные звонки и сообщения, которые могут поступить в любое время суток: «Находиться на “связи“ - необходимость, привычка и одновременно бремя современного горожанина»³³¹. В период пандемии пространство дома для многих стало импровизированным офисом, в который через онлайн-видеосвязь может «заглянуть» чужой человек. Городские системы безопасности все легче идентифицируют любого прошедшего под камерой, могут отследить его перемещения и получить иную информацию.

Таким образом, адаптивные практики являются постоянным атрибутом современной городской среды и не становятся менее актуальными после завершения массового переселения из сельской местности на урбанизированные территории. Более того, адаптивность становится характерной чертой современного горожанина, активно отвечающего на изменения, происходящие в городе.

---

³³⁰ Митчелл У. Я++: человек, город, сети. М.: Strelka Press, 2012. С. 80

³³¹ Лапина-Кратасюк Е.Г. Цифровые коды российских городов: связи, разрывы и немного о любви к человеку // Шаги-Steps.T2. №1. Москва, 2016. С. 103.

2.2.3 Поддерживающие практики

Поддерживающие практики предполагают, что существующие в городском пространстве правила и принципы хорошо усвоены и приняты горожанином, воспринимаются естественно. Так же, как и в ситуации с изменяющимися практиками человек активно действует, но действует, воспроизводя существующие, хорошо знакомые сценарии. Этот тип практик в современных городах является не менее показательным, чем другие социальные действия, поскольку демонстрирует особенности городского стиля жизни.

Поддерживающие практики определяют городской стиль жизни, являются уникальными его феноменами. Этот тип практик наиболее ярко демонстрирует особенности городского пространства, отличающие его от сельской местности. Среди поддерживающих практик особое место занимают различные формы городского досуга, которые появляются и развиваются в современном городском пространстве.

Одна из таких досуговых практик, подробно описанных в научной литературе, является фланерство³³². Отстраненное наблюдение за театром городской жизни создает особую форму отношений человека и города, где существуют как бы две стороны, действующего и наблюдающего. Они могут находиться максимально близко, но не пересекаются, существуют будто бы в двух измерениях. Примером таких практик могут быть туристические прогулки по достопримечательным местам приезжих, праздное блуждание по пешеходным улицам местных жителей.

Современные досуговые активности также характеризует использование новых пространств, например, антикафе. Ученые описывают их как многослойные, многофункциональные, свободные пространства, где

---

³³² Беньямин В. Московский дневник. М.: Ad Marginem, 2013. 264 с.

посетители могут заниматься разными видами активностей³³³. Эти черты отражают специфику не только антикафе, но и современных городов, в которых и развиваются подобного рода пространства.

Практики потребления в целом можно отнести к поддерживающему типу городских действий. Они тесно переплетены с высокой экономической активностью, характеризующей городское пространство (город – рынок³³⁴). И здесь важно отметить, что практики потребления в городском пространстве отличаются избирательностью, нацеленностью на высокое качество и некоторую уникальность потребляемого блага: изысканный ресторан, оригинальная театральная постановка, особенности архитектуры, яркое мероприятие и т. д. Иными словами, практики потребления указывают на разнообразие, существующее в городском пространстве.

Также поддерживающие практики могут определять сугубо городскую специфику места. Исследователи описывают новые, но уже привычные формы употребления пищи во время обеденного перерыва (на лужайке возле офисного здания) среди работающих горожан или же увеличение числа пеших прогулок, заменяющих передвижение на автомобиле³³⁵. Когда мы говорим о городском стиле жизни, то в первую очередь это относится к привычным, устоявшимся способам взаимодействия людей в городе.

Георгий Николаевич Черкасов, описывая современные городские практики, говорит о росте гуманности городской среды. Эта постановка вопроса говорит о том, что до того периода город воспринимался как фабрика по производству капитала: многоэтажные жилые и офисные здания, промышленные предприятия, доходные дома, торговые улицы, частные мастерские формируют экономическое ядро городов, определяют их успешность. Учёные указывают на человекомерность такой трансформации

---

³³³ Дадаева Т. М., Кузнецова Т. А. Феномен антикафе, или Новые места досуговых практик молодежи в условиях виртуализации городского пространства (на примере case-study «Кубик Рубикова» г. Саранска) // Регионоведение. 2021. Том 29. №3. С. 709-729.

³³⁴ См. Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.

³³⁵ Черкасов Г.Н. Лондон-Нью-Йорк: практика повышения уровня гуманности городской среды // АСADEMIA. Архитектура и строительство. 1. 2012, С. 38-50.

городской среды. За ней, как правило, следует изменение и повседневных практик горожан. Эти новые условия как бы возвращают город человеку, делают его более приветливым.

Особое место в исследовательском дискурсе занимают практики коммеморации. В городском пространстве они проявляются в виде установки монументов и памятников, переименовании улиц, совершении ритуальных праздничных действий³³⁶. Город видится как представитель коллективной памяти, которая формирует городскую идентичность в том числе за счет коммеморальных практик. Возведение памятников, монументов – это способ расстановки смысловых акцентов городской среде, определение отношений не только с прошлым, но и с настоящим. Важно отметить, что практики установки памятников могут быть отнесены как к поддерживающим, так и трансформационным в зависимости от общественно-политического контекста.

Поддерживающие практики позволяют определить, что же именно в городском стиле жизни сохраняют и воспроизводят такого рода действия. Особое исследовательское внимание к городской мобильности как сугубо городской практике определяет значимость связанности, поточности для современного городского пространства.

Во всё усложняющейся структуре городского пространства, в том числе в связи с ростом полиэтничности приобретают особое значение *коммуникативные практики*. Они позволяют горожанам, использующим разные языки, осуществлять эффективную коммуникацию³³⁷. Развивая тематику жизненного пространства города, О. Ф. Филимонова актуализирует проблему его целостности, которая обеспечивается, по мнению исследователя,

---

³³⁶ Горнова Г.В. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности // Гуманитарные исследования. 2017. №2 (15). С. 18-21.

³³⁷ Ледаева М.Ю. Реализация коммуникативных практик в полиэтничном городском пространстве (на примере г. Самара) // Вестник Чувашского государственного чувашского института культуры и искусств. № 13-2. 2018. С. 179-183.

за счет взаимосвязанных сфер, реализующих основные функции города³³⁸. Тем самым она подчеркивает значение коммуникативного действия в социальном пространстве города. Коммуникативные практики определяют связь между людьми в городе и, что немаловажно, связь человека с местом. Для городского пространства коммуникативные практики являются определяющими, основополагающими. Именно они обеспечивают цельность, единство городского пространства.

В отношении поддерживающих практик стоит отметить, что они становятся примером кристаллизации городского стиля жизни и потенциально могут существовать вне городского контекста. Эти кристаллизованные формы городских практик, попадая в менее урбанизированную среду, в новом пространстве приобретают черты практик трансформационных. Тем самым они замыкают цикл постоянного становления и пересоздания городского пространства.

Сценичность, театральность некоторых практик говорит о первостепенной роли общественных пространств для городской среды. Сфера частной жизни в гораздо меньшей степени становится объектом городских практик. Несмотря на то, что существуют примеры, когда объектом социального действия становится частная территория, даже в этом случае действия обращены на расширение именно общественного поля. То есть общественные пространства города – это место реализации современных городских практик.

Современные городские практики – сложный феномен, включающий в себя большое разнообразие видов социального действия. Многие из них могут быть рассмотрены как отражение процессов изменения городской среды. Представленная в настоящей работе типология городских практик

---

³³⁸ Филимонова О. Ф. Жизненное пространство города: концептуальные основания и ментальные структуры: дисс... д-ра философских наук: 09.00.11 / Филимонова Ольга Федоровна. Саратов, 2004. 348 с.

демонстрирует то обстоятельство, что не только трансформационные, но и адаптивные и поддерживающие практики связаны с лабильностью городской среды.

Рассмотрение практик в контексте урбанизированной среды свидетельствует о том, что в пространстве города они приобретают особое звучание. То есть город – это та среда, где городские практики совершаются иным, особенным способом, нежели практики, работающие в деревенской или природной среде. Они формируют определенный стиль жизни, который задает способ существования современного горожанина.

Являясь одновременно и фактором постоянного изменения современного города, и индикатором такого изменения, городские практики требуют подробного и методически выверенного их изучения, нежели просто их описания. Предложенная в диссертационной работе типология городских практик, с нашей точки зрения, позволяет подойти более точно к выявлению и более адекватному пониманию трендов урбанизации современных городов.

2.3 Акторы городских практик

Исследуя трансформационные процессы, происходящие в городском пространстве, целесообразно обозначить основных участников, имеющих непосредственное отношение к городским изменениям. В этой связи значимым видится разделение таких понятий как «субъект» и «актор» несмотря на то, что во многих исследованиях они могут употребляться как синонимичные. Субъект относится к терминологическому аппарату, который активно используется в классической философии (Р. Декарт, И. Кант)³³⁹. В этой философской традиции субъект понимается как «носитель предметно-практической деятельности и познания, источник активности, направленный на объект»³⁴⁰. В данном случае

---

³³⁹ Колесников А.С. Становление проблемы субъекта: от Декарта до современной философии // *Формы субъективности в философской культуре XX века*. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.10-25.

³⁴⁰ Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. С. 661.

субъект-объектная связка является определяющей и отражает позитивистскую модель познания.

Если «субъект» - наиболее употребимый термин для философских работ, то «актор» в большей мере распространен в социальной, политической теории³⁴¹, а также является термином, характерным для постмодернистской исследовательской парадигмы. Классические субъект-объектные отношения противостоят схеме взаимодействия актора с актором. Здесь отсутствует однозначная, чёткая дихотомия между действующим и подвергающимся воздействию. Современный французский социолог Ален Турен утверждает: «Предметом социологии является объяснение поведения действующих лиц посредством социальных отношений, в которых они оказываются³⁴². Иными словами, на первый план выходят мотивы, способ мышления действующего лица, встречающегося с таким же, как и он, актором. Действующим агентом (актором) может являться как индивидуальное лицо, так и социальная группа, институт и т.д.

Кроме того, стоит отметить, что актер отличается способностью оказывать воздействие на социальные реалии «в противоположность социальному субъекту, находящемуся под влиянием социальной структуры, которая управляет его поведением»³⁴³. Согласно современным представлениям, актора характеризует способность «влиять на политический процесс, автономность воли при принятии решений и влияние на систему»³⁴⁴. Учитывая специфику городского пространства, являющегося частью пространства социального, в рамках данной работы для описания действующего лица в городе будет использован термин «актор».

---

³⁴¹ См. Холдоров О. Н. Соотношение категорий «актор» и «субъект», «участник», «агент» в политической теории // Вестник Поволжского института управления 2016. № 4 (55). С. 128-133; Etzioni A. The active society. New York: Free Press, 1968a.

³⁴² Турен А. Возвращение человека действующего. М.: Научный мир, 1998. С. 43.

³⁴³ Кравченко С.А. Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с английскими эквивалентами) / С.А. Кравченко. М.: Издательство МГИМО, 2011. 408 с. URL: <https://voluntary.ru/termin/aktory.html>

³⁴⁴ Холдоров О. Н. Соотношение категорий «актор» и «субъект», «участник», «агент» в политической теории // Вестник Поволжского института управления 2016. № 4 (55). С. 129.

С устоявшимся тезисом, что человек является главным актором трансформаций в городе, сложно поспорить³⁴⁵. В связи с этим важно определить модусы горожанина, отражающие трансформирующую роль человека в городе, а также выявить иных агентов, определяющих городской трансформационный потенциал.

Наиболее очевидный модус городского актора – *активный горожанин*. Под этим термином подразумевается горожанин, глубоко вовлеченный в проблемы территории, знающий её особенности и активно меняющий городское пространство. Стоит отметить, что словосочетание «активный горожанин» объединяет собой не только активистов, но и представителей городской власти. Несмотря на то, что в исследовании приводится большое число примеров низовых инициатив, следует учитывать, что городские властные структуры также активно участвуют в преобразовании городского пространства и могут быть причислены к группе активных горожан.

Выделение в модусе активного горожанина дополнительных подгрупп агентов осуществляется на основе теории М. де Серто о стратегии сильных и тактике слабых³⁴⁶. Исследователь отмечает, что инструмент «слабых», тех кто противопоставлен власти – это тактика. Они, обладая арсеналом тактических инструментов, меняют или стараются изменить городское пространство снизу. Сильные же, в первую очередь речь идёт о представителях власти города, трансформируют город посредством финансовых и административных ресурсов, обладая привилегией действовать на стратегическом уровне. Потому активного горожанина следует воспринимать как составной модус, в котором объединены представители как минимум двух социальных групп.

Феномен активного горожанина в российской урбанистической традиции подробно рассмотрен в трудах В. Л. Глазычева, который называет городской

---

³⁴⁵ См., например, Григорян, Ю. От демиурга к партнеру. Как архитекторы увидели горожан // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press, 2017. С. 70-77.

³⁴⁶ Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

активизм «шестой властью»³⁴⁷. Также деятельностную позицию человека в городском пространстве актуализировал советский архитектор Леонид Борисович Коган. Размышляя о городах, он утверждал о существовании специфической городской культуры, присущей не каждому жителю города. Его лозунг «требуется горожане!» заявляет о необходимости становления особого городского менталитета и рассуждает о таком понятии, как «воспитание городом»³⁴⁸. Речь идет не об обычном усвоении правил «городского поведения», а о «профессиональном горожанине», который будет определять развитие территории: «Как показывает опыт развития новых индустриальных центров, несмотря на существование определенного производственного импульса для ускоренного форсирования городской среды, ... ей требуется время для культурного созревания, кристаллизации собственного городского слоя»³⁴⁹. То есть горожанин в данном случае определяется не только и не столько фактом принадлежности к городской среде, но спецификой своего поведения, своего мировосприятия.

У активных горожан, в особенности это относится к активистам, сильна локальная идентичность, привязанность к месту. Для них ценность представляет не город вообще, как некое абстрактное понятие, а город как конкретное место, где они проживают или с которым себя соотносят. И потому схожие для многих городских территорий проблемы становятся особенными в призме взглядов активного горожанина на свое место жительства. Тем самым в каждом конкретном случае ощущение, понимание города и городских проблем формируется заново применительно к конкретной локации. С этим можно связать сложность дефиниции «городское», понимания города в обобщённом виде, поскольку это всегда локальная история, пересобираемая заново.

В основе городского активизма лежит возможность изменения городского пространства, трансформации его границ, в первую очередь,

---

³⁴⁷ Шестая власть. Городские активисты // Strelka KB. Бюллетень городов России. №3, 2017. URL: <https://media.strelka-kb.com/bulletin3-activists>.

³⁴⁸ Коган Л. Б. Быть горожанами. М.: Мысль, 1990. С. 169.

³⁴⁹ Там же. С. 188.

обозначающих пространство, доступное для разных горожан. Важно отметить, что понимание своей территории у активного горожанина обязательно захватывает пространство общественного, публичного. То есть активный горожанин мыслит в масштабах двора, микрорайона, улицы, целого города, всего того, что не относится к частной жизни. Действия активного горожанина направлены на то, чтобы трансформировать те отношения, явления в городе, которые касаются общего блага. Активный горожанин действует в общедоступных местах, где сталкиваются интересы, запросы разных социальных групп, где обнаруживаются прочерченные внутри городского пространства социальные и территориальные границы. Потому зачастую такая деятельность может получить негативную оценку в стиле «ему больше всех надо».

Такими действиями активный горожанин присваивает общественное пространство, заявляет свое право на то, чтобы пользоваться им. Но здесь необходимо разделить деятельность, связанную с присвоением общественной территории вместе с другими участниками и деятельность по переводу её в частную собственность. Говоря об активном горожанине, мы подразумеваем актора, который при изменении городских границ не стремится сделать общедоступное место частным, зарытым для других горожан, а трансформирует его таким образом, чтобы оно не потеряло своей публичности.

Стоит отметить, что действия активного горожанина актуализируют значимость общественных пространств города – мест реализации городских практик. Функция этих локаций не ограничивается лишь развлекательно-рекреационной составляющей, а определяет становление специфической городской среды. Российский градостроитель, архитектор Шабуров П.В. исследовал трансформацию пространства площадей Европы в Средневековье³⁵⁰. Среди рассуждений автора о морфологии и эволюции

---

³⁵⁰ Шабуров П. В. Трансформация пространства и ландшафта площадей городов Европы в Средневековье // АМІТ. 2014. 4(29). URL: <https://marhi.ru/AMIT/2014/4kvart14/shaburov/shaburov.pdf>.

европейских площадей четко прослеживается понимание ценности таких пространств, обеспечивающих целостность, функциональность городской среды.

Особый модус действующего горожанина представлен фигурой фланера. Немецкий философ и теоретик культуры Вальтер Беньямин в своих работах один из первых актуализировал фигуру фланера³⁵¹. Это человек, праздно прохаживающийся по городу, дистанцированно, но в то же время с интересом наблюдающий за происходящим в городской среде. Фланер в исследованиях В. Беньямина будто бы отстранен от городской жизни, не принимает в ней активного участия, смотрит на нее как на разворачивающуюся драму³⁵².

Из позиции фланера В. Беньямин изучал Париж XIX века и рассматривал его как репрезентацию исторической эпохи. Для описания столичного города ученый выхватывал отдельные городские элементы, например, парижские пассажи или же упоминания о городе знаменитых поэтов (Шарль Бодлер) и на их основе давал характеристику времени. В создании пассажей В. Беньямин увидел стремление парижан к роскоши, а также активное использование новых материалов в строительстве, таких как, например, железо.

Метод отстраненного наблюдателя, который выбрал В. Беньямин, дает возможность ухватить суть городского пространства, рассматривая единичные объекты и не прибегая к сложным многокомпонентным исследованиям. Они, как правило, могут стать характеристикой эпохи, места. Например, парижские пассажи, описанные исследователем – это и роскошь городов XIX века, и новые технологии в строительстве, и панорамность мировосприятия горожанина, а также стремление города захватить село в свои границы³⁵³.

Описание фланера как человека, который прохаживается по городу без какой-либо цели, имеет важное значение в понимании взаимодействия городской среды и горожанина. Если человек идет по городу с намерением

---

³⁵¹ Беньямин В. Париж, столица XIX столетия // Беньямин В. Озарения М., 2000. С. 153-167; Беньямин, В. Московский дневник. М.: Ad Marginem, 2013. 264 с.

³⁵² Там же.

³⁵³ Там же. С. 153-167.

попасть из одной точки в другую, то его путь и город в целом воспринимаются как транзитные и потому малозначимые. В случае прогулки фланера целью является само пространство города, а не конкретное место назначения. В этом случае городское пространство перестает быть фоном или средством получения неких благ, оно само становится благом. Яркий пример фланера – Джеп Гамбарделла, герой фильма «Великая красота»³⁵⁴, внимательно, но отстраненно наблюдающий за жизнью города.

Идеи фланерства, характеризующие горожанина как внимательного зрителя, перекликаются с пониманием пространства города как сцены. Это позиция отстраненного, но заинтересованного наблюдателя или исследователя городской жизни: «...руководящий принцип фланера может быть сформулирован очень просто: “смотри, но не прикасайся”»³⁵⁵. Не принимая активного участия в городской жизни, человек пристально за ней наблюдает.

С одной стороны, эта деятельность отдаляет его от города, а с другой, наблюдение представляет собой одну из активных форм городской жизни. Дж. Джекобс писала о том, что людям крайне интересно *наблюдать* за происходящим на улицах: «Мало кому нравится сидеть на крыльце или у окна и глазеть на пустую улицу, и почти никто этим не занимается. Но оживленная уличная жизнь — увлекательное зрелище для многих и многих»³⁵⁶. Ради праздного наблюдающего может изменяться городская инфраструктура. Яркий пример – кафе, в которых в тёплое время года организуются летние веранды, позволяющие посетителям наблюдать за прохожими. Ещё один пример – прозрачные окна общепита. Они выполняют не только маркетинговую функцию, приглашая зайти в заведение, но и дают человеку возможность следить за происходящим по обе стороны от стекла. Прозрачное стекло – это метафора городской границы, разделяющей фланера и участников городского

³⁵⁴ «Великая красота», реж. Паоло Соррентино (Италия, Франция, 2013).

³⁵⁵ Кларк Д. Б. Потребление и город. Современность и постсовременность // Логос. 2002. 3 (34). URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/03.pdf>.

³⁵⁶ Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. С. 45

спектакля. Граница существует, но она абсолютно прозрачна, то есть проницаема для просмотра с обеих сторон. Она не скрывает ни смотрящего, ни тех, на кого смотрят.

Сам акт отстраненного наблюдения трансформирует городское пространство. Это действие не только создает границы между наблюдающим и действующим, но также актуализирует рефлексивную позицию по отношению к городу и к происходящим в нем процессам. В момент смотрения формируется взгляд исследователя, который затем может стать основанием для изменений в городской среде или же новым ракурсом оценки городского пространства. Примерами современного фланера могут быть блогеры, фотографы, которые в тексте или фотографии пытаются запечатлеть особенности городской среды, за которой ни наблюдают, в том числе через стекло фото- или видеокамеры.

Рассмотрение вопроса о городских акторах требует обращения к такому феномену, как *Посторонний* и разграничения его с Другим, с кем неизбежно человек встречается в городском пространстве.

Рынок, во многом определяющий специфику функционирования городского пространства, определяет необходимость существования Другого и встречи с ним. В основе рыночных отношений лежит объединение непохожих, разных индивидов, что приводит к обезличиванию социальных взаимосвязей. Отечественный исследователь Б. В. Марков писал: «... любовь и ненависть были достаточно резко разведены: любили свое и боялись чужого. Рыночные отношения поставили людей в новые условия: враг оказался среди “своих”»³⁵⁷.

Современное городское пространство помимо того, что продуцирует постоянные контакты горожанина с незнакомыми людьми, определяет большое количество пространственных, социальных, политических изменений. Иными словами, горожанин сталкивается не только с другим человеком в городе, но и с другим предметным, социальным, политическим контекстом. Концентрация разнообразия и изменчивость городской среды определяют необходимость принимать тот факт, что в городе может появиться нечто неожиданное, новое,

---

³⁵⁷ Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб: Алетейя, 1999. 304 с.

непонятное. Другой – это неотъемлемый элемент городского пространства, обуславливающий специфику и особенности социального взаимодействия в городе.

Другим может оказаться практически любой горожанин. И потому его сложно отнести к той или иной группе акторов городских практик. Вместе с тем общее представление о Другом в городе дает возможность подойти к рассмотрению фигуры Постороннего, который в данной работе рассматривается как модус Другого. Посторонний позволяет определить некоторые стороны и процессы жизни города, становление и изменение его пространств и границ, которые остаются скрытыми для взгляда «изнутри», характерного для активного горожанина или фланера.

В толковых словарях «посторонний» имеет различные толкования³⁵⁸. Среди множества значений присутствует слово «чужой». Чужой находится на другой территории, он может обладать иным миропониманием, поведением: не такой, как здесь, отличный, непривычный, непохожий и т.д. Идентификация Чужого происходит в тот момент, когда он вступает на неродную для него территорию и, главное, начинает проявлять свойственные ему черты. То есть Чужого начинают идентифицировать за счет противопоставления. Поэтому он присутствует в нашей жизни как система координат или ориентир. В этом смысле он играет положительную идентификационную роль. Чужой сохраняет эту функцию даже в том случае, когда реализуется в образе врага. Чужой наделяется вполне определенными характеристиками, которые позволяют его идентифицировать, чего нельзя сказать о Постороннем.

Определение Постороннего осуществляется через отрицание. Британский социолог З. Бауман фиксировал Постороннего следующим образом: «Есть

---

³⁵⁸ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Москва: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. 1375 с.; Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка: 100 000 слов и словосочетаний. Москва: Аделант, 2014. 799 с.

друзья и враги. И есть посторонние»³⁵⁹, то есть он ни друг и ни враг, и не чужой. Среди других горожан ученый выделил Постороннего как представителя отдельной социальной группы. Тем самым Посторонний разрывает лаконичность и ясность схемы «пространство свое» - «пространство чужое» и актуализирует присутствие еще одного поля – это пространство самой границы.

Анализируя современный город и Постороннего в нем, Дэвид Кларк утверждает следующее: «Аллотропная категория постороннего неизбежно бросает вызов параметрам упорядочивающего принципа современности, который может быть, соответственно, охарактеризован как “вязкий” или “скользящий”: размазывающийся по обеим полюсам оппозиции, находящийся по обе стороны рубежа, нарушающий границу, и в то же время полностью не присутствующий и не отсутствующий ни на одной из двух сторон»³⁶⁰. В рассуждениях Д. Б. Кларка Посторонний является свидетельством распада корреляции между физическим и социальным пространством. Если раньше физическая близость была идентична социальной, то в современном городском пространстве, такого соответствия нет. Посторонний выступает разрушителем социальной структуры.

В фигуре Постороннего получила свое развитие «потусторонняя» позиция по отношению к городскому пространству. Посторонний – это тот, кто находится «по ту сторону» относительно территории, определенного мировоззрения, позиции и т. п. Если следовать логике Г. Зиммеля, который утверждал, что у человека существует изначальная потребность во враждебности³⁶¹, то в городском пространстве Посторонний, находясь ни там, ни здесь, позволяет нивелировать конфликты в концентрированной, насыщенной городской среде.

³⁵⁹ Bauman Z. Modernity and Ambivalence // Theory, Culture & Society. 1990. V: 7 issue: 2-3. P. 143.

³⁶⁰ Кларк Д. Б. Потребление и город. Современность и постсовременность // Логос. 3 (34) 2002. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/03.pdf>.

³⁶¹ Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 115.

Несмотря на то, что в приведенных определениях фигура Постороннего видится ускользающей, трудноуловимой, Постороннего можно узнать в обычном туристе, который порой ощущает себя чуждым, неприкаянным в новом месте, не знающим, каким образом нужно себя вести, и какие формы взаимодействия здесь приемлемы. Если Чужого мы опознаем в тот момент, когда он начинает проявлять себя, свои уникальные черты, то Постороннему трудно это сделать, так как он не знает достоверно, каким образом являть себя миру, каковы «правила игры». Нет того общего коммуникационного поля, от которого можно оттолкнуться.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Посторонний наряду с другими актерами играет важную роль в трансформации городского пространства, в первую очередь, за счет того, что обозначает пространство самой границы, делает границы проницаемыми, изменяемыми, а значит, несмотря на кажущуюся непричастность к городским изменениям, Посторонний является их непосредственным участником.

Ещё один актер городских практик – сама *городская среда*. Она также может рассматриваться как непосредственный участник трансформации городского пространства. Такого рода взаимодействия подробно описывает акторно-сетевая теория. Ее представители Джон Ло, Бруно Латур и др. рассматривают материальный мир, представителей животного и растительного мира как активных участников социальных отношений³⁶². Один из представителей акторно-сетевой теории, Б. Латур называет их «не-человеки». Если П. Бурдьё рассматривает физические объекты как вещи, которые наделяются смыслами, являющиеся выражением отношения к разным видам капитала и занимающих пассивную позицию, то Б. Латур наделяет их активной воздействующей позицией. «Они должны быть актерами, а не просто жалкими

---

³⁶² См. Латур Б. Берлинский ключ, или как делать слова с помощью вещей. // Логос. 2017. Т.27. № 2. С. 157-170; Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.

носителями символической проекции»³⁶³. Сила их действия определяется не природными, а социальными началами. Пространство города в акторно-сетевой теории находится в постоянном становлении, оно неоднородно, включает в себя человека как социального актора и предметы материального мира, в которых разворачиваются социальные отношения. Появляются и меняются объекты, которые сами становятся участниками социальных отношений³⁶⁴.

Идея соединения разнородных элементов находит свое развитие в концепции социальной сборки Дж. Ло³⁶⁵. С его точки зрения городское пространство и есть место сборки, где собираются сложные социальные отношения, артефакты, агенты и т. д. Город составляют противоположные, противоречивые явления. В своей связанности они образуют городскую ткань, определяют разнообразие городской среды. Таким образом, город - изначально потенциальное место для борьбы, для конфликтов или, по крайней мере, для встречи с другим. Напряжение, хранящееся в этих противоречиях, дает энергию городу, возможность его развития. Разнообразие и противоречия города создают его единство. По мнению Дж. Ло, этот парадокс как раз может быть объяснен с точки зрения сборки.

Оценивая продуктивные возможности акторно-сетевой теории, В. Вахштайн разрабатывает видение города как технического объекта. Он пишет: «Как изобретение лифта или интернета меняет городское пространство? Какие «социотехнические ансамбли» формируют ядро устойчивых отношений города? Начав с предельно прикладных вопросов, исследователи, вооруженные оптикой акторно-сетевой теории Б. Латура и социальной топологии Дж. Ло, перешли к фундаментальным темам - к переопределению самой идеи «социальной ткани» города, переосмыслению городского пространства как

---

³⁶³ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 23.

³⁶⁴ Спиридонов И. А. Теоретико-методологические особенности изучения социального пространства города: дисс... к-та архитектуры: 22.00.01 / Спиридонов Илья Александрович. Саратов, 2011. 138 с.

³⁶⁵ Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Из-во Института Гайдара, 2015. 352 с.

топологически множественного и прочему»³⁶⁶. Город есть один из самых ярких и «громко» говорящих не-человеков. Постоянное взаимовлияние городского пространства и его жителя демонстрирует принципы акторно-сетевой теории. Таким образом, подход к социально-философскому осмыслению городского пространства включает в себя антропологическую компоненту, а также неодушевленные физические объекты (не-человеки), с которыми горожанин взаимодействует. Не-человеки позволяют объяснить изменчивость городского пространства, определяют возможность его трансформации.

Наиболее показательным примером того, как городская среда может запустить трансформацию социальных процессов в городе, является благоустройство. Результатом материальных преобразований среды становится изменение социальной структуры, характеризующей благоустроенную территорию: расширяется количество социальных сценариев места, территория становится более безопасной, появляются представители разных социальных групп, при определенных условиях место становится точкой экономической активности. Природные изменения также могут провоцировать трансформации в городском пространстве. Так, например, участвовавшие наводнения в прибрежных городах заставляют менять планировочную структуру территорий.

Перечень примеров, демонстрирующих активную трансформационную позицию предметно-природного мира, можно продолжать достаточно долго. Важным является тот факт, что эта среда не может быть статичной и изменяется не только благодаря воздействию человека, а она имеет собственную логику развития и трансформации, которая в конечном итоге определяет трансформации, происходящие в городе.

Мишель де Серто пишет о городе-субъекте, что тот утверждается тройной операцией, включающей: производство собственного пространства; замещение неуловимых и упорных видов сопротивления традиции не-временем, или синхронической системой; создание универсального и анонимного субъекта. «Именно так функционирует город-понятие, место

---

³⁶⁶ Вахштайн В. С. Социология города // Постнаука. 2016. URL: <https://postnauka.ru/faq/59648>.

преобразований и присвоений, объект вторжений, но в то же время субъект, который постоянно обогащается новыми атрибутами: он одновременно и театральная машинерия, и главный герой современности»³⁶⁷.

Все рассмотренные модусы актора городских изменений демонстрируют возможность трансформации городского пространства, связанную с границами. Активный горожанин и не-человеки указывают на бесконечный творческий потенциал границы и возможность её смещения с одной позиции на другую. Феномен Постороннего постулирует, что непривычное, необычное в городском пространстве, а также изменчивость, проницаемость границ. И даже фланер, который, казалось бы, лишь всматривается в городской спектакль и находится на определенном отдалении от горожан, формирует диспозицию в городском пространстве в виде наблюдающего и действующего. Таким образом, активность актора, связанная с трансформацией городской среды, в первую очередь определяется и отвечает свойствами границы.

Поводя итог анализу городских практик можно вполне определенно рассматривать их как специфический вид творческой деятельности человека, в процессе которой он осваивает пространство города. Освоение пространства города – это сложноструктурированная деятельность, включающая в себя как рациональные, так и иррациональные элементы. Кроме того, освоение ими пространства города имеет две стороны. С одной стороны, освоение совершается через присвоение общедоступных мест и границ их определяющих, которые конфигурируют существующее пространство города, с другой – освоение происходит благодаря производству новых мест и перераспределению границ, которые меняют конфигурацию городского пространства, трансформируя его. Все это позволило определить городские практики как способ освоения городского пространства через его производство, понимание и переживание.

---

³⁶⁷ Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 190.

Являясь фактором постоянного изменения современного города, и индикатором такого изменения, городские практики требуют подробного и методически выверенного их изучения, не ограничиваясь их описанием. Предложенная в диссертационной работе типология городских практик, с нашей точки зрения, позволяет подойти более точно к выявлению и адекватному пониманию трендов урбанизации современных городов. Тому же способствует, проведенная в работе, экспликация, анализ и классификация акторов городских трансформаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пространство города продолжает оставаться актуальной темой исследований в разных сферах научного знания (архитектура и градостроительство, общественные науки, экономика и т.д.). Сложность и многокомпонентность этого феномена определяет широкий спектр тем для научных изысканий. Многие из них обращены к динамике городского пространства, его изменчивости и трансформациям, что определило актуальность данного исследования.

Ретроспектива философских взглядов на категорию «пространство» позволила выделить её характерные черты, которые объясняют специфику существования пространства городского. Среди них: пространство как условие существования вещного мира; его порождающий и конституирующий потенциал; важная роль границ в его форматировании. Эти характеристики пространства могут быть использованы при анализе механизмов трансформации пространства города.

Важным обстоятельством, позволяющим явить природу механизмов трансформаций городского пространства, выступает представление о городе как социальном феномене. Социальное измерение городского пространства делает зримым его как феномен экстернализации бытия-вместе, реализуемое на предметно-вещном основании, но имеющим не физическую, а смысловую сущность.

Материал, представленный в диссертационном исследовании, позволил рассматривать городское пространство как одно из видов пространств, а именно как пространство социального, в котором осуществляется социальное взаимодействие. Рассмотренное в своем социальном измерении, городское пространство консолидирует представителей разных социальных групп, предметы материального мира, мира значений и смыслов. Городское пространство, в силу своей природы – быть местом социального

взаимодействия – обладает текучестью, подвижностью внешних и внутренних границ, состоянием постоянного становления и трансформации.

Пространство города – место реализации человеческой потенции. Несмотря на то, что городское пространство рассматривается как динамичная, постоянно конструируемая и непостоянная структура, в современной цивилизационной ситуации именно эти характеристики обеспечивают городу устойчивость, возможность быстрого развития и продуцирования необходимых элементов. И это подтверждает слова социального географа Н. Трифта: «Города могут быть зоной враждебности, но одновременно они источники надежды»³⁶⁸.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что трансформация городского города определяется, прежде всего, наличием границ и их свойствами: лабильностью, изменчивостью, проницаемостью. Способность границ к постоянной трансформации обеспечивает вариативность сценариев изменения и конструирования пространства города. Города являются местом концентрации разнообразия социальных отношений, смыслов, модных тенденций, объектов городской среды, событий культурной, экономической и образовательной сфер и многого другого. Границы поддерживают диверсификацию на локальной территории, чему способствует амбивалентный характер границы, которая одновременно и разделяет сущее, и объединяет его. Границы в городском пространстве обеспечивают возможность сосуществования явлений в одном месте. Граница не только обозначает предел, но и является указателем на то, что за ней присутствует нечто. Тем самым она становится связующим элементом элементами городского пространства, не нивелируя различия между ними.

Интенсивность процессов, происходящих в городе, концентрация разнообразия в нем обладают потенциалом изменения городского пространства, реализуемого в городских практиках. Городские практики в современной теоретической и урбанистической мысли стали предметом

---

³⁶⁸ Thrift N. *Non-Representational Theory: Space, Politics, Affect*. Abingdon: Routledge, 2007. P. 200.

особого интереса, но не были определены исследователями, а лишь обозначены как данность.

Результаты проведенного исследования позволяют говорить о городских практиках как специфическом виде творческой деятельности, трансформирующим городское пространство. Специфика городских практик как вида человеческой деятельности состоит в том, что ими городское пространство осваивается субъектами практик. Как способ освоения городские практики представляют собой сложноструктурированную деятельность, которая по своему составу амбивалентна. С одной стороны, освоение совершается через присвоение общедоступных мест и границ их определяющих, с другой – освоение происходит благодаря производству новых мест и перераспределению их границ. Именно производство новых мест, влекущее за собой изменение их границ, меняет конфигурацию городского пространства. Городские практики как механизмы трансформации пространства города – это способ освоения городского пространства через его производство, понимание и переживание.

В исследовании представлена типологизация практик, определяющих трансформационный потенциал городского пространства с участием человека: креативные, адаптивные и поддерживающие. К *креативному типу* практик мы относим те, которые в той или иной мере трансформируют порядок социальных взаимодействий в городе, материальную среду, систему ценностей и т.д. В данном типе практик наиболее ярко проявляется активная позиция горожанина по отношению к пространству города и высокая степень его влияния на городское пространство. *Адаптивные практики* тоже подразумевают трансформацию, но трансформацию, в первую очередь, самого горожанина в соответствии с правилами, по которым функционирует городское пространство. В данном случае речь идёт о приспособлении человека к условиям городской жизни, интеграции в новую обстановку. *Поддерживающие практики* предполагают, что существующие в городском пространстве правила и принципы хорошо усвоены и приняты горожанином, воспринимаются

естественно. Так же, как и в ситуации с креативными практиками человек активно действует, но действует, воспроизводя существующие, хорошо знакомые сценарии. Этот тип практик в современных городах является не менее показательным, чем другие социальные действия, поскольку демонстрирует особенности городского стиля жизни.

Разнообразие городских практик определило необходимость выделения модусов действующего лица, участвующего в процессах трансформации городского пространства. Наиболее очевидный модус – активный житель города, целенаправленно, осознанно меняющий городское пространство (городской активист, активный горожанин). Именно модус активного горожанина наиболее ярко демонстрирует динамичность изменений городского пространства. Другим модусом современного горожанина, участвующего в преобразовании городского пространства, является фланер. Фланер реализует рефлексивную функцию горожанина по отношению к городскому пространству, что, в свою очередь, является неотъемлемой составляющей трансформации этого пространства. Еще одним модусом субъекта, оказывающим влияние на трансформацию городского пространства, можно определить Постороннего. Его роль в изменениях городского пространства состоит в своеобразной «экспертизе», «оценке» в которой город, его пространство с «городским» наполнением выступают в качестве объекта. В качестве своеобразного субъекта городских практик можно назвать и материальные элементы городской среды, которые в акторно-сетевой теории названы как «не-человеки» (Б. Латур). Последние в качестве субъектов могут рассматриваться постольку, поскольку с ними ежедневно взаимодействует житель города.

Полученные в ходе научного исследования результаты намечают перспективы для дальнейшего социально-философского осмысления городского пространства и городских практик. Городские практики являются не только способом трансформации городского пространства, но и индикатором происходящих в городе изменений. В этой связи более

подробного изучения заслуживают конкретные практики, оказывающие влияние на изменение пространства города. Так рассмотренные в данной работе практики цифровизации могут стать предметом отдельного научного исследования, которое подробно раскроет особенности социальных взаимодействий в цифровом городе и их взаимосвязь с материальным миром.

Результаты исследования могут быть применены в создании концепций развития городских территорий, при проведении проектных семинаров с горожанами, в формировании новых подходов к градостроительству. Полученные теоретические выводы могут стать основой для тематического расширения образовательных курсов по социальной философии, социологии города, антропологии, культурологии. Таким образом, результаты диссертационного исследования могут быть востребованы как для теоретического осмысления, так и практической реализации различных сфер и аспектов жизни современного города.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеевский М., Жердева А., Лурье, М., Сенькина, А. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) // Штетл, XXI век: Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб., 2008. С. 179-208.
2. Алексеевский М. Городская антропология: от локальных «племен» к глобальным «потокам» // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press, 2017. С. 78-99.
3. Амин Э., Трифт Н. Города: переосмысляя городское. Нижний Новгород : Красная ласточка, 2017. 224 с.
4. Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. 3 (34). С. 209-233. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/14.pdf>.
5. Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историзм. Л.: СОЦЭКГИЗ, 1933. 272 с.
6. Афанасьева В. Философия города. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2012. 243 с.
7. Афонин М. В. Особенности городской сегрегации в крупном региональном центре (на примере Ярославля) // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 1 (23). С.121-126.
8. Барчугова Е. В., Рочегова, Н. А. Художественные практики в городском пространстве // Contemporary World's Architecture. 2021. С. 217-233. URL: <https://archi.ru/elpub/94457/hudozhestvennye-praktiki-v-gorodskom-prostranstve>.
9. Бауман З. Город страхов. Город надежд // Логос. 2008. № 3 (66). С. 24-53.
10. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
11. Беньямин В. Московский дневник. М.: Ad Marginem, 2013. 264 с.
12. Беньямин В. Париж, столица XIX столетия // Беньямин В. Озарения. М., 2000. С. 153–167.
13. Бергер П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.

14. Берджесс Э. У. Рост города: Введение в исследовательский проект // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. IV. Вып. 1-2 (11-12). С. 168-171.
15. Бернюкевич Т. В. Социокультурное пространство города: от метафизики города до исследования городских практик // Общество: философия, история, культура. 2022. № 7. С. 13-17.
16. Блаватский В. Д. Античный город // Античный город : сб. ст. / под ред. А. И. Болтуновой; АН СССР; Ин-т археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 7-30.
17. Блаженный Августин. Творения (том третий). О граде Божием. Книги I-XIII. СПб: Алетейя; Киев: УЦИММ Пресс, 1998. 595 с.
18. Блинова М. С. Миграция населения: подход социологов Чикагской школы // Вестник Московского университета. 2011. Социология и политология. Сер. 18. № 4. С. 172-190.
19. Богомолов А. Буржуазная философия США XX века. М., 1974. С. 74. 334 с.
20. Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. 1997. № 9. С. 107–116.
21. Боровкова О. В. «Граница» и «предел» как два способа ограничения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299(1). С. 38-41.
22. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890-1907. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/>.
23. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. №3 С. 29-42.
24. Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
25. Бурдьё П. О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; Отв. ред., предисл. Н. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.
26. Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007. 288 с.

27. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.1. № 2. СПб: Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ», 1998. С. 44-59.
28. Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко М.: Socio–Logos, 1993. 336 с.
29. Вагин В. В. Социология города // Библиотека Гумер. Учебное пособие для муниципальных управляющих. М.: Московский научный общественный фонд, Школа муниципального управления, 2001. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/index.php.
30. Вахштайн В.С. Если город превращается в витрину, то скоро в нее полетят камни // BBC News. Русская служба. 2016. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-36786791>.
31. Вахштайн В. С. Социология города // Постнаука. Февраль 2016. URL: <https://postnauka.ru/faq/59648>.
32. Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.
33. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.
34. Ветошкина Ю. В. Письменные практики в современных городских сообществах // Урбанистика. – 2021. № 2. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34572.
35. Виноградова Н. Социальное пространство и социальное взаимодействие // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 39-54.
36. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Избранные работы по социологии. М., 2005. С. 93-118.
37. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 440 с.
38. Волков В.В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.

39. Волосникова Е. А. Эволюция социологических взглядов на город в рамках классической метапарадигмы // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3 (19). С. 121-125.
40. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер. 2007. 335 с.
41. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 501 с.
42. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
43. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
44. Глазычев В. Л. Выслободение городов // Российская провинция, 1993, № 0. URL: <http://www.glazychhev.ru>.
45. Глазычев В. Л. Поэтика городской среды // Официальный сайт В. Л. Глазычева. URL: http://www.glazychhev.ru/habitations&cities/1986_poetika.htm.
46. Глейзер Э. Триумф города. М.: Изд-во института Гайдара, 2014. 432 с.
47. Гнисюк Н. А., Ушаров С. О. Практики освоения городской территории мигрантами: история крушения гражданского кооператива // Антропология в поисках нового языка описания: Тезисы. А72 Томск: Изд-во Том. ун-та. 2016. С. 35-36.
48. Говард Э. Город-сад. / Эбенизер Говард; пер. с англ. А. Ю. Блох; С предисл. авт. и переводчика к рус. изд.; Предисл. А. Спэнса. М.: Сакура , Б. г., 1992. 175 с.
49. Голенков С. И. К основаниям социального // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005 г.): В 5 т.: т. 3. М.: Современные тетради, 2005. С. 382-383.
50. Голенков С. И. Феномен взгляда в событии со-бытия // Герменевтика сообщества: материалы конференции. Самара: изд-во «Самарский университет», 2011. С. 74-82.

51. Голенков С. И. Феноменология Другого Сартра // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск Философия. Филология. 2006. № 1 (4). С. 88-112.
52. Горнова Г. В. Философия города: монография. М.: ФОРУМ : ИНФРА-М, 2014. 334 с.
53. Горнова Г. В. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности // Гуманитарные исследования. 2017. №2 (15). С. 18-21.
54. Гороховская Л. Г. Мобильные городские практики глазами пассажиров // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 133-138.
55. Гофф Ле Ж. Средневековый мир воображаемого / Общ. ред. С.К. Цатуровой. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. 440 с.
56. Гранкина Е. А. Гуманитарное пространство города: хронотоп, институты, «гении места» : дисс... к-та культурологии : 24.00.01. Самара, 2016. 165 с.
57. Григорян Ю. От демиурга к партнеру. Как архитекторы увидели горожан // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press, 2017. С. 70-77.
58. Громов Д. В. Манипуляции с деньгами в спонтанных городских практиках // Фетиш и табу: Антропология денег в России / Сост. А.С. Архипова, Я. Фрухтманн. М.: ОГИ, 2013. С. 147–161.
59. Дадаева Т. М., Кузнецова Т. А. Феномен антикафе, или Новые места досуговых практик молодежи в условиях виртуализации городского пространства (на примере case-study «Кубик Рубикова» г. Саранска) // Регионология. 2021. Том 29. № 3. С. 709-729.
60. Декарт Р. Сочинения в 2-х т.: Т. I. М.: Мысль, 1989. 654 с.
61. Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

62. Делёз Ж. Мишель Турнье и мир без другого / Ж. Делез // Турнье, М. Пятница, или Тихоокеанский лимб: Роман / М. Турнье; пер. с фр. И. Волевич. СПб.: Амфора, 1999. С. 282-302.
63. Джеймисон Ф. Посмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с.
64. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
65. Джемс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления. М., 2012. 240 С.
66. Диоген Лаэртский. О жизни, сочинениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 571 с.
67. Добренёв В. И., Кравченко, А. И. Социология: [Учебник]. В 3-х т. Т. 3: Социальные институты и процессы. М.: ИНФРА-М, 2000. 519 с.
68. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 426 с.
69. Дранникова Н. В., Разумова И. А. Город и фольклорист: проблемы собирательских технологий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 130-134.
70. Дьюи Дж. Реконструкция в философии. Проблемы человека / Пер. с англ. Л. Павловой. М.: Республика, 2003. 494 с.
71. Епанова Ю. В. Антропологический опыт городской навигации в эпоху цифровых медиа: к постановке проблемы // Вестник Самарского муниципального института управления. 2015. №2. С. 167-173.
72. Желнина А. Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 2(78). С. 45-59.
73. Замятин Д. Н. Постгород: пространство и онтологические модели воображения. Полис. Политические исследования. 2018. №3. С. 147-165.

74. Запорожец О. Н. Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // Этнографическое обозрение. 2015. № 4. С. 41-54.
75. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. 3 (34). URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf>.
76. Зиммель Г. Женская культура // Избранное. Т. 2. М., 1996. 596 с.
77. Зиммель Г. Мост и дверь // Социология власти. 2013. №3. С. 145-150.
78. Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 114-119.
79. Зиновьева А.А. Проблема Другого в философии Ж.-П. Сартра // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. №1. С. 28-37.
80. Иванов В.В. Избранные труды по семиотике культуры. Т.1. М.: «Языки русской культуры», 1999. 912 с.
81. Иванова Н.А. Понятия «габитус» и «хабитуализация» в контексте социологических теорий // Вестник Томского государственного университета. 2011. №1(13). С.124.
82. Иливицкая Л.Г. Город в пространственно-временном измерении: культурдиагностический подход : автореф. дисс. ... доктора философских наук : 24.00.01 / Иливицкая Лариса Григорьевна. Саранск, 2021. 48 с.
83. Иливицкая Л.Г. Смысловая многослойность города: хронотоп и палимпсест // Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества государства: сб. статей и материалов. Челябинск: Южно-Уральский гос. ни-т искусство им. П.И. Чайковского, 2020. С. 138-142.
84. Кампанелла Т. Город Солнца. Москва-Ленинград : Academia, 1934. 182 с.
85. Кант И. Критика чистого разума // И. Кант Соч. В 8-ми т. Т.3. М.: Чоро, 1994. 741 с.
86. Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 4; под общ. ред. А. В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. 629 с.

87. Карпов А. Имплотация городского пространства: проблема существования центра в городах современной России // Российское городское пространство: попытка осмысления / Сер. «Научные доклады». М.: МОНФ, 2000. С. 92-112.
88. Кемеров В.Е. Введение в социальную философию: Учебник для вузов. Изд. 4-е, испр. М: Академический Проект, 2001. 314 с.
89. Керимов Т. Х. Социальная философия: учебник. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 304 с.
90. Киселев Н.Н., Маркварт Э., Стародубровская И. В. Управление пространственными изменениями на региональном и муниципальном уровнях: учебное пособие. М.: Издательский дом «Дело», 2018. 282 с.
91. Кларк Г. Глобальные города и национальные государства: новый курс на партнерство в XXI веке // Сайт Московского урбанистического форума. М., 2014. URL: <https://mosurbanforum.ru/upload/iblock/6e7/6e78825dc0288c058dc33a4d0483fba9.pdf>.
92. Кларк Д. Б. Потребление и город. Современность и постсовременность // Логос. 2002. 3 (34). URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/03.pdf>.
93. Коган Л. Б. Быть горожанами. М.: Мысль, 1990. 207 с.
94. Колесников А. С. Становление проблемы субъекта: от Декарта до современной философии // Формы субъективности в философской культуре XX века. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.10-25.
95. Конев В. А. Измерения города // Конев В.А. Смыслы культуры. Сборник статей. Самара: из-во «Самарский университет», 2016. с. 183-190.
96. Конев В. А. Метрика пространства человеческого бытия // Конев В.А. Смыслы культуры. Сборник статей. Самара: из-во «Самарский университет», 2016. С. 178-183.
97. Конев В. А. Смыслы культуры: сб. ст. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. 276 с.

98. Конев В. А. Социальная философия: учеб. Пособие / В. А. Конев; Федеральное агентство по образованию. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 287 с.
99. Корбюзье Ле Ш. Э. Архитектура XX века. Москва : Прогресс, 1970. 304 с.
100. Кочухова Е. С., Мартьянов В.С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Атиномии. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 45-66.
101. Кравченко С. А. Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с английскими эквивалентами) / С.А. Кравченко. М.: Издательство МГИМО, 2011. 408 с. URL: <https://voluntary.ru/termin/aktory.html>
102. Кузовенкова Ю. А. Особенности освоения городского пространства сообществами граффити и стрит-арта // Вестник СПбГУКИ. 2017. Декабрь. №4 (33). С. 66-69.
103. Кузовенкова Ю. А. «Право на город»: практики легитимации граффити и стрит-арта // Культура и цивилизация. 2015. № 4-5. С. 31-46.
104. Куренной В. А. Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press, 2017. С. 14–29.
105. Лайдон М., Гарсиа М. Тактический урбанизм. М.: Strelka Press, 2019. 304 С.
106. Лапина-Кратасюк Е. Г. Цифровые коды российских городов: связи, разрывы и немного о любви к человеку от составителей раздела "городская информатика и цифровая антропология" / Е. Г. Лапина-Кратасюк, О. Н. Запорожец // Шаги-Steps. 2016. № 1. С. 103-113.
107. Латур Б. Берлинский ключ, или как делать слова с помощью вещей. // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 157-170.
108. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно–сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун–т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

109. Ледаева М. Ю. Реализация коммуникативных практик в полиэтничном городском пространстве (на примере г. Самара) // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. 2018. № 13-2. С. 179-183.
110. Лейбниц Г.-В. Письмо к Якобу Томазию о возможности примирить Аристотеля с новой философией // Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х томах: Т.1. М.: Мысль, 1982. С. 85-102.
111. Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах. Том 1., Серия: философское наследие. М.: Мысль 1982. 636 с.
112. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. С. 92. 432 с.
113. Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас, 2010 2(70). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/soczialnoe-prostranstvo.html>.
114. Линч К. Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева; сост. А. В. Иконников; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
115. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Из-во института Гайдара, 2015. 352 с.
116. Лоу С. М. Пласа: политика общественного пространства и культуры / пер. с англ. М.: Strelka Press, 2016. 352 с.
117. Лычко С. К., Мосиенко Н. Л. Общественный транспорт в практиках мобильности: повседневные маршруты горожан//Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 256-273.
118. Макаренко К. В, Логиновская В. О. «Умный город»: стандарты, проблемы, перспективы развития // Вестник ЮУрГУ. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника». 2019. Т. 19. № 3. С. 165-171.
119. Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб: Алетейя, 1999. 304 с.
120. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Книга 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т.: т. 7. М.: Политиздат, 1987. 920 с.

121. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2, т. 3. М., 1955. 629 с.
122. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М.: Изд-во «Наука». 462 с.
123. Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории. М., 1980. 287 с.
124. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия / Роберт Кинг Мертон. Москва: Директ-Медиа, 2007. 37 с.
125. Минаева Э. Ю. "WHO PLANS?" Влияние европейских урбанистических практик на городские режимы в крупнейших городах России // Современный город: власть, управление, экономика. 2019. Т. 1. С. 157-169.
126. Минина О. Ю. Туризм как социокультурная практика и её влияние на городскую культуру // Вестник Гуманитарного университета. 2017. №2(17). С. 129-133.
127. Митчелл У. Я++: человек, город, сети. М.: Strelka Press, 2012. 328 с.
128. Молина Э. Ф. Историко-лингвистический анализ слова *urbs* в свете Сталинского учения о языке // Ученые записки. Языкознание. 19. Томск, 1954. С. 81-91.
129. Мор Т. Утопия. М.: Наука, 1978. 417 с.
130. Мотрошилова Н. В. Атомы и пустота /История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. М.: Греко-латинский кабинет, 1995. С. 87-89.
131. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск : Логвинов, 2004. 272 с.
132. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество: Новое издание пересмотренное и дополненное. М.: Водолей, 2011. 208 с.
133. Неклюдов С. Ю. Устные традиции современного города: смена фольклорной парадигмы // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре. Studies in Slavic Folklore and Folk Culture. Вып. 2. Под ред. А. Архипова и И. Полинской. Oakland, Berkeley Slavic Specialties, 1997. P. 77-89.

134. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / Пер. с лат. А. И. Крылова. М., 1989. 688 с.
135. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1984. 797 с.
136. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Москва: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. 1375 с.
137. Основы марксистско-ленинской философии / Константинов Ф.В., Богомолов А. С., Гак Г. М. и др. 2-е изд. М.: Политиздат, 1973. 544 с.
138. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3-12.
139. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Том 5. № 1. С. 11-18.
140. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
141. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.
142. Пивоваров Д. В. Пространство и граница: лекция / Д. В. Пивоваров // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2016. № 1 (149). С. 152-164.
143. Пигров К. С. Социальная философия: Учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 296 с.
144. Пигров К.С. Очерки социальной философии: Учеб. пособие. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1998. 292 с.
145. Пирс Ч. Избранные философские произведения / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. 448 с.
146. Платон. Тимей // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. СПб, 2007. Т.3. Ч. 1. 752 с.

147. Попова Я. А. Проблемы проектирования городской площади как многофункционального общественного пространства // *Инновационная наука*. 2019. №4. С. 220-223.
148. *Практика и познание* / отв. ред. Д.П. Горский. М., 1973. 360 с.
149. Разинов Ю. А. Город-лабиринт // *Mixtura verborum'* 2009: боли нашего времени: ежегодник. Юбилейный выпуск / под общ. ред. С. А. Лишаева. Самара: Самар. гуманит. акад., 2009. С. 120-129.
150. Репина Е. А. Спонтанность в творческом методе современной архитектуры: 18.00.01 / Репина Евгения Александровна. Нижний Новгород, 2009. 321 с.
151. Романова А. Ю. Трансформация идеи: от «идеального города» к «городу будущего» // *Архитектура и современные информационные технологии*. 2015. 1 (30). URL: <https://www.marhi.ru/AMIT/2015/1kvart15/romanova/romanova.pdf>.
152. Романова Н. М. Социальные практики криминального доминирования: особенности вовлечения личности в криминальную деятельность // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 319–323.
153. Ромашко С. А. Пространство диалектики. Коммуникативная среда мегаполиса // *Российское экспертное обозрение*. 2006. №2 (16). С. 51-54.
154. Савчук В. В. Феномен поворота в культуре XX века // *culturalresearch.ru* : Международный журнал исследований культуры. 2013. 1(10). С. 93-108.
155. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
156. Сассен С. Глобальный город: введение понятия // *Глобальный город: теория и реальность* / Под ред. Н.А. Слуки. М.: ООО "Аванглион", 2007. С. 9-27.
157. Семенов А. В. *Этимологический словарь русского языка*. Москва : издательство «ЮНБЕС», 2003 г. 704 с. URL: <https://www.slovorod.ru/etym-semenov/sem-g.htm>.

158. Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. 3 (66). С. 95-107.
159. Сеннет Р. Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации / Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2016. 504 с.
160. Серто де М. Призраки в городе //Неприкосновенный запас. 2010. №2(70) URL:<https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/prizraki-v-gorode.html>.
161. Серто де М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
162. Серто де М. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т.7. № 2. С. 24-34.
163. Современный городской фольклор / Составители: А.Ф. Белоусов, И.С. Веселова, С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. 736 с.
164. Соловьев К. А., Юргайтис, А. Ю. Проекты идеальных городов эпохи Возрождения. Проблематика создания идеального города // Архитектура и строительство России. 2013. № 10. С. 22-29.
165. Спиридонов И. А. Теоретико-методологические особенности изучения социального пространства города: дисс... к-та архитектуры : 22.00.01 / Спиридонов Илья Александрович. Саратов, 2011. 138 с.
166. Стратен В. В. Творчество городской улицы // Художественный фольклор. Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН. М., 1927. С. 144-164.
167. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Складенко. СПб : Владимир Даль, 2002. 452 с.
168. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Елена Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
169. Тулиганова И. В. Социокультурное пространство современного города: дисс... к-та философских наук : 09.00.11 / Тулиганова Ирина Валерьевна. Саратов, 2009. 166 с. URL: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/sociokulturnoe-prostranstvo-sovremennogo-goroda.html>.

170. Тультаев Т. А. Современные тенденции развития рынка услуг и его принципиальные отличия от сферы материального производства // Экономика, статистика, информатика. 2010. №6. С. 124-127.
171. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
172. Тыхеева Ю. Ц. Человек в городском пространстве: философско-антропологические основания урбанографии : дисс... д-ра философских наук : 09.00.13 / Тыхеева Юлия Цыреновна. Санкт-Петербург, 2003. 334 с.
173. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.
174. Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. 184 с.
175. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка: 100 000 слов и словосочетаний. Москва: Аделант, 2014. 799 с.
176. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 576 с.
177. Филарете А. А. Трактат об архитектуре / Примечания и перевод: Глазычев В. Л. М.: Издательство Русский университет, 1999. 448 с.
178. Филимонова О. Ф. Жизненное пространство города: концептуальные основания и ментальные структуры: дисс... д-ра философских наук: 09.00.11 / Филимонова Ольга Федоровна. Саратов, 2004. 348 с.
179. Филиппова А. Г., Ракитина Н. Э., Гончарова С. В. Практики преодоления социального неравенства детства в городской среде // Казанский педагогический журнал. 2016. №4 (117). С. 199-201.
180. Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983. 840 с.
181. Философы Греции. Основы основ: логика, физика, этика. М.: Эксмо Пресс; Харьков: Фолио. 1999. 1056 с.
182. Флорида Р. Новый кризис городов: Джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать / Ричард Флорида: Пер. с англ. М.: Издательская группа «Точка», 2018. 360 с.

183. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц.. сост. вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. 536 с.
184. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
185. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. / Пер. с франц. сост., ком. и послесл. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. 448 с.
186. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Т. 3. Киев: Дух и Литера, 1998. 288 с.
187. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. / Пер. с фр. В. Каплуна. СПб.: Академический проект, 2004. 432 с.
188. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. Стаф под ред. В. Гайдамака. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
189. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.
190. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Margenem, 1997. 452 с.
191. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.
192. Холдоров О. Н. Соотношение категорий «актор» и «субъект», «участник», «агент» в политической теории // Вестник Поволжского института управления 2016. № 4 (55). С. 128-132.
193. Холлис Л. Город вам на пользу: Гений мегаполиса / Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
194. Черкасов Г.Н. Лондон-Нью-Йорк: практика повышения уровня гуманности городской среды // АCADEMIA. Архитектура и строительство. 1. 2012. С. 38-50.
195. Шабуров П. В. Трансформация пространства и ландшафта площадей городов Европы в Средневековье // АМІТ. 2014. 4(29). URL: <https://marhi.ru/AMIT/2014/4kvart14/shaburov/shaburov.pdf>.
196. Шкловский В. О трамвайном фольклоре // Звезда. 1933. № 5. С. 90-93.
197. Шпенглер О. Закат Европы: в 2-х т. Т.2. М.: Айрис-Пресс, 2004. 624 с.

198. Шугальский С. С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 276-280.
199. Щедровицкий П. Г. Философия развития и проблема Города // Формула развития. Сборник статей: 1987-2005. Москва: Архитектура-С, 2005. С. 26-35.
200. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 524 с.
201. Эпикур. Письмо к Геродоту // Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М., 1983. С. 292-306.
202. Этимологический словарь русского языка / Составитель Г.А. Крылов. СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. 432 с.
203. Якушевский И.Т. Практика и ее роль в процессе познания. М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961. 64 С.
204. Bauman Z. Modernity and Ambivalence // Theory, Culture & Society. 1990. V. 7. issue: 2-3. P. 143-169.
205. Booth Ch. Life and labour of the people in London. 3 ed. Raleigh: LULU Press, 2010. Vol. 1, vol. 8. 372 p.
206. Bourdieu P. Esquisse d'une théorie de la pratique: précédé de trois études d'ethnologie kabyle. Genève: Droz, 1972. 269 p.
207. Bourdieu P. Le Sens pratique. P.: Minuit, 1980. 475 p.
208. Castells M. The City and the Grassroots: A Cross-cultural Theory of Urban Social Movements. University of California Press; New Ed edition, 1984. 450 p.
209. Dewey J. Essays in Experimental Logic. 1916. 444 p.
210. Kangrga M. O nekim bitnim pitanjima teorije odraza // Neki problemi teorije odraza, Bled, 10–11 novembra 1960, Referati i diskusija na IV stručnom sastanku udruženja / redakcija: Vuko Pavićević, Bogdan Šešić, Svetlana Knjazeva. Beograd : Jugoslovensko udruženje za filozofiju. 143 s.
211. Lachmann R. Graffiti as career and ideology // Amer. j. of sociology. 1988. Vol. 94, № 2. P. 229-250.
212. Lefebvre H. The right to the city. Wiley-Blackwell, 1996. 260 p.

213. Lewis O. The culture of poverty // *Society*. 1998. 35 (2). P. 7-9.
214. Marković M. Humanizam i dijalektika. Beograd: Prosveta, 1967. 450 s.
215. Mead G. The Philosophy of the Act. Chi., 1938. 696 p.
216. Petrović G. Praksa i bivstvovanje // *Praxis*. 1964. no 1. P. 21-34.
217. Thrift N. Non-Representational Theory: Space, Politics, Affect. Abingdon: Routledge, 2007. 336 p.